

84(2Рос-4Пер)
С 71

Александр
Спешилтов

СТРАНИЦЫ
ПРОЖИТОГО

Александр
Спешилов

СТРАНИЦЫ
ПРОЖИТОГО

Автобиографическая повесть

3 1 6 5 3 0 20

Пермское книжное издательство
1979

Муниципальные библиотеки
Очерского района

У старейшего уральского писателя Александра Николаевича Спешилова богатая и интересная биография. Он родился в конце прошлого века на Каме, детство его было трудным, безрадостным — бурлацким.

Еще в юности он приобщился к литературному труду и не расставался с ним ни на фронтах гражданской войны, ни в последующие годы социалистического строительства. Итогом многолетней творческой работы А. Н. Спешилова стали его книги: «Бурлаки», «Преданность», «В колхозе «Зарево», «Приключение Белки в саянской тайге», «Первый маршрут Иры Сулимовой», «В лесах Прикамья» и другие.

Новая книга А. Н. Спешилова «Страницы прожитого» автобиографична. Писатель тепло повествует о том, что пришлось ему пережить и увидеть за свой долгий век, любовно вспоминает людей, с которыми ему пришлось встречаться.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

1. Сын солдата

Николай Спешиллов жил в семье старшего брата Андрея. Полюбил девушку из богатой семьи, и она его полюбила. Договорились обвенчаться. Но против были родные Николая.

— Нашла себе пару! — возмущался Андрей. — Из капитанской семьи да к бурлакам на жительство. Что люди скажут?

Противился и другой, многосемейный, брат Николая:

— Где будешь жить с молодушкой? Видишь, сколько нас — спим вповалку. Да и лишний рот в семье тоже не малина. Земли у нас всего три десятинки. Шел бы ты бурлачить. Заробишь денюжат, свою избушку сгношишь — ну и женись тогда.

Весной Николай пошел служить на Каму. Но сколько может заработать матрос на бурлацкой каторге? Как ушел, так и вернулся домой после навигации нищим.

В той же деревне жила одинокая старушка — родная тетка Николая. Он ушел от брата к ней в работники. Та заменила ему родную мать. Видя, как страдает парень, однажды посоветовала:

— Уговори Дуню выйти за тебя убёгом.

— Как это? — не понял Николай.

— Как принято. Запряги карька и вези ее в село. И обвенчаются. С попами я сама поговорю... И живите у меня, как родные детушки. И мне веселей, да и девку жалко. Когда ты бурлачил, она чуть жизни не решилась. Прочили ее за Коршуна, знаешь, быками торгует?

На масленой неделе Николай «выкрал» свою любимую из родительского дома, а священник Сергей обвенчал их в Петропавловской церкви.

Счастливые молодожены стали жить у тетки Марии.

Николай снова уехал служить на реку. Скоро его назначили подручным на барже, стал он получать большое по тому времени жалованье — тринадцать рублей в месяц. Посылал домой деньги и подарки тетке и молодой жене.

В конце навигации баржу с верховьев пароход уводил в затон на зимовку.

Женщины, старики, ребятишки пришли в Слудку на «поплав» для встречи с родными кормильцами, для передачи им немудреных подарков: сухарей, шанег, пива домашнего, овощей.

Село Слудка — на высоком берегу Камы. У церковной ограды сидели старики, молодежь прогуливалась по берегу. За рекой на заливных лугах, как бабки на кону, — стога и зароды.

— Нам бы эту палестину! — говорил рыжебородый старичок Спиридон. — Можно было бы лишнюю коровенку кормить. А то все покосы графские да поповские, нам не принадлежат, хотя мы на этих лугах робим. С полями то же самое. У мужика клинышки да восьмушки, у богатея — глазом не окинешь. У мужика с рождества хлебушка не стает. Приходится спину гнуть на богатея в отработку. Потому и с измалетства уходим на чужую сторону, чтобы заработать на житье. Я то же самое — робил, робил на парходчика, грыжу нажил, а теперь вот — калика переходящая... Эх бы всех этих хозяев лаптем раздавить на навозной куче!

Рыбак Яков Степанович возразил Спиридону:

— Бодливой корове бог рогов не дает.

— Ты, Яшка, ни лешака не понимаешь! Будут у нас рога. Будут! Не у нас, так у внуков наших. — Спиридон сердито поднялся с места и зашагал по берегу, ворча что-то себе под нос.

В это время в верхах, ниже Чермоза, над рекой поплыл густой дым. Темной точкой показался пароход с большой баржей «подкрылышком». От парохода отделилась лодка-завозня. Встречающие устремились с горы на приплесок.

Все ближе и ближе лодка. Многие узнавали уже лица знакомых матросов. Лодка ткнулась о берег. Первым выскочил из нее подручный водолива Николай, а за ним остальные.

Объятия, слезы, расспросы о здоровье, передача подарков. Но никто не встретил Николая. Он стоял в сторонке грустный, одинокий.

«Может, беда случилась в семье? Может, забыли меня семейщики?» — горько думал он. А его соседи, занятые встречей со своими, не обращали на него никакого внимания.

Когда суматоха подошла к концу, к Николаю приблизился Спиридон.

— Что пригорюнился, Николай? Радоваться, по-моему, надо.

— Чему прикажешь радоваться? Стою как сирота казанская.

— Чудной человек, ядрена елка! Бабушка Мария захворала негодя, а Филипповна тебе сына принесла. Не могла приехать-то из деревни.

— Не врешь, старик? — оживился Николай.

— Чего врать-то? Сам видел. В соседях живем.

Счастливым отцом неожиданно для старика обнял его и расцеловал в обе щеки. Спиридон с трудом вырвался и стал пятерней поправлять свою рыжую всклокоченную бороду. Пароход с баржей уже поравнялся с пристанью. Раздалась команда:

— Садись, ребята! Весла в воду!.. Ты, Никола, оглох, что ли? Залезай скорей в лодку.

Николай махнул рукой:

— Счастливого плавания! Подберите мою котомку на барже. Я никуда не поеду!

— Выдумал! Уволят дурака!

— Мне наплевать! — крикнул Николай. — У меня сын родился? Понимаешь? Первый сын!

Лодка помчалась наперерез каравану.

И понеслись над рекой прощальные свистки парохода, а Николаю было весело:

— Подумать только — сын родился!

В день крестин молодой отец решил сам пойти к попам, чтобы записать новорожденного в церковную книгу.

— Надо хорошее имя дать, — объяснил он жене. — Не то попы назовут его каким-нибудь Пентефрием. Мы назовем его Александром.

— Только богатеи записывают такие имена, — проговорила бабушка Мария. — Попы поглядят в святцы и не дадут такое имя. На моем веку в деревне-то были только два Александра. Из богатеньких они. Нам за ними-то не угнаться.

— Любое имя запишут, — весело возразил отец. — Я для такого случая приготовил кое-что. — И он отправился в село.

Чувствуя мзду, дать ребенку имя Александр попы согласились. Но снова заковыка: какое сословие родителя записать в книгу?

— По паспорту Спешиллов Николай Иванов. А звание твое? — спросил священник Василий Знаменский. — Крестьянин?

— Нет, — ответил Николай. — У меня и земли не было. Мы у тетки живем. У нее-то земля имеется, а на моем счету земли нету.

— Мещанин, должно быть?

— Мещанины в городах живут, а я все лето на реке. Бурлак я, матрос.

В разговор вмешался псаломщик Наумов:

— Ты, Николай Иванов, в солдатах служил?

— Было такое дело, — отвечает Николай.

Наумов подмигнул ему и посоветовал:

— Солдатом тебя можно записать.

И записали: «Деревни Тупицы солдат Николай Иванов Спешиллов».

Так я до революции по документам числился сыном «солдата деревни Тупицы».

На крестинах из родственников были только дед Филипп, бабушка Якимовна да крестный отец Иван Егорович Ховрин.

Прошли годы, забылись все обиды и раздоры. Родственники с той и другой стороны стали жить в дружбе и согласии.

Понятно, все это я не мог запомнить — маленький был. Рассказываю со слов старших. «Выпись из метрической книги о родившихся за 1899 год» до сих пор храню в личном архиве.

2. Беда за бедой

Нас уже трое братьев. Я — самый старший, за мной — пятилетний Митя и четырехлетний Иван. Мы были так похожи друг на друга, что нас плохо различала даже бабушка Мария. Если кого-нибудь надо было ей, кричала: — Санька, Митька, Ванька!

Отец по-прежнему служил на речном транспорте. Из-за самовольного ухода с баржи его, конечно, уволили с работы. И только после долгих мытарств удалось поступить рулевым на казенный винтовой пароходик «Волна». Он служил на посылках — казенный пакет на водомерный пост доставить, перевезти кассира с жалованьем для бакаенщиков, выполнял и прочие мелкие поручения.

Когда «Волна» проходила мимо Слудки, мы уже большой семьей, вчетвером, ходили на поплав.

Отец редко бывал дома. Всю крестьянскую работу мы выполняли без него. Шестилетним я уже хорошо косил траву, умел жать, боронить, считался старшим мужиком в семье. Обидно бывало — деревенские ребята в бабки играют, по огородам «шарят», рыбачат, а ты должен солому с гумна носить на подстилку корове, картошку копать — мало ли дел по-домашности.

Бабушка Мария, псалтырь по покойникам читавшая, решила меня грамоте учить.

— Аз, буки, добро! — зубрил я славянский алфавит и, ничего не понимая, приставал с вопросами к учительнице: — Почему у букв такие смешные названия? «Буки» какие-то...

— Так положено в святых книгах, — объясняла бабушка. — «А» да «бе» в мирской грамоте сам узнаешь, когда в школу пойдешь.

Нужды особой у нас не было. Отец посылал домой все свое жалованье, а когда ему удавалось приезжать на побывку, подарки привозил. И вдруг в июле 1904 года нагрянула беда.

В воскресенье бабушка Мария ходила в церковь, возвратилась вся в слезах. Мама забеспокоилась:

— Что с тобой? Захворала, поди?

Бабушка трясущимися руками передала маме письмо:

— От Николая оно. В волости получила.

Отец сообщал, что его гонят на войну с японцами, прощался с семьей. Нам, ребятам, велел слушаться старших. Мама заплакала:

— Прямо из городу взяли... Дома не побывал... проститься не дали.

И мы готовы были зареветь.

Бабушка обняла нас:

— Сиротинушки вы мои, горе-горькие...

Страшная эта беда обрушилась на многие семьи по бурлацкому увалу. Полились горькие слезы женщин. Многие осиротевшие семьи, потерявшие своих кормильцев, стали батрачить у кулаков и богатых капитанов. Старики, малые ребята надели на себя сумки нищих.

Как говорится, беда за бедой ходит. Однажды в жаркий день к нам пришел дедушка Филипп и попросил нас, ребят, помочь ему в сушке зерна.

Любил нас дедушка Филипп и жалел. Бывал у нас часто. Самострелы, игрушки мастерил. То горох нам принесет, то морковку, а иногда и по прянику.

Давно нет дедушки Филиппа, но он до сих пор, как живой, стоит у меня перед глазами. Худенький, среднего роста. У него седая бородка, добрые-добрые глаза. Дедушка в молодости бурлачил. На работе ему правую руку искалечило. Некоторые говорили, что по своей глупости руку потерял, иные — что ему во время забастовки полицейский прикладом руку разбил. Сам дедушка никогда не рассказывал, как он стал калекой. Рука у него не действовала, висела, как плеть.

Мы с радостью согласились помочь сушить зерно. Дедушка жил за логом, на другом краю деревни. Мы быстро перебежали лог, опередив запыхавшегося старичка.

На полянке перед воротами на телеге была рассыпана семенная рожь. К передку вертикально приделан длинный шест. Наверху старая шапка и колокол-ботало с веревочкой, привязанной к «языку». Дернешь за веревочку — и колокол зазвенит.

— Ну, ребятки, такое вам дело, — стал дедушка объяснять задачу. — Как налетят воробьи, звоните в колокольчик. Если не пугать воробьев, все зерно разворуют. За дело, ребятки, а у меня в ограде много работы. — И ушел.

Мы установили порядок, кому за кем дергать веревочку. Чуть не рассорились из-за очереди. Ваня предлагал начинать с младших, а Митя — со старших. И началась потеха. Куда там воробьи! Курица с цыплятами подошла к телеге, чтобы подобрать крошенные на земле зернышки. Я как дернул за веревку — как зазвенит колокол! Ку-

рица так испугалась, что на крыльях отлетела от телеги и цыплят оставила. Что и говорить о трусливых воробьях! Стайка их перелетела в огород и уселась на раскидистой черемухе.

Невыносимо палило солнце. Пот слепил глаза. Ваня размазал его грязной ручонкой по лицу и стал похож на Кузю-кузнеца.

Вдруг в разгар игры мы заметили на нашей стороне за логом клубы дыма.

— Баня топится? — предположил Митя.

— Сегодня не банный день, а воскресенье, — возразил я ему. — Кто станет банничать в воскресенье?

Мы позвали дедушку Филиппа. Старик приложил ладонь ко лбу, взгляделся, забеспокоился:

— Батюшки! Не изба ли Ромшина горит?

Мы что есть сил побежали домой. За нами поплелся дедушка.

На самом деле горела изба нашего соседа Ромашова. Послышался набат на колокольне в Слудке. Это за две версты от нашей деревни.

У горящего двора бестолково толпился народ. Крики, плач, ругань, рев выводимого со дворов скота. Привезли пожарную бочку, а она давно рассохлась. Да и воду брать негде — пруд в логу высох. Из часовни «подняли» икону «неопалимую купину». Пожар, однако, продолжал полыхать.

Бабушка Мария, дедушка Филипп и мама вытаскивали из нашей избы все, что под руку попадало. Вдруг дунул ветер в сторону нашего двора. Посыпались искры. Вспыхнула смолевая крыша на избе. Только на днях ее засмолили, чтобы не гнила.

Вначале мы не понимали всей беды. Даже было интересно. Но вот провалилась крыша, вверх метнулось пламя, стало страшно. Ваня упал на межу, куда мы перетаскивали, спасая от огня, барахло, и заревел. Митя бегом пустился в поле...

Ночь мы провели на пепелище. Старшие не уснули ни на час. Да и никто из взрослых в эту ночь не спал в деревне.

В течение двух часов полдеревни сгорело. Погибло много скота, который из-за жаркой погоды находился во дворах. Потерялись малые ребята, как наш Митя. Его уже утром нашли в соседней деревне Медведевой и привели домой.

3. Погорельцы

Нас пустили на квартиру дальние родственники в соседней деревне. Началась довольно невеселая новая жизнь. Не стало знакомых сверстников — после пожара расселились они с родителями по разным деревням. Не стало веселых детских игр. Хозяева включили нас в свои крестьянские работы. Мы с Митей трудились на хозяйских полях, Ваня пас гусей и часто приходил домой с синяками на ногах — гуси щипали больно. Спали мы вповалку на сеновале. Бабушка Мария чуть не каждый день ходила на пепелище. Хозяин, дядя Захар, ворчал:

— Ты, старуха, вместо того чтобы шлаться без дела, хоть коров бы доила. Из милости кормлю твою ораву.

Раннее утро. Спать хочется, а дядя Захар лезет на сеновал и кричит:

— Погорельцы! Хватит дрыхнуть-та!

Протирая кулачками глаза, мы спускаемся с сеновала.

Кроме бабушки и мамы, никто нас не называл по имени. «Погорельцы!» — слышали мы дома и на улице. Местные ребята часто в драку лезли:

— Луи погорельцев!

Приходилось защищаться и давать сдачу.

Как-то утром Ваня разыгрался с котенком. Дяде Захару это не понравилось:

— Тебя гуси ждут во дворе, а ты? Нашел игрушку, погорелец!

Захар вытащил из паза шило, поймал котенка и приколол его ухом к полу. Котенок завизжал от боли, завыл Ваня. Я не вытерпел, впился зубами в руку мучителя. Дядя Захар отпустил котенка, а меня схватил за шиворот:

— Убью, погорелец! Кошачий защитник!

Я вырвался, выбежал из избы и ушел в деревню Тупицу к дедушке Филиппу.

— Поживи здесь, — выслушав меня, проговорил дедушка. — Схожу к вашим, скажу, что ты у нас. И с Захаркой-тараканьими усами поговорю.

Через три дня пришла в Тупицу бабушка Мария и увела меня обратно.

— Вань, а Вань, — спросил я брата, — котенок-то живой?

— Дядя Захар его в пруду утопи-и-ил...

Приехал из лазарета солдат Иван Лобов. Мать повела нас к нему. Лобов во дворе колот дрова. Небритый, худой, лет тридцати, а голова седая. Вместо левой ноги у него деревяшка. Поздоровались.

— Не видал ли на войне Николая Ивановича? — спросила мать. — Давно от него писем не получали. Ребят, видишь, трое. Без отца растут.

— Не видал, — ответил Лобов. — Ничего сказать не могу... Ох, бабонька! Чудо будет, если когда свидитесь. Тыщи нашего брата погибли на войне, будь она проклята. — Солдат сел на чурбан и продолжал: — Приехал домой, а окна заколочены. Сестра замуж вышла, один остался. Как жить увечному? Даже чурку расколоть не могу. Воевал, дурак, за веру, царя и отечество. На кой черт мне вера? Придется именовем бога куски собирать, чтобы не подохнуть с голода. Вот тебе и вера. У царя-то никто ног не отрывает, от чего его защищать? А отечество наше где? Его давно богатеи отобрали. Пускай сами защищают свое отечество. Ничего! Мы умней стали... Иди, бабонька, с ребятишками домой. Ничего хорошего не могу сказать. Извиняй.

Дома, когда мать рассказала о разговоре с Лобовым, дядя Захар возмутился:

— С кем связываешься, Евдокия? Лобов из-за войны, должно быть, последнего ума лишился. Снова, должно быть, захотелось в Сибирь политикану... вшей кормить.

При встрече с дедушкой Филиппом я спросил его:

— Кто они, политиканы, дедушка?

— Где ты слышал такое слово?

— Дядя Захар вчера так солдата обозвал, — ответил я.

Старик задумался, потом проговорил:

— Сам я когда-то пострадал за такое прозвание. Подрастешь — все поймешь, Саня. — И погладил меня по голове.

Настала осень, затем забусил снежок, а мы босиком бегаем. Поизносилась одежда, да мы и выросли из нее. Купить не на что. Что было в запасе, даже овощи, что сняли с огорода, все ушло в оплату за квартиру.

Бабушку отпевать покойников уже не звали. Мать ходила по дворам. Где белье постирает, где полы помоеет. Шила для соседских ребятишек рубашки, штанишки. Но много ли сошьешь вручную — швейная машина при пожаре сгорела. Иногда помогал нам дедушка Филипп. Тайно от снохи-капитанши приносил нам кое-что из продуктов.

В начале зимы дедушка Филипп приехал к нам на лошадке, запряженной в широкие розвальни.

— Надумал внуков покатать, — объявил он. — Сидят воробушки день-деньской в избе, свету божьего не видят.

— У них надеть-то на себя нечего, — пожаловалась бабушка Мария. — Два валенка на три пары ног.

— Я лапоточки привез, — сказал дедушка Филипп. — Целую неделю плел. Онучи суконные прихватил. Тулуп есть. Бабушка Якимовна дала две свои шубейки старенькие.

— Тебя заедят домашние-то, — сказала бабушка.

— Их нету дома, — объяснил дедушка Филипп. — Снова в Нижней Курье зимуют. Вдвоем со старухой живем, с Якимовной.

Якимовна, бабушка по матери, была старенькая-престаренькая. Плохо ходила. С трудом, но вела домашнее хозяйство. Тоже была добрая старушка, под стать дедушке Филиппу. Она нередко посылала нам с ним свои постряпушки, а теперь вот шубейки свои нам передала.

Нас облачили, как ряженных на масленицу. Мы с шумом и смехом выбежали на улицу. Дедушка Филипп усадил нас в розвальни на душистое сено.

— Но, милая! Трогай, сивая!

И посыпались комья снега из-под кованых копыт, завизжали железные подполоски.

Проехали деревню Плотниково и пустыри на месте сгоревшей родной деревни, въехали в лес Кашино.

По сторонам дороги стояли в куржевине высокие ели. Летали какие-то зимние птички. Дорогу перебежал беляк. Дедушка Филипп весело покрикивал на лошадку, поглядывал на нас.

— Не замерзли, воробушки?

— Нет! Шибко интересно.

Ехали, вероятно, больше часа, но нам хотелось ехать бесконечно и как можно дальше. Забылись все мальчишеские невзгоды, полуголодное житье и сам дядя Захар-тараканьи усы.

Лес постепенно редел. Показалась большая деревня. Въехали в нее. Дедушка Филипп направил лошадку к подъезду большого дома под железной крышей.

— Тпру! Приехали! Вылезайте, внучата.

А Митя заявил:

— Неохота.

— Ничего, скоро дальше поедem, — объяснил дедушка Филипп и стал стучать в ворота. Вышел хозяин — бородастый мужик, пригляделся.

— Филипп Никитич! Какими судьбами?
— В гости к тебе. В гости, Василий Иванович.
— Кого это привез, Филипп Никитич?
— Погорельцев.
— Не из Тупицы?
— Из нее, Николая Спешилова наследники.
— Знаю Спешилова, — говорил хозяин, помогая дедушке Филиппу вводить розвальни во двор. — Он у меня на барже служил... Добро пожаловать, гости дорогие. Вылезайте, ребята, из саней.

Мы нехотя вылезли из розвальней и вслед за хозяином вошли в избу. Непрошенных гостей приветливо встретила полная, красивая старушка, хозяйка. Она помогла дедушке Филиппу раздеть нас и сразу усадила за стол.

Когда пообедали, дедушка Филипп стал рассказывать про наше житье-бытье. Хозяйка стояла в сторонке и фартуком смахивала слезы.

— Дошли, значит, до ручки. Поехали вот собирать «на погорелое», — так закончил свой рассказ дедушка Филипп.

«Как нищие», — подумал я. И мне стало стыдно.

Дедушка Филипп в ту зиму несколько раз возил нас в дальние деревни, где у него были старые товарищи по бурлачеству. Добрые люди снабжали погорельцев продуктами и даже одежкой...

4. На необитаемом острове

Пришла весна. По дорогам непрерывно идут обозы на пристань в Слудку. Склады заполняются товарами для последующей перегрузки на речные суда — скоро навигация.

Мы проводим дни у деревенских ворот. Подъедет подвода — бежим ворота открывать. Нам за это бросят копейку, крендель, кусок пирога. Мы и сыты.

На много верст, от горы до леса, разлилась матушка Кама, затопила все низины и луга. Вешняя вода подошла к деревням. Вдали зеленым островком маячит «веретия» Сосновица, обросшая молодым сосняком.

Однажды в воскресенье мы по обычаю сидели у ворот. Сидели и завидовали парням и девушкам, которые с песнями катаются по разливанному морю. А тут — ожидай копеечную подачку от какого-нибудь щедрого подводчика. Тоска зеленая!

К нам прибежали друзья наши из деревни Тупицы, та-

кие же погорельцы, как и мы: Панька Рогожников, Ванюшка Косолапый, Санко Статуев.

— Поедем, Спешилята, кататься, — предложил черно-волосый Панька Рогожников. — Шибко охота.

— А на чем? На каком корыте? — возразил я.

— Плот сколотим, — не унимался Панька Рогожников. — Из жердей можно связать.

Брат Митя подумал и предложил:

— Дядя Захар недавно лодку на воду спустил. К бане привязал. На ней и покатаемся. Никто не узнает.

Сказано — сделано.

Осторожно, чтобы не обнаружили, мы подобралась к бане, к которой почти вплотную подошла вода. Большая лодка на длинной веревке была привязана к предбаннику.

Отвязав лодку, мы забрались в нее и оттолкнулись от берега. Судно наше сразу подхватило течение.

— Ребята! — тревожно проговорил Панька Рогожников. — А весел-то нету. Одно кормовое. Как поплывем?

— Нас шестеро. Руками будем грести, — сказал Митя.

Так мы и плыли, загребая ладонями воду, — трое с правой, двое с левой стороны. С кормовым веслом сидел Панька Рогожников.

С трудом, но весело мы добрались до Сосновицы и высыпали на сырой берег.

Начались беззаботные игры. Затейником был Митя. Бегали по островку, играли в морских разбойников, собирали молодую кислицу, ели «семенушки» — сосновые ягоды. Даже купались, несмотря на холодную весеннюю воду.

Незаметно подкрался вечер. Пора было возвращаться домой. Я подбежал к лодке. Ее на месте не было.

Что же делать?

Ребята набросились на Паньку Рогожникова:

— Сманил углан: «Поедем кататься». Вот и катайся теперь брюхом на мокрой траве.

— Кто вытаскивал лодку на берег? Кто привязывал к кустам? — спросил Митя.

— Все вытаскивали, — ответил Панька Рогожников. — Кто привязывал — не помню. Все виноваты. Ясно, что лодку смыла прибывшая вода. И нечего шуметь. Думать надо, как с острова убраться.

Выбежали на берег в сторону деревень. Стали кричать. Но кто услышит нас за три версты?

Солнце неумолимо клонилось к горизонту. Появились облака и закрыли его. Заморосил мелкий дождичек. При-

шлось скрываться под сосной. Хотели развести костер, да спичек не было.

Мы прижались друг к другу и, уставшие за день, быстро уснули.

Я утром проснулся от жгучего холода. За ночь река прибыла, ноги у меня оказались в воде. Растолкал ребят. Чтобы согреться, стали бегать по острову наперегонки.

У самого младшего, нашего Вани, от кислицы и сосновых ягод заболел живот. Он хныкал беспрестанно, а мы не знали, чем ему помочь. В довершение всего появилось множество крыс. Они бегали у нас под босыми ногами и больно кусались.

Утро выдалось ясным, и повеселели островитяне. Но надолго ли? Вода заметно прибывала. Затопит островок, а тогда...

Панька Рогожников успокаивал:

— Схватятся, что нас дома нету, станут искать и найдут.

— Только бы не дядя Захар, — проговорил Митя. — Попадет нам, ребята, за лодку.

Панька Рогожников снял белую рубашку, полез на дерево. Привязал ее на вершинке и стал глядеть в сторону деревни.

— Что видно? — спрашивали мы товарища.

— Пока ничего, — отвечал он. — Затуманило. Ничего не видно.

Когда рассеялся туман, наш наблюдатель быстренько спустился с дерева.

— Кто-то на лодке гребется. Ближе уже. Давайте кричать, чтобы мимо не проехал.

Мы стали прыгать у воды, свистеть, кричать. Наши крики повторяло разноголосое эхо. Все ближе и ближе спасительная лодка. Наконец она пристала к берегу. В ней сидел отец Паньки Рогожникова Евлампий Кузьмич.

— Как вы попали на Сосновицу, чертенята?

— Нас сельские ребята сюда перевезли да и оставили, — соврал Митя.

— Верится и не верится, — сказал Евлампий Кузьмич. — Вас всю ночь родные искали: и в Кашинском лесу, и на пристани, везде искали и властям заявили. В эту ночь ваши матери и глаз не сомкнули. Меня надоумил ваш Захар, братцы Спешилковы. Лодка, дескать, потерялась. Я, грешным делом, подумал, не вы ли стащили, и поплыл на Сосновицу.

3 1 6 5 3 0

17
Муниципальные библиотеки
Очерского района

— Лодка у дяди Захара вчера еще во дворе была. Он ее смолить собирался, — проговорил я.

— В том и дело, что он ее вчера на воду спустил, к бане привязал. Говорит, что вы стащили его лодку, больше некому. Берегись, ребята! Он вам такое не простит.

На нашем берегу нас встретили родные. Плакали, обнимали. Бранили нас и радовались, что мы живые. Подошел дядя Захар.

— Чего расшеперились тут? — И схватил меня за ухо. — Куда девали лодку, погорельцы, будь вы трижды прокляты? Утром понаведался, а лодки-то нету. Вчера была, а сегодня утром нету.

Евламий Кузьмич отнял меня от дяди Захара, объяснил:

— Не могли ребята утром уехать в твоей лодке. Они с вечера очутились на Сосновице. Их-то всю ночь искали, а ты что делал? Дрыхнул, поди. Не жаль было ребят-то?

— Мне плевать на них. Не мои они. Не мои! По мне пускай хоть все перетонут.

— Вот ты какой! Как зверь, одним словом, — возразил наш спаситель. — Если говорить о твоей лодке, так очень даже просто. Замечаешь, за ночь по пол-аршина вода прибывала, да и ветерок был, ну и сорвало лодку да унесло. Зря ты на ребят окрысился.

— Кто их знает, — пробурчал дядя Захар. — Может, и правда, может, и нет. Я этим варнакам не верю.

Когда мы провожали Евлампия Кузьмича, он сказал:

— Врать, ребята, — самое последнее дело. Но Захарка не стоит того, чтобы ему правду говорили.

5. «Не тесаны стенки, да свой уголок»

Погорельцы, те, кто побогаче, стали строить новые избы, а матросские, солдатские семьи делали себе балаганы, рыли землянки. Мы — старая бабушка, измученная мать, трое недоростков — не имели сил даже для такого строительства.

Жил в нашей деревне бывший бурлак, мастер Лука Ильич. Занимался подрядным делом — строил бани, избышки почти по всей волости. Дедушка Филипп был в дружбе с мастером Лукой. Как-то они оба пришли к нам в деревню Плотниково. Лука, худой, высокий старик, почти на голову выше нашего дедушки. При входе в избу чуть не ударился лбом о верхний косяк.

— Доброго здоровья, соседушки! — густым голосом поздоровался мастер Лука. — Мы с Филей договорились строить вам избушку. Хватит на квартире жить.

— Спасибо, Лука Ильич, — проговорила бабушка Мария. — Да мы такая беднота, что пороху не хватит.

— Всем известно ваше положение, — прервал мастер Лука бабушку и объяснил, что будет строить жилье бесплатно. Помочей, правда, звать придется.

— Только угощение для помочан пойдет за ваш счет, — продолжал Лука. — Что касается материалов, соседи помогут, у которых не было «красного петуха». У лоцманских домов бревна на угорах гниют. На бревнах-то ребята играют, девки песни поют, «христовы невесты» сплетничают по вечерам. Некоторым запасливым хозяевам пока лес не нужен. Кто будет строиться, новый выпишет... Краски, гвозди всегда у речников в запасе, не зря их обзывают «грошевиками».

Бабушка сгоношила угощенье. Из погреба корчажку браги принесла.

Долго и шумно беседовали старики. Мы забрались на полати и с интересом слушали разговоры старших, но почти ничего не понимали.

Когда старики прощались с нами, мастер Лука сказал:

— Рабочий человек всегда рабочему брату поможет.

Вскоре на пепелище застучали топоры. Мы целыми днями пропадали на стройке, помогали плотникам, чем могли, — приносили в берестяных туесках питье, подбирали щепки, на железной плите правили ржавые обгоревшие гвозди и часто ночевали у дедушки Филиппа, благо он жил один с бабушкой Якимовной.

Как-то утром мы только что прибежали на стройку, как со стороны села услышали пожарный набат.

— Горит! — закричал Ваня. — Опять пожар! Боюсь! — И заревел.

Митя ринулся в поле. Я поймал его за рубаху. Со сруба спустился мастер Лука.

— Что за шум, ребята?

— Горит где-то. Слышишь, набат?

По улице проскакал верховой.

— Все на пристань! Склады горят! Спасать надо.

— Ну и черт с ними, пускай горят, — басом сказал мастер Лука. — Дураков ищут. Кто пойдет спасать награбленное добро?

Плотники было приостановили работу. Мастер крикнул:

— Чего остоповали? Там пусть горит, а мы строить должны. Для себя строить.

В конце лета была готова наша изба. Мы лихорадочно собирали пожитки. Больше всего суетилась бабушка Мария. Приделалась, уговорила маму надеть единственное ее хорошее платье, оставшееся от девичества. Вымыла она наши чумазные лица, руки. Затем поставила нас на колени перед иконами...

Настал час, когда под любопытные взгляды соседей мы гуськом, с котомками за плечами, покинули временно уютившую нас деревню. Потом шли по широкой меже в Тупицу. У бабушки Марии подкашивались ноги. Мама поддерживала ее.

Вот и береза на огороде, которую пощадил прошлогодний пожар. Через огород подошли к ограде. Вместо старого вместительного дома благоухала свежими бревнами маленькая избушка. Бабушка Мария проговорила:

— Не тесаны стенки, да свой уголок.

Бабушка Мария поднялась на крылечко, а мы за нею. Она открыла дверь в избу.

В переднем углу на некрашеной лавке сидел дедушка Филипп. Он первым встретил нас на новоселье.

Пришли дядя Андрей, брат отца, с теткой Анной, мастер Лука, соседи, успевшие уже построиться после пожара.

Дядя Андрей вручил нашей маме бумагу из волости о передаче нам покоса на Плоском, что в устье реки Обвы.

Было много подарков. Во дворе появились две курочки. Бабушка Якимовна принесла серого котенка. «Какое же хозяйство без кошки?» — сказала она.

Старый рыбак Яков Степанович передал дорогой для меня подарок — рыболовную снасть. Он сказал:

— Будем, молодой Миколаич, ходить с тобой на Долгое озеро за сорогой. Будешь дружкой моим в рыболовстве.

Молодые соседки готовили в кухне угощение. К ним заявила бабушка Мария, а они выдворили ее в горницу к гостям:

— Отдыхай, Мария Николаевна. Иди, садись на самое почетное место.

Мама разлила по кружкам овсяную бражку. Поднялся мастер Лука, чуть не достал потолок головою:

— Мы, бурлаки, общим скопом, как братья, строили дворы всем погорельцам. В эти дни многие семьи справят новоселье. А что бы получилось в одиночку? Ничего бы

не получилось. Мирская рабочая сила может горы своротить. Мария Николаевна, Евдокия Филипповна и вы, ребяташки! С новосельем вас, добра вам и счастья!

Всем было весело, а мама вышла из-за стола, прошла в кухню, где для нас был убран ребячий стол, и заплакала: — Отца-то у нас нет. Вот бы порадовался родимый...

6. Вернулся солдат из похода

В девятьсот восьмом мне исполнилось девять лет. Сверстники в школе учатся, а мне некогда. Кроме своего хозяйства, приходилось работать и у богатых мужиков. Известно, что на собственном горбу не привезешь дров или сена, на коровах пахать у нас не принято. Брали лошадей в отработку у зажиточных соседей.

Матери удалось достать швейную машинку фабрики Попова. Появился небольшой, но заработок.

В эту зиму нас постигло новое горе — похоронили дедушку Филиппа. Не стало нашего друга, советчика, заменявшего нам отца родного, которого младшие братья и не помнили.

Мы каждый день бегали в волость — нет ли писем, весточек об отце? Все было напрасно.

В один из религиозных праздников бабушка Мария надела новый косоклинник, затеплила перед иконами лампадку, раскрыла псалтырь, приготовилась помолиться... за упокой раба божия Николая.

Мать никогда не прекословила ей, а тут подбежала, задула лампадку.

— Живого хоронишь! Не верю, что Коля убитый. Живой он. Живой! Надо за его здоровье молиться, а ты...

На масленой мы с ребятами катались на катушке.

— Санька, Митька, Ванька! — услышали знакомый голос бабушки Марии. Она стояла на угоре и настойчиво звала нас.

«Опять что-нибудь случилось», — подумал я и нехотя пошел на зов бабушки; за мной зашагали недовольные братья. Ворчали, что, дескать, и покататься нельзя.

Обычно в таких случаях бабушка Мария встречала нас выговором: «Оглохли, что ли? Кричу, кричу — и докричаться не могу», — а сейчас сказала с улыбкой, ласково:

— Гляжу на вас и не нарадуюсь. Хорошие вы мои... В кои и то веки. Айда домой скорее.

— Зачем? Кататься охота.

— Узнаете зачем.

Опередив бабушку, прибежали домой.

В избе сидел человек в старом солдатском мундире. Волосы подстрижены ежиком, русая бородка. У стола хлопчет мама.

При нашем появлении солдат встал.

— Это, значит, вся наша команда?

— Тятя! — крикнул я и бросился к отцу.

Подошел Митя.

— Иди и ты ко мне, Иванушко, — сказал отец. — Не узнаешь?

— Не узнаю, дяденька.

— Не дяденька я, а твой тятка. — Отец подошел к сыну и поднял его на руки.

— Ой! Борода колется! — запищал Ваня.

Когда прошли первые минуты встречи, отец выложил из ранца подарки: три резиновые зеленые лягушки, штук десять красных конфеток.

...Каждый день в избе с утра до вечера народ. Перебывали почти все соседи, старые товарищи отца и осиротевшие солдатики, напрасно ожидавшие своих кормильцев с войны.

Отец рассказывал о войне, о том, как он попал в плен к японцам, как жил, что испытал. Показывал картинку острова Сахалина. На картинке северная часть острова с орлом и тюрьмой. На юге тот же орел, но без короны. Написано: «Чудесное избавление пол-Сахалина от ка-торги».

Вернулся солдат из похода. Неделю отдыхал, а потом нанялся плотником к хозяину водяной мельницы Новикову на речке Кемоль.

Отец уходил из дома в шесть утра, возвращался в полночь. Чтобы сократить путь, ходил на лыжах прямиком.

В холодные ночи за околицей жутко были голодные волки. Мы очень беспокоились за отца, спрашивали:

— Тятя, ты разве не боишься волков?

— Какие это волки? — объяснял отец. — Собачки это, чего их бояться? Волки в человеческой шкуре куда страшнее. Царские холуи, например, да Новиковы разные, кулаки то есть...

Приехал отец, и у меня стало больше свободного времени. Потянуло в школу, где с осени учились мои друзья: Панька Рогожников, Санко Статуев, Ваня Косолапый. Поговорил с отцом. Он поддержал мое намерение:

— Хорошо надумал, сын. Как говорится, «неученье — тьма».

— Я полгода пропустил. Примут ли? — сказал я с огорчением.

— Почему не принять? — стал успокаивать меня отец. — Вместе в школу пойдем. Все расскажу о тебе. Учителя ведь не деревянные. Поймут, что у тебя не было возможности раньше-то учиться. Завтра и пойдем.

С вечера мне приготовили чистую рубаху, я в бане вымылся. Отец начистил ваксой свои сапоги, прицепил на грудь медаль «За спасение утопающих» и значок «За отличную стрельбу». Мы направились в село.

Школа занимала второй деревянный этаж волостного правления. Верхнюю одежду мы оставили в сторожке и поднялись в школу. Была перемена. С шумом и толкотней бегали ребята, будущие мои соученики.

Отец постучал в дверь с надписью «Учительская».

— Постой здесь, — сказал он мне и скрылся за дверью.

Уже давно кончилась перемена, а я все стою, переминаясь с ноги на ногу, у двери. Позвали меня наконец.

За столом сидит заведующий школой Степан Семенович Бердышев. Курчавый, на красивом лице окладистая борода. Я поздоровался и встал рядом с отцом.

— Ну-с, мальчик. Мне уже все о тебе известно. Все-таки тебя проэкзаменую. Читать умеешь?

Отец толкнул меня под бок. Я ответил:

— Читаю по-русски и по-славянски.

— А считать?

— Тоже умею.

— Реши устно задачу: «Купец вырастил сто ящиков яблоков, тридцать продал». Сколько осталось?

Я улыбнулся простенькой задаче и ответил:

— Осталось семьдесят. Только...

— Что «только»? — спрашивает экзаменатор.

— Задача неправильная. Неужели он сам выращивает яблоки?

— Вот ты какой справедливый. Далек пойдешь, мальчик. А писать умеешь?

— Умею. Только печатными буквами.

Степан Семенович подумал и сказал:

— Ничего. Научишься. Приходи завтра на уроки.

Когда я на другой день прибежал в школу, меня окружили ребята.

— Новенький?

Один круглолицый, хорошо одетый паренек в «кухмарских» валенках толкнул меня локтем, спросил:

— Бороться можешь?

— Поборемся, — ответил я.

Нас окружили ребята. Я взял противника за пояс, и он оказался на полу. Другой ко мне подступился, я и его поборол.

Зазвенел колокольчик. Ученики с шумом заполнили класс и сели за парты. Я остановился у учительского стола. Вошла учительница Александра Владимировна и посадила меня за первую парту.

В первые же дни учебы оказалось, что у меня больше знаний, чем у первоклассников. Занятия с бабушкой Марией не пропали даром. Прошел месяц, я перегнал соучеников по всем предметам.

Степан Семенович подарил мне как лучшему ученику книгу «Ремесленная газета».

У меня в школе появились хорошие друзья, и не только деревенские ребята из бурлацких семей, но и сельские. Особенно я подружился с сыном капитана Гришей Демидовым.

Первый класс я окончил на пятерки.

Весной отец снова работал на транспорте. Жаль, что он не видел моих школьных тетрадей с отличными отметками.

Но не думал я, что мои школьные успехи сыграют большую роль в моей жизни.

В июне девятьсот девятого года приехал на однодневную побывку отец. В гости к нему пришли друзья. Сидели, курили, разговоры разговаривали. Меня и дернуло похвастать школьными успехами.

— Я так понимаю, — сказал отец, — что ты шибко ученый. Одним словом — молодец. Теперь ты уже сам себя прокормишь и сможешь семью поддержать. Велю я тебе ехать на службу на Каму-реку. Митька уже большой, его Ванюшка подпирает. Пусть они пока дома орудуют, а мы с тобой станем денежки зарабатывать.

Исстари повелось в Слудской волости на Каме: чуть-чуть подрастет парнишка — и вон из дома. Наши деды, дядя Андрей, отец девятилетними уходили на отхожий промысел. Некоторые из них даже до капитанов дослужились.

Так и мне собрали первую бурлацкую котомку и проводили на пристань.

...Стою я на верхней палубе пассажирского парохода, только что отвалившего от Слудской пристани, гляжу, как мои провожающие идут гуськом по знакомой меже в деревню Тупицу.

Прощайте, родные места!

Прощай навсегда, мое детство!

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

1. На чужой стороне

Как извилиста Кама в верховьях, так извилиста и дорожка молодого речника.

В первую свою навигацию в поисках работы я добрался до Астрахани, проехал всю Волгу. Нигде работы не было. Наконец снова попал на Каму. И мне на родной реке повезло. Служил матросом на карчеподъемнице, учетчиком на ремонте судов в затоне, наметчиком в изыскательской партии... всего не перечтешь. Но не забывал учиться. Учился в затонах, в Слудке. В 1914 году окончил двухклассное училище.

Потом поступил на баржу подручным (помощником) водолива. В мои обязанности, кроме всего прочего, входило ведение разной канцелярщины — водолив был неграмотным.

Обычно после тяжелого рабочего дня матросы собирались на палубе и под гармошку пели частушки-«прохожие».

Однажды гармонист Иван Дудин сказал мне:

— Старые частушки надоели. Ты, Спешиллов, самый грамотный. Придумай новую «прохожую».

Баржа стояла у берега в Верхокамье. Черемухи в цвету, птички заливаются. Плавно катит свои воды широкая в разлив Кама. Красота! А мы с пяти часов утра катаем на тачках, носим на загривках кули с солью. Шеи в болячках. Водолив, всегда пьяный, ругается, что работаем лениво. Больше всего мне попадало:

— Ты — мой помощник, надо сказать, а распустил команду. Смотри, матросы, как вши, ползают по трапу. Хотя ты грамотный парень, но ведь могу... того, выбросить и тебя на берег. Дал мне лешак помощничка.

Кроме погрузочных работ, приходилось круглосуточно откачивать из трюма воду. Одним словом — каторга! Я со злобы на водолива взял да и сочинил такую песенку:

Толстомясый водолив
Пьяный шибко говорлив:
На подручного рычит,
На матросиков кричит.
На борту скрипит качок.
Филя нюхат табачок.
Он паршивый мужичок.
Веселей качай, качок!

Вечером мы спели песенку. С присвистом, с притопом! А водолив выполнил свою угрозу — высадил меня на бережок. Так началось мое многострадальное сочинительство.

По пути в Пермь, куда я добирался после увольнения, заехал на родину. На улице теплынь, а почему-то не видно ребятишек, никто не встретил меня.

Только мать выбежала из избы, обняла меня и со слезами на глазах сообщила горькую новость:

— Опять мы, Саня, осиротели. На войну взяли отца, на германскую. Как жить станем без него?

Думал несколько дней пробыть дома, но раз такое дело, надо как можно скорей устраиваться на работу. Ведь семья потеряла — в который раз! — отцовский заработок.

Переночевал я и утром выехал в город.

Начались мои новые хождения в поисках заработка. После долгих мытарств, голодной безработицы удалось

поступить на новую карчеподъемницу — старшим матросом.

Перед буксировкой судна на дноочистительные работы приехал начальник Чусовского технического участка Пермского отделения Казанского округа путей сообщения инженер Челноков. Бусый какой-то. Под носом серые густые усики.

Старшина заказал для начальника стерляжью уху. А мы ели солонину, засиженную мухами.

Покушали начальники — старшина и инженер, выпили изрядно, и вдруг я им понадобился.

Меня разыскал на палубе вахтенный матрос.

— Тебя, Спешилов, старшина вызывает.

Я спустился в каюту старшины.

— Он самый? — спрашивает Челноков.

— Так точно, — доложил старшина. — Спешилов Александр Николаев.

На столе лежали требовательные ведомости на жалование команде, которые я составил накануне. Челноков пошевелил усиками и спрашивает грубо:

— Ты писал? Сознайся!

Чего, думаю, окрысился начальник? Отвечаю:

— Я, ваше благородие. Плохо, что ли, написано?

— Отлично, — с улыбкой ответил Челноков. — Молодец и не трус, меня не испугался. Образование?

— Окончил двухклассное училище.

— Не желаешь переменить должность?

— Как переменить?

— Перейти на службу к нам в писаря, — объясняет Челноков.

Как не хотеть? Вместо кубрика на брандвахте карчеподъемницы квартира в городе! Работа чистая.

— Чего молчишь? — прикрикнул на меня старшина. — Отвечай его благородию.

— Да у него от радости язык присох, — рассмеялся начальник. — Собирайся, писарь.

На казенной «Волне», где до войны служил отец, меня из затона привезли в Пермь.

Оставив на пристани у знакомого матроса свои пожитки, я направился в город, чтобы подыскать уголок для жилья.

Шел по Сибирской улице. Пусто кругом. Ни единого прохожего. На «колоде» дремлет легкой извозчик. Издалека слышится солдатская песня:

Соловей, соловей, пташечка,
Канареечка жалобно поет!

С колокольни кафедрального собора плывет над тихими улицами похоронный перезвон.

С Сибирской улицы я свернул на Обвинскую. На воротах одного из дворов прочитал объявление: «Здаеца комната для одинокого в квартире Гущина». Это мне и надо было.

Во дворе нашел квартиру Гущина. Поднялся на крылечко, постучал. Вышел сам хозяин. Высокий человек лет сорока, с огромными руками мастерового.

— Здравствуйте! У вас сдается комната?

— У нас. А вы кто такой будете?

— Из матросов, — ответил я. — Меня в город перевели. Хожу в поисках жилья.

— Из матросов, значит. Входи, пожалуйста. — Хозяин сразу перешел на «ты».

В квартире две комнаты: одна большая, другая маленькая — длиной в четыре шага, шириной в три. У стенки — узкая кровать, как раз по мне; у единственного окна — столик. На стенах обеих комнат — картины, написанные клеевыми красками, эскизы театральных постановок.

Зот Мартынович Гущин служит в городском театре машинистом сцены. Картины — подарки декораторов.

Комната и плата за нее меня устраивали — мы быстро договорились. Я сходил за вещами и начал устраиваться.

Утром пришел на службу. Сел на место, которое мне указали.

Ровно в десять часов утра входит начальник отделения инженер Макаров. Крупный мужчина, черноволосый, ширококорый. Все встали, в том числе и инженер Челноков. Макаров плывет по комнате и, не глядя на лица, сует чиновникам руку с кольцами. Чиновники с низкими поклонами подобострастно здороваются. А я не встал и не пожал его руки. Макаров спрашивает делопроизводителя:

— Кто такой?

— Новенький, — отвечает делопроизводитель.

— Научить его порядку!

— Слушаюсь, — отвечает согнувшийся в дугу делопроизводитель.

Двадцатого числа выдавали жалованье. Я получил тринадцать рублей с копейками. На карчеподъемнице мне платили восемнадцать рублей. Я, конечно, возмутился.

Делопроизводитель, сухонький старичок низенького роста, в чине титулярного советника, Тихомиров Иван Иванович, разъяснил мне, что я числюсь матросом парохода «Волна», где жалованье маленькое. И сказал доверительно:

— Начальник участка Челноков, понимаете, экономит на жалованье, разницу в свой карман кладет. Чин у него маленький — коллежский секретарь. Маленький, да удаленький. — Иван Иванович подмигнул мне: — Молчок, молодой человек.

Я рассказал об этом Гущину. Зот Мартынович возмутился:

— Простые люди на войне гибнут, а чиновники и разная шваль, что в тылу окопались, жульническим путем себе капиталы наживают. Веди себя осторожно, парень...

22 февраля было воскресенье. Челноков приказал мне ехать с ним вместе в Королевский затон. Попадать туда нелегко. Вначале на поезде до Левшино — почти час езды, да от станции до затона верст пять на лошади, в холод, в непогоду. У начальника тулуп, а у меня пальтишко.

Съездили, в город возвращались в понедельник. В конторе мне вручили приказ:

«Писцу Спешилову. За отъезд из Перми без уведомления объявляется первый выговор». Черт бы с ним, с выговором, но мне на трешницу жалованье снизили.

Оказывается, несмотря на личное приказание Челнокова, я должен был о поездке в затон подать рапорт тому же Челнокову, получить соответствующую резолюцию и только тогда ехать.

Неудачна была для меня эта зима. По какому-то случаю в конторе собирали деньги по подписному листу «в помощь увечным воинам».

Челноков подписался первым на 25 копеек. Я решил доказать свою сознательность и внес полтинник. И заработал второй выговор.

...«Волна» зимовала у ледорезов Любимовского завода. Вспомнилось, что когда-то отец служил на этом пароходике, а теперь сам «служу». Надумал сходить посмотреть, как готовят «мое» судно к навигации.

— В чиновниках сидишь, моряк сухого болота? — насмешливо встретили меня ремонтники, почти все знакомые ребята. — Мы за тебя здесь горб гнем...

Правы были товарищи. И поделился я своими мыслями с делопроизводителем. Тот донес начальству. И меня выгнали без права служить на казенном флоте.

Явился я домой, а Гушин сообщает:

— Приходил околоточный, велел выписать тебя из квартиры, штрафом пригрозил. Что будем делать?

— Дело ясное, — проговорил я. — Придется уходить.

— Куда же пойдешь, парень?

— Не знаю.

Зот Мартынович подумал и предложил:

— Живи пока у меня. Ну их к чертям собачьим.

— Не хочу тебя подводить, Зот Мартынович.

Хотел расплатиться за квартиру. Он наотрез отказался от моих денег, посоветовал ехать в Сибирь.

— В Перми тебе не житье, парень.

Тепло распростился со мною добрый человек Зот Мартынович Гушин. За четвертак я нанял извозчика и приехал на вокзал. Только до Екатеринбурга у меня хватило денег на билет. Но меня и это устраивало. Там в художественной школе учился мой школьный товарищ Гриша Демидов. Изредка мы переписывались, когда у меня был сравнительно постоянный адрес. Гриша звал меня к себе, расхваливал учебное заведение. Он хорошо рисовал, поступил в художественную школу по совету учителя Степана Семеновича Бердышева.

А я? Какой я художник? Правда, в затонах приходилось раскрашивать спасательные круги, делать надписи на каютах: «Капитан», «Первый помощник капитана»...

Учиться на художника и в мечтах не было. И никогда не думал, что придется побывать за Уральским хребтом. А вот сижу вторые сутки в телячьем вагоне, считаю телеграфные столбы.

Скоро город Екатеринбург.

2. Новые профессии

Гриша Демидов жил в доме № 28 по улице Водочной, у Харитоновского сада. Я долго петлял по заледенелым немощеным улицам, попал на Вознесенскую площадь с церковью посередине и, спустившись под гору, вышел наконец на Водочную.

Постучал в ворота. Услышал грубый окрик:

— Кто торкается? Не закрыто!

Вхожу. Передо мной — плотный мужчина в нагольном полушубке.

— Здравствуйте, — поздоровался я. — Здесь проживает Григорий Демидов?

— Здесь.

Я было шагнул на крыльцо.

— Погоди. Постояльца-то сейчас нету дома. На улице обожди. — И повернулся ко мне спиной. Я потоптался на морозе и решил пойти в школу. Она примыкала к Вознесенской площади. Свернул с нее налево и увидел вывеску: «Художественно-промышленная школа министерства торговли и промышленности». Вход в заведение со двора. В прихожей сидел старичок швейцар в форменной одежде.

— Что вам, молодой человек? — спросил швейцар.

Я объяснил, зачем пришел в школу.

— Сейчас занятия, — сказал швейцар. — Скоро перемена, вот и увидишься с другом.

В перерыв швейцар вызвал в прихожую Гришу Демидова. Он, как одержимый, бросился на меня и чуть не задушил. Сбегал за разрешением освободиться от последних занятий в этот день.

Через Вознесенскую площадь мы поспешили на квартиру. Гриша жил за три рубля в месяц в крохотном мезонинчике с балкончиком.

— Голубятня это была, — знакомил меня Гриша со своей квартирой. — Хозяин сделал из нее комнату. Хотя холодно, но жить можно. Он даже баню сдает под жилье, сам у соседей моется, а в городскую не ходит — слышь? — дорого. Дровяники сдает. За копейку удавиться готовый.

После многочисленных вопросов о родном крае, о друзьях-товарищах Гриша обнял меня за плечи.

— Как хорошо, брат ты мой Спешиллов, что в конце концов надумал учиться!

— Совсем не думаю...

— Что? Зачем тогда приехал?

Пришлось мне подробно рассказать, в каком я оказался положении.

— Дома семья, — говорил я. — Отца на войну взяли, а я безработный. Как жить, как своим помогать?

Гриша выслушал меня, подумал и оживился:

— Все можно! Жить, учиться, матери помогать. Пойдем завтра к директору Анастасьеву. Экзамен сдашь, учиться будешь, поступишь работать в столярную мастерскую. У тебя, матроса, бывал ведь рубанок в руках? Станешь помощником мастера Спиридонова. Учись и на расходы зарабатывай. Жить будем вместе, в тесноте, да не в обиде. По рукам, брат Спешиллов!

Утром, когда я шагнул за Демидовым по длинному ко-

ридору школы, мне казалось, что я попал в какой-то сказочный мир. У стен стояли в полный рост десятки богов и богинь.

— Египет, Греция, Рим, — объяснял на ходу Гриша. — Мы историю искусств изучаем.

Директора на месте не оказалось.

— Пойдем к Карапету.

— Какой карапет? — спросил я.

— Прости, проговорился. Он инспектор школы, Алкивиад Константинович Триандафилидис, а мы его Карапетом зовем. Смотри, не проговорись случайно.

Комната инспектора. Триандафилидис — рослый грек, черноволосый до синева — шагнул нам навстречу, поздоровался, пригласил:

— Садитесь, господа. Слушаю вас.

— Мой товарищ Спешиллов Александр, — представил меня Гриша. — Окончил двухклассное училище. Желает поступить в школу.

Инспектор задал мне несколько необязательных вопросов: возраст, почему желаю учиться в художественно-промышленной школе.

Удовлетворенный моими ответами, он сказал:

— В середине учебного года мы учеников не принимаем. Напишите прошение на имя директора. Будете приняты на подготовительный курс, а в следующем году после экзаменов зачислим вас на основные курсы.

Поблагодарив инспектора, мы вышли из кабинета.

— Что теперь делать, Гриша?

— Пойдем в столярку, договоришься с мастером о работе.

Столярная мастерская помещалась в отдельном здании во дворе. Подходя, я услышал шум токарного станка, пахло знакомым мне запахом обрабатываемой древесины.

Через теплый тамбур вошли в мастерскую. За столярными верстаками трудились трое столяров, на токарном станке точил деталь рыженький сухощавый старичок в рабочем фартуке (мастер, как выяснилось вскоре). Мы остановились у входа, старичок заметил нас, выключил станок, подошел к нам, спросил:

— Не заказчики, случайно?

— Нет, — ответил Гриша. — Товарищ ко мне приехал из Перми. Работу ищет.

У Спиридона Спиридоновича Спиридонова (так его звали) за левым ухом торчал большой столярный каран-

даш, в бородке застряла стружка. Здороваясь со мной, он подал левую руку, кисть правой — в костистых буграх и неестественно вывернута. Заметив мое некоторое смущение, мастер объяснил:

— Подагра у меня. Подагра. Поработаешь с мое — не такое наживешь.

— Я как раз поработать хочу, Спиридон Спиридонович. Примите меня...

— Что делать умеешь?

— Со столярным делом знаком немного, — ответил я. — В затонах работал на ремонте судов.

— Приходи завтра. Мне работнички вот как нужны.

Утром чуть свет я был уже в столярке. Спиридон Спиридонович похвалил меня за аккуратную явку и дал на пробу связать угол в шип, собрать табуретку, сделать по чертежу мольберт. Срок три дня. Пообещал, если проба будет удачной, зачислить на жалованье и выдать вперед в отработку двадцать пять рублей.

Последнее так подстегнуло меня, что я в течение двух суток и домой не ходил, спал на стружках в мастерской. Пробу выполнил раньше срока. Спиридон Спиридонович похвалил меня перед всеми:

— Отлично сделано! Где ты научился такому мастерству, парень?

Двадцать рублей из аванса я перевел домашним, сообщил свой новый адрес. Через неделю получил письмо от отца. Он писал, что «по истечении лет» его от военной службы уволили насовсем. Пока живет дома, затем снова пойдет на транспорт.

Полученные мною двадцать пять рублей, на первый взгляд, порядочная сумма, в два раза больше, чем я зарабатывал в конторе. Но царский рубль постоянно терял свою ценность. Пяти рублей, которые я оставил себе на пропитание, хватило только на неделю.

До весны я проработал в мастерской инструктором столярного дела, участвовал и в исполнении частных заказов. Пришлось работать круглыми сутками, иногда и спал на стружках в мастерской.

Весной ученики уехали на каникулы. Уехал и Гриша Демидов. Я оказался в одиночестве и не у дел. В довершение всего резко сократились частные заказы. Рабочим, и мне в том числе, дали расчет. Домохозяин потребовал квартплату наперед за три месяца. Пришлось отдать почти половину заработанного.

Зимой я обедал в школьной столовой. Ее закрыли до нового учебного года. Перешел на сухомятку. Вскоре жить стало не на что.

Побывал на вокзале в надежде устроиться хотя бы носильщиком. Оказалось, что и кроме меня немало желающих поступить на эту должность.

Возвращаясь с вокзала, я по старой памяти решил зайти в столярку, посоветоваться со Спиридоном Спиридоновичем. Мастерская оказалась на замке. В соседней ювелирной мастерской кто-то стучал молотком. Заглянул туда. За ювелирным верстаком работал мастер Дикштейн.

— Здравствуйте! Хотел повидаться со Спиридоновым, а его нет, и мастерская закрыта...

— Вы разве не знаете? Умер наш Спиридоныч... Душевный был старикан. Уехал в отпуск домой в Тагил и скончался... А вы почему без дела?

— Никуда не принимают.

— Безработный, значит. Не желаете составить компанию?

— Какую компанию?

— Знаете ювелирную мастерскую Липина? Я для них выполняю кое-какие заказы. Работы много — один не успеваю. Нужен помощник. Соглашайтесь.

— С удовольствием. Но какой я ювелир?

— Научу. Лучше быть ювелиром, чем гроботесом. Извините, столяром, хотел сказать.

Кем я только не был. Матросом, подручным, писарем, столяром, маляром. И согласился стать ювелиром. Все лучше, чем скитаться голодным безработным.

— Завтра и начнем... Вы обедали сегодня? — спросил Дикштейн.

Я промолчал.

— Вот вам три рубля, заработаете — отдадите.

Я помялся немного и деньги взял. Впервые за много дней пообедал в обжорке на толкучем рынке. Явился на квартиру сытым и веселым. Меня ждал домохозяин.

— Где шатаешься, постоялец? Поговорить надо. Цены-то на рынке знаешь как подскочили. Все дорого: краска, дрова, одежда, обутки, даже вода подорожала. Потому и плату за квартиру увеличиваю.

— Вы потребовали заплатить за три месяца вперед, я заплатил. Что еще надо?

— Я брал по три рубля в месяц, а теперь надо платить по пятерочке. Значит, ты мне задолжал шесть руб-

лей. Ежели не согласен на пятерку — скатертью дорога. Стены пустыми не останутся.

— Хорошо. На днях расплачусь.

— Какое золотишко у безработного? — съехидничал хозяин.

— Завтра на работу поступаю.

— Куда, если не секрет?

— В мастерскую Липина.

— К золотарю? Вот здорово! Не сердись, постоялец, — переменял тон хозяин. — У меня тоже семья, мал мала меньше. — И разговорился: — Рекрутов будут забирать на военную службу, а у меня семья, за домами тоже глаз да глаз требуется. Воевать-то совсем некогда. На фронте и без меня дураков хватит. Надумал я зачислиться на железную дорогу. Железнодорожников, слышал, на войну не берут. Одна заковыка — подмену найти не могу.

— Какую подмену?

— Не понимаешь? Мне на станции-то тоже служить некогда. Семья, хозяйство. Ищу человека, чтобы робил там, а я здесь, дома. Может быть, согласишься?

Я еле стерпел, чтобы не дать ему в морду, и выбежал на улицу.

«Вот сволочь! — возмущался я. — Кто-то за него должен кровь проливать на войне, мантулить за него в тылу, а он будет хозяйством заниматься и даром денежки получать!»

К Дикштейну я пришел злой-презлой. Он заметил это.

— Заболели? Раздумали?

— Нет. — И рассказал про домохозяина.

Мастер усадил меня за верстак и дал совет:

— Нервничать нельзя, товарищ. Ювелирная работа — тонкая.

3. Накануне

К началу занятий 1916/17 учебного года приехал в Екатеринбург Гриша Демидов, привез мне письмо от родных. Проговорили до утра. Он подробно рассказывал о моей семье, о друзьях-товарищах, о жизни на селе, о Каме...

— А как твои-то дела, Гриша? — спросил я.

— Не хочется и говорить. Отец требует, чтобы я бросил школу и поступил на пароход. Я не согласился. Он отказал мне в помощи, хотя капитанит у Мешкова. За навигацию получает две тысячи рублей.

— Ничего, Гриша, проживем как-нибудь, — успокаивал я товарища.

Как и обещал Триандафилидис, меня приняли учиться на первый основной курс. Учебную практику стал проходить в ювелирной мастерской. Здесь пригостили и первокурсники делали разные медные колечки, цепочки, а меня мастер Дикштейн «посадил» на серебро и подбрасывал частные заказы. Гриша рисовал картинку и продавал их на рынке, что по правилам школы запрещалось. Но жить-то надо было.

Так продолжалось до декабря, когда неожиданные события всколыхнули школу. В ювелирной мастерской не стало Дикштейна: неблагонадежным оказался; арестовали по этой причине и мастера из литейной мастерской.

Уехал в Грецию и увез с собою секретаршу инспектор Триандафилидис.

В школе резко упала дисциплина. Ребята в ювелирке, например, вместо выполнения учебных заданий, мастерили зажигалки, «золотые» кольца из медных пятак. Новый мастер, добродушный человек, на все смотрел сквозь пальцы. Да и что он мог поделывать?

Гриша часто по вечерам отлучался из дома. Однажды привел с собой незнакомого солдата. Гость снял старенькую, но аккуратную шинель, повесил на гвоздик, поздоровался:

— Здравствуй, товарищ! Демидов много рассказывал о тебе. Будем знакомы, земляк. Да, да, мы земляки. Я — Букрин из Ледянки, от твоей Тупицы недалеко. До войны кочегаром служил на «Неве». А ты?

— На барже матросом, — ответил я.

— Значит, мы оба бурлаки. Ягоды с одного куста.

Букрин был среднего роста, чернявый, бритый, очень живой — на месте не сидел, говорил быстро.

— Тебе семнадцать лет, товарищ Спешилов, а жить тебе по-человечески до сих пор не удалось. С детства в кабале. Не на себя трудился, а на барина. Правители затеяли войну с германцами. Наши солдаты готовы повернуть штыки в сторону палачей народа. В деревне помещики владеют тысячами десятин земли, а мужики пухнут с голоду. Леса принадлежат разным сиятельствам и главному помещику — царю. Рабочие должны взять в свои руки фабрики, заводы, транспорт, крестьяне — всю землю, а паразитов вывезти на тачке в помойную яму... Только нам организовать надо...

Весь вечер просвещал нас Букрин, и все правильно говорил. Когда мы проводили его, к нам заявился хозяин. Ужасен был вид этого кулака. Лет ему под пятьдесят, длинноусый, при разговоре у него привычка жевать кончики усов. Рожа красная, нос картошкой, глазки узкие, брови сошлись на переносице. Ходит мелкими шажками, крупному шагу мешает отвислый живот. Коротконогий, а руки длинные, как у обезьяны. Одевается неряшливо, на коленях штанов, на локтях рубахи — заплаты.

Вот поднялся он к нам на голубятню и заявил:

— Слушайте, постояльцы! Ежели к вам будут ходить разные солдаты, я в полицию должен буду заявить. Лучше всего катитесь на другую квартиру — подальше от греха.

А куда пойдешь в зимнее время?

Чтобы выжить нас, хозяин перестал давать дрова. Мы начали брать их без разрешения. Идешь, бывало, вечером домой и прихватишь во дворе полено-другое. Хозяин заметил утечку дров и рассказал нам старую побывальщину:

— Жили-были старик да старуха. Нарубил старик дров в лесу, напилил, наколол, печку истопил. Тепло стало в избушке. В ту пору появился в деревне вор и начал воровать дрова у старика. А тот умный был и проучил вору. Взял да на одном полене проделал дыру, насыпал туда пороха и заткнул пробкой. То полено и взорвалось в печке у вора. Сам покалечился, и двор сгорел... Подумайте, постояльцы, над сказочкой этой. Как бы беды не вышло.

Пришлось нам каждое благоприобретенное полено тщательно осматривать. Только убедившись, что в полене никакого пороха нет, совали его в печь.

«Каждая палка о двух концах», — подумал я и надумал. Купил на рубль пороха, принес из мастерской коловорот, высверлил широкой пёркой дыру в полене, засыпал взрывчатку, заткнул деревянной пробкой, заряженное полено положил в хозяйские дрова. Все это делалось по рецепту самого же хозяина.

Утром нас разбудил глухой взрыв в хозяйской кухне...

Хотелось знать подробности, но, сколько мы ни спрашивали хозяина, что произошло, он упорно отмалчивался. Или догадался о моей проделке, или сам дровишки у соседей воровал.

В городе творилось что-то невообразимое. Бастовали рабочие, у хлебных магазинов выстраивались длинные хвосты. Улицы завалило снегом, но никто его не убирал. На

рынке солдаты из госпиталей продавали старые шинели, истрепанное больничное белье. В журнале «Нива» печатались списки павших на войне «героев», но в этих списках не было настоящих героев — простых солдат. Они тысячами погибали «за веру, царя и отечество», имена их не могли вместить ни газета, ни журнал.

Свертывались занятия в школах, их помещения занимали лазареты.

По улицам бегали газетчики. Чтобы сбыть свой «товар», кричали:

— Русские казаки взяли в плен Вильгельма!

Все дорожало и дорожало, в том числе и газеты. Исчезла мелкая разменная монета, в обращении появились «разменные марки», билеты без даты выпуска, без подписей и номеров. Чувствовалось приближение грозных событий.

Учащиеся нашей художественной школы объединялись в группы, кружки, чего раньше не бывало.

На последнем курсе учился Вася Большухин, парень лет двадцати, по неизвестным причинам избежавший мобилизации на фронт. Крепкий, коренастый, развеселый паренек. Он для общей забавы организовал вокруг себя мальчишек с младших курсов и стал учить их военному делу. Построит ребят в зале и — «шагом марш!» свою команду на школьный двор. А затем — «словесность» в укромном уголке за литейной мастерской. Ребятам это нравилось, и начальство не протестовало. Хорошее, дескать, дело придумал Большухин, патриотическое дело, — готовит бойцов, защитников России от внешних и внутренних врагов.

Однажды, в середине февраля семнадцатого года, при выходе из школы нас с Гришей остановил мальчуган из команды Большухина:

— Завтра в двенадцать часов собрание в столовой. Приходите обязательно.

«Что за собрание?» — недоумевал я. И почему в столовой, которая в подвале помещалась, а не в зале, где обыкновенно проводились собрания и молебны?

Нас с Гришей очень заинтересовало предстоящее собрание, и мы (день был нерабочий) одними из первых явились в столовую.

Собралось человек двадцать — большинство из команды Большухина. Пришло несколько рабочих из мастерских, но ни одного преподавателя. Я понял, что людей приглаша-

ли по выбору. Заметил несколько посторонних, среди них были трое учеников горного училища в форменных шинелях. У столика сидел Вася Большухин. Он и открыл собрание:

— Товарищи! Довольно нам по углам собираться. Пришла пора открыто предъявить наши требования школьному начальству: уравнивать права неимущих и богатых учеников, последних лишить стипендий, передать стипендии нуждающимся, освободить наших товарищей от платы за право учения, не препятствовать организации школьного самоуправления. У них вот, в горном училище, самоуправление давно создано. Правильно я говорю, товарищи горняки?

За Большухиным выступил мальчик с подготовительного курса:

— Товарищи ребята! Семья наша бедная, отец безработный. Учиться хочется, а как учиться? Есть мне нечего, приходится куски собирать. Надо нам самим стипендии распределять. А что получается? Никто из бедных не получает стипендий. Только богатые, хотя они и без этого проживут. Например, Лучицкий. Отец у него управляющий фирмой «Дрожжи и стекло» Поклевского-Козелл. Лучицкий на лошадях по городу ездит, а в школе ему каждый месяц денежки дают. Несправедливо это. А почему так происходит, нам все товарищ Большухин рассказал.

«Вот, — думаю, — какой словесностью занимался с ребятами товарищ Большухин!»

— А у меня и родителей нету, — сказала с места моя соученица Наташа Иванова. — Чтобы учиться, у миллионера Соломирского, нашего попечителя, прислужничаю...

Большухин успокоил расшумевшуюся компанию и снова обратился к собравшимся:

— Все понятно. Не только мы с вами, весь трудовой народ страдает от царских порядков. Скоро этим порядкам будет конец. Развал на фронте, хаос в тылу. Чувствуя свою гибель, крысы побежали со своего гнилого корабля. У нас, например, удрали Карапет и преподаватель Маркевич. Директор побрил голову, гримируется под актера, чтобы не узнали его в минуту мести народной. Многие из богатых семей не явились в школу после зимних каникул. Знает кошка, чье мясо ела. Бегут, бегут крысы от нашего гнева. Так у нас, так и везде. Некоторые притаились, в щелях прячутся. Выловим всех крыс...

На собрании выбрали ученический комитет, куда вошли и мы с Гришей Демидовым. Комитету поручили выработать

ряд требований к директору Анастасьеву. Если они не будут удовлетворены, решили прекратить занятия, иначе говоря — объявить забастовку.

Но события нас опередили. Февральская революция смела царский режим.

4. Первые дни Февраля

28 февраля семнадцатого года над школой затрепетал на ветру красный флаг. На фасаде здания — лозунг: «Да здравствует свобода!»

Нас собрали в зале. Впереди на почетных местах — преподаватели. Явился директор Анастасьев, с алым бантиком на груди. Оглядел он собравшихся и заговорил:

— Граждане учащиеся! Государь-император Николай Второй отрекся от престола. В России восторжествовала свобода долгожданная. Война, навязанная нам Германией, будет победоносно закончена.

Вдруг раздалось в тишине:

— Пой, пташечка, пой...

— Что? Как? — растерянно пробурчал Анастасьев. И продолжал после вынужденной паузы: — Мы призываем вас свято выполнять свой долг перед свободной Россией. Отлично учиться, не нарушать порядок — вот ваш долг, граждане ученики. Мы призываем вас жить между собой в мире и согласии. В нашей школе нет ни бедных, ни богатых. Революция сравняла все звания. Все люди — братья. Политикой не следует заниматься. Это не ваше дело. Повторяю: ваш долг — отлично учиться, слушаться старших. А теперь на занятия! Собрание закрываю.

Мы в недоумении разошлись по классам.

Прошли слухи, что в городе должна состояться манифестация. У нас в школе не было объявлено об этом. Все-таки мы, несколько товарищей, с утра направились на Покровский проспект. Действительно, манифестация состоялась. По проспекту чинно шагали так называемые отцы города: купцы, чиновники, городская знать. Простые смертные толпились на тротуаре. Манифестанты — с красными бантиками, впереди транспарант «Да здравствует свобода!» и какие-то не то плакаты, не то хоругви. Не манифестация, что мы ожидали, а крестный ход!

Революция! Но никаких изменений к лучшему. На наши требования, принятые на собрании в прошлое воскресенье, директор заявил:

— Собрание было незаконным, значит, и требования ваши незаконные.

Революция! Но все осталось по-старому. Только рядом с лозунгом «Да здравствует свобода!» появился другой: «Да здравствует война до победного конца!»

Из Сибири на эту войну до победного конца шли воинские поезда с мобилизованными.

Однажды такой поезд остановился на нашей станции. С криками, с шумом из теплушек повыскакивали вооруженные солдаты, неорганизованной толпой устремились в город. Горланили на всю улицу, с хохотом сбивали штыками царские гербы на разных учреждениях.

Солдаты заполонили двор нашей школы, где стоял только что отлитый по заказу золотопромышленников саженный бюст царя Николая. И пошла потеха:

— Вперед коли! Прикладом бей! — Солдаты, как петухи, наскакивали на чугунного царя, били его по башке прикладами, кололи штыками.

В районе Водочной улицы на складе хранились большие запасы спирта. Администрация догадалась выпустить его в протекающую рядом речку Светлую, из которой жители брали воду для питья. Речка впадала в пруд. С устья потянулся резкий винный запах, который привлек вначале водовозов, а затем и местных пьяниц.

Котелками, ведрами, разными посудинами люди черпали разведенный спирт, пили, дрались, валялись на хлипком весеннем льду.

Со станции прибыла военная охрана, но и охранники не удержались от соблазна.

Полынья, образовавшаяся в устье речки, постепенно расширялась, ледяные края обваливались. Появились веером расходившиеся трещины, и лед под тяжестью десятков обезумевших людей не выдержал. Раздались крики утопающих.

В это время погромщики грабили городские магазины. Таскали, что под руку попадет. Наш домохозяин припер домой несколько бутылок рома из магазина Агафуровых и хорошую лисью шубу.

Жизнь берет свое. Прошел этот кошмар, и в городе разыгрались свадьбы.

По молчаливому разрешению мастера я по вечерам занялся изготовлением обручальных колец. Заказчики, осо-

бенно заказчицы, требовали, чтобы кольца были не паяные, а обязательно кованые. Соглашался, но я не кузнец и делал кольца по-своему. Обычно вырежешь из золотой монеты пластинки и спаяешь кольцо на золотой припой, обработаешь, отшлифуешь — и готово «кованое» кольцо. И трешницу заработаешь, и сам доволен, и заказчица спасибо говорит.

Гриша Демидов мастерил этюдники, чертежные доски. Кое-что зарабатывали, но жить было трудновато. Бывало, и спать ляжешь голодным, утром без завтрака на занятия идешь. На обед денег нету, а домохозяин с каждым месяцем увеличивает квартирную плату.

— Я не виноват, что новым деньгам грош цена. Вот при царе были денежки! За десятку можно было корову купить, а теперь за ваши «сороковки» кошку драную не купишь. Зря, ребята, скинули государя-императора.

Случайно по дешевке я купил старую балалайку и стал учиться играть по самоучителю Коромыслова. Научился исполнять «Барыню», «Камаринскую», «страдания». Вспомнил баржу на Каме, гармониста Ивана Дудина, мои «прохожие». И снова начал сочинять. У Гриши хороший голос. Он пел, а я играл. Стало много веселее жить на свете.

Как-то вечером мы с Гришей вскипятили чай, а в шкафу — ни кусочка сахара, ни одного сухарика.

— Пойдем на свадьбу, — вдруг предложил Гриша.

— На какую свадьбу? — удивился я.

— На какую угодно. Ты станешь играть, я — петь. Дорогими гостями будем на любой свадьбе.

— Неудобно, — сказал я. — Вдруг попадем к молодоженам, моим заказчикам? Какими глазами они посмотрят на меня, ювелира с балалайкой?

Гриша возразил:

— Не каждый жених золотые кольца заказывает. И без них женятся, у которых золотых денег сроду не бывало.

Пошли. Кругом ни огонька. Темнота кромешная. С Водочной улицы свернули в переулок. Темно и тихо, как в гробу. Даже собаки не лают.

— Уснули, что ли, все эти жители? — возмущался Гриша.

— Возможно, что и спят. Керосина в городе нет, электростанция дает ток с перебоями. Эх! Надо бы засветло в гости идти.

— Все из-за тебя, — заворчал Гриша. — Пока договаривались, стемнело.

Хотели уже обратно повернуть. И к нашей радости впереди из окон домика блеснул яркий свет, по снегу брызнули огненные дорожки.

Стучать не пришлось — ворота раскрыты настежь, как на свадьбах бывает.

В кухне, она же прихожая, хлопочет раскрасневшаяся молодая женщина. Мы топчемся у порога, не зная, как быть. Она, увидев у меня балалайку, с улыбкой проговорила:

— Здравствуйте, долгожданные! Раздевайтесь, пожалуйста. Милости просим. — И с криком «Музыканты пришли!» побежала в горницу.

Вышел парень с белым бантом на груди, шафер, и подхватил нас под руки.

За большим столом сидят гости. На почетном месте — молодые. Невеста хмурится. «Должно быть, силой замуж ее выдают?» — подумал я. Жених, краснорожий парень, довольно улыбается. «Добился, значит, своего». На столе столько съестного, что у меня слюнки потекли. Для нас освободили два стула, подали по стакану самодельного вина. Я встал.

— С законным браком! — С трудом хлебнул жгучей жидкости, но закусил основательно без всякого труда. Не отстал от меня и Гриша Демидов.

Я настроил балалайку, ударил по струнам, Гриша запел песенки моего сочинения:

Вьется дым из нашей бани
Уже третий день подряд.
Ваня женится на Тане,
Почему я не женат?

Я цветами, алым маком,
Свои косы обовью.
Поздравляй с законным браком
Ты подруженьку свою.

Мыши бегают в амбаре,
А за ними — рыжий кот.
Спекулянт на тротуаре
Лошадину продает.

Гости живо подхватили наши частушки, запели свои, старинные. Заиграл я плясовую, началось настоящее свадебное веселье. Пляски, песни, напутственные речи старших, крики «Горько!». Бесперывно наполнялись стаканы. Мы делали вид, что пьем до дна за счастье молодоженов, но закусывали по-настоящему...

Пришли домой под утро, сытые, довольные. Гриша вынул из-за пазухи сверток с пирожками.

— Хозяйка дала, что встречала нас, — объяснил он.

Не верится, что мы дотянули до весны. Надо было покупать бумагу, краски, за квартиру платить, питаться, одеваться. А на какие деньги, когда в кармане вошь на аркане? Но учиться страшно хотелось!

Закончился учебный год. Надо было платить за ученье. Предупредили: если к назначенному сроку не ликвидирую задолженность, исключат из школы. Вот тебе и свобода пришла!

Как быть — посоветоваться не с кем. Гриша Демидов уехал на летние каникулы в Слудку.

Но, как говорится, голь на выдумку хитра. Это было в конце лета. Наделал я в ювелирке медных колечек, сережек, разных других безделушек и решил сходить в ближнюю деревню на Шарташе с надеждой наменять что-нибудь из продуктов. К сожалению, ничего не вышло. В деревне одни старики, дети, измученные солдатки. Самим подчас есть нечего. Раздарил я свои изделия деревенским девочкам и направился в обратную сторону.

Проходя по деревне, увидел в огороде старика. Копают грядку и ворчит.

— Здравствуй, дед! С кем разговариваешь?

— Здорово! Сам с собой. Люблю с умным человеком поговорить.

— Чего лопатой землю ковыряешь? Сохи, что ли, нет?

— Как не быть сохе? — отвечал дед. — Есть она, соха. А как пахать, если я безлошадный? Да и пахать мне не под силу.

— У тебя в семье разве нет мужиков-то?

— Один живу. Старуху лонись похоронил. Три сына было, да новый царь Керенский их на войне погубил. Вот и маюсь в сиротстве.

— Говоришь — новый царь Керенский. А разве нет разницы между царем Николаем Романовым и Керенским?

— Нету разницы. Что царь Никола, что Керенский — один лешак!

Крепко запомнил я мудрого старика. Написал стихотворение, в котором были такие строки:

Сыновей сгубил на фронте
Новый царь Керенский.

Царская полиция исчезла с улиц города, ее заменила так называемая милиция. Это ученики старших классов средних учебных заведений, в основном из богатых семей, а также молодые шалопаи, искатели приключений. Единой формы не было, одевались кто во что горазд. Милиционеры носили на левом рукаве красные повязки, справа — тяжелые револьверы системы «бульдог».

Когда спрашивали этих блюстителей порядка: «Кто вы? Полиция?» — следовал ответ: «Я не полиция, я милиция. Вот что за птица я».

Весной семнадцатого года в Екатеринбурге начались уличные митинги. С импровизированных трибун говорили эсеры, анархисты, кадеты, черносотенцы. Каждый защищал свою платформу, расхваливал своих кандидатов в Учредительное собрание, оглашались списки этих кандидатов. И кого только не было в этих списках! Камергер двора его величества золотопромышленник Соломирский, сбежавший из Перми губернатор Любич Ярмолович Лозина-Лозинский и прочие, кроме представителей трудовых масс. Каждый выступающий критиковал инакомыслящих. Иногда дело доходило до потасовок. В толпе сновали шпикки нового правительства и выступления левых брали на заметку.

Однажды я пришел на митинг, проходивший на Вознесенской площади. Выступали приверженцы «учредилки» Керенского, говорили хвастливо, болтали о свободах, предоставленных народу Временным правительством, о якобы зажиточной жизни крестьян, агитировали за войну до победного конца. Я слушал-слушал их лживые речи и, не удержавшись, поднялся на трибуну и прочитал свое стихотворение о нищей деревне.

Вначале меня слушали внимательно, но когда я дошел до заключительных строк: «Сыновей сгубил на фронте новый царь Керенский», — поднялись шум, крики, протесты:

— Долой!

— Социалиста обзываешь царем, большевистский агент!

— Бить таких надо!

К трибуне протискались две «птички» и стащили меня на землю. Я рванулся было, чтобы затеряться в толпе. Задержали.

— Не уйдешь! — Вынули они из кобур свои «пушки» и повели в Харитоновский сад.

— Отпустите, ребята! Не понимаю, что я плохого сделал. Сам все в деревне видел.

— Поймешь, — ответили мне охранники, — когда по морде получишь.

Ввели в сад, загнали в угол, в темное место.

«Бить будут», — сообразил я и решил защищаться. Ребята щуплые и трусы — у обоих руки дрожат.

Один сбоку стал продираться через кусты, другой тыкал меня револьвером в затылок. Я у первого, изловчившись, схватил «бульдог», второго, обернувшись, ударил по голове. Оба с криком ринулись бежать. Один в кустах запутался.

— Пристрелю гада!

Нажал на спусковой крючок, выстрела не последовало. Понял, что револьверы у них не заряжены.

Быстро-быстро перелез я через забор и задворками добрался до станции.

На попутном товарняке через трое суток я приехал в Пермь.

На пристани — старые вывески: «Пароходство братьев Каменских и Мешкова», «И. И. Любимов и К^о».

По скрипучим сходням грузчики перекатывают на тачках с паровозов хозяйское добро, переносят на горбу пятипудовые кули.

Что же изменилось после февральской революции на Каме? Да ничего почти не изменилось, как, вероятно, и во всей стране.

5. Яков Степанович

На мешковской пристани, отстояв нудную очередь, я купил палубный билет до Слудки. Пароход отправлялся в рейс поздним вечером, поэтому я решил прогуляться в город. Перебрался через железнодорожное полотно, поднялся на площадь у кафедрального собора. Здесь маршировало «керенское войско» — так называемый женский батальон смерти.

— Ать, два трри, чтырре! — командовала офицер, длинная худая баба в шинели выше колен. В рядах — пожилые рослые женщины и недоростки. У первых, как у командира, шинели выше колен, у малышек — до пят. Обмундирование сшито на одну мерку. Карикатурное «войско» вызывало много насмешек со стороны любопытных, заполнивших тротуар у собора:

— Вильгельм со страху сдохнет при виде таких...

— Эй ты, маленькая! Подоткни шинель-ту. Она у тебя по земле волочится.

— Офицер-от, вишь, какая дылда. Не переломись, бабонька.

— Совсем довоевались, если женский пол на войну берут, — жалобно проговорила дряхлая старушка.

— Тебя только, бабуся, не хватает, — сказал ей стоящий рядом человек в лаковых сапогах. — Иди в ихние ряды, генералом назначат.

— Зря зубы скалишь, — огрызнулась старуха. — Какой из меня генерал? Была бы помоложе, тоже бы в солдаты записалась. Бабы воюют, а ты, молодой, почему не на войне?

— Тебе какое дело? — обозлился человек в лаковых сапогах. — Брысь отсюда!

— Ать, два, трри, четыре! — маршировал пресловутый «батальон смерти».

А я поспешил на пристань.

Перед отвалом протискался на пароход. На палубе мест уже не было, пришлось устраиваться на корме около румпеля.

Всю ночь парходик шлепал плицами по широкой Каме. Всю ночь на корме грустно пиликала гармошка. Играл старый татарин, прислонившись к мачте. Только к десяти утра мы привалили к слудской пристани.

Вышел я на пристани и налегке зашагал по лугам в родную Тупицу. Все, что было, — книги, зимние вещи — осталось на квартире в Екатеринбурге. В чем был, в том и приехал домой. Денег в кармане — несколько нестоящих «сороковок».

Вот и старая береза в огороде, вот и полянка перед избой. На полянке в клетке играли девчонки в длинных платьях, мои сестренки младшие (к этому времени у меня уже было три сестры и, кроме Мити и Вани, еще братишка Михаил). Увидели, узнали:

— Саня приехал! Саня приехал! — И потащили меня домой.

Встреча оказалась душевной. Усадили, как принято, гостя за стол. Мать, разглядывая меня, заботливо проговорила:

— Какой ты худой, Саня. Значит, не сладко на чужой стороне?

Вскипел самовар.

— Только без сахара чаевничаем, — сказала бабушка. Я спросил:

— Деньги у вас есть?

— Есть, хоть кухню оклеивай. Да сахара-то не стало в продаже, — ответила бабушка Мария. — Ты насовсем приехал или на перерыв, как в школах?

— Не знаю, — ответил я, хотя знал, что каникулы не для меня и вряд ли придется продолжать учебу в художественной школе.

— И знать нечего. Отец на службе, Митенька в матросах, Ваня тоже собирается ехать в затон. Будешь опять у нас заглавным. Хорошо, что приехал...

После бессонной ночи на пароходе я пораньше полез на сеновал и устроился на ночевую. Хотел отоспаться как следует. Но рано утром меня разбудили громкие голоса на улице:

— Куда направился, Яков Степанович?

— К дружку, к Александру Миколаичу.

Я быстро слез с сеновала, открыл ворота и попал в объятия старого рыбака.

— Вчерась узнал, что приехал ты, мой дружок. Бабы на колодце баяли. За тобой пришел. Айда за рыбкой. На Долгом озере шибко сорога клюет.

Яков Степанович был глуховат и говорил в полный голос. В окне показалась бабушка Мария.

— Что ты, Яша, раскричался раньше петухов? Всех разбудил, старик.

Яков Степанович — бывший бурлак, бедняк из бедняков. Летом караулил огороды, рыбку ловил, зимой сушил снопы в овинах. У старого не было ни усов, ни бороды, а на голове — густые седые кудри.

— Почему у тебя, Яков Степанович, бороды нет? — спрашивали его иногда.

— Для чего мне ее? Гнус плодить? — отвечал Яков Степанович. — Я чушку пареными орехами шоркал, волосья и вывелись. Да!

Он плохо выговаривал букву «н». Когда спрашивали на рыбной ловле: «Клюет, Яков Степанович?» — он отвечал: «Еклюет, ей-богу, еклюет». Вот и пойми, клюет у него рыбка или не клюет.

Яков Степанович хромал на левую ногу. Ездил как-то зимой в село Ильинское рыбу продавать, выпил на дорожку и познобился...

— Мария Миколавна, — ответил он на выговор бабушки. — Сорога клюет. Сейчас пойдем с дружком на Долгое озеро.

— Ты что? Очумел, Яша? Парень только-только при-

ехал домой. Мы и наглядеться не успели, а ты на озеро тянешь. Совести у тебя нет.

Мне очень хотелось пойти на рыбную ловлю. На озерах три года не бывал, но права и бабушка Мария. В конце концов договорились оставить это дело до вечера.

На закате солнца мы — два дружка (одному восемнадцатый, другому восемьдесят лет) — отправились на озеро.

Шли и радовались тихой погоде, но, когда спустились из деревни на луга, радости как не бывало. Напали на нас комары. Тучи их, сотни туч, нудных, писклявых. Появилась мелкая мошкара. В уши, в нос лезет, проклятая. Сечет и режет, спасенья нет.

Яков Степанович закутался в бабий платок и стал похож на старуху. Я запалил мочальную веревку, чтобы отгонять назойливого гнуса. Мочальная веревка — мочеляга, — что хорошо известно охотникам и бурлакам, долго тлеет, распространяя густой удушливый дым.

Так, в смраде и дыму, мы пробирались на озеро. Первым сдал старый дружок.

— Сделаем остановку, — предложил он. — Заварганим костер, обождем до утра, а то обескровят они нас, будь трижды прокляты, комарики.

Пришлось согласиться, но где дрова достать?

Вскоре нам попался небольшой стожок сена, огороженный остожьем — ольховыми жердями. Старик первым подковылял к остожью с топором и распорядился:

— Ломай скорей, дружок Миколаич, чтобы кто-нибудь не приметил. Таскай дровишки! Они сухие, как порох. Постарался кто-то, спаси его Христос, для нашего брата-рыбака.

Сломав остожье, мы вдали от стога разложили большой веселый костер. И отступили от нас комары и мошки. Столбом вились они в вышине, а к нам доступ был закрыт. Мы проговорили о предстоящей рыбалке до утра. Уснул я, когда уже громко запели утренние птички и с реки потянулся туман. Проснулся поздно. Протер глаза и вижу: у потухшего костра на одной ноге скачет Яков Степанович, машет топором и ругается. Невольно подумалось: «Не рехнулся ли старик?»

Я быстро поднялся.

— Что случилось, Яков Степанович? — спросил его с тревогой.

— Ой беда! Остожье-то...

— Сожгли, ну и черт с ним.

— Хорошо тебе говорить, дружок Миколаич. Мое ведь остожье-то сожгли... Мое! Да!

Мы до полудня восстанавливали злополучное остожье. Хорошо, что ольховник был совсем рядом. Но утренний клев пропустили.

— На чужое позарился, старый хрен, — бранил себя Яков Степанович. — Сам себя наказал. Так и надо дура-лею. Ум потерял на старости лет.

Только к вечеру мы добрались до озера.

В голубой воде среди белоснежных и золотистых кувшинок резвится рыба мелочь, на чистой воде играет крупная. Забилось часто сердце рыболова!

Я сел на пушистую кочку под кустом пахучей черемухи, закинул удочки. Что-то зашуршало за спиной. Обернулся. На меня черными бусинками глаз глядит красавец горно-стай. Напротив меня из травы выплыл на середину озера утиный выводок. Низко над водою пролетела кукушка, на-пророчила мне долгие годы жизни.

Дрогнул поплавок, пошел в сторону и нырнул в глубину. Я вытянул первого окуня-горбача. Осторожно снял его с крючка и отпустил обратно, в озеро. Пусть пока гуляет на свободе, помнит мою доброту.

Солнышко медленно опускалось к горизонту. По озерной глади потянулись от берега к берегу длинные тени.

Настал тихий вечер последнего дня моей юности.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

1. Комиссары

Невесело было в наших деревнях. Сверстники служили на Каме, старшие по возрасту страдали в окопах. Не с кем поговорить, поделиться мыслями. В семье я чувствовал себя лишним, вроде иждивенца. Помогал, конечно, родным в хозяйстве, да все это не то. Хотелось чего-то живого, деятельного. Невольно вспоминались беды свои. Сколько раз меня выгоняли с работы! Обосновался было в Екатеринбурге, начал учиться, и пришлось удирать во все лопатки. Какая-то жизнь неприкаянная. Была революция, были надежды на хорошее житье. Но ничего хорошего не произошло. Те же хозяева, та же «война до победного конца». Прав был старик из деревни на Шарташе, когда говорил, «что царь Никола, что Керенский — один лешак!»

В наших деревнях появились беглые солдаты, матросы,

шайки грабителей на дорогах, подозрительные личности.

Однажды приехал ко мне незнакомый матрос. В брюках клеш, в тельняшке, в бескозырке, вздернутой на затылок.

— Я из Пихтовки, Андрея Гавриловича сын, — откомендовался он. — У меня к тебе, братишка, дельце.

Матрос вынул из кармана наган и брякнул им об стол. Я даже вздрогнул от неожиданности.

— Не бойся. Не заряжено и испорчено. Я слышал, что ты в Екатеринбурге ювелиром был. Значит, мастер.

— От кого слышал?

— Знаешь, что такое мочальный телефон в деревне? В одном конце дернешь — в другом слышно. Исправь револьвер, братишка. Я тебе пуд муки привез.

— Нет. В ювелирной учился — это правда, но об оружии не имею ни малейшего понятия. Да и для чего нам наганы? Мы не на войне.

— Могу по секрету сообщить: в Петроград приехал Ленин, нищетрясов к вооруженной борьбе зовет. Придется, братишка, нам здесь в тылу защищать от большевиков законное правительство Керенского... Значит, не можешь?

— Не желаю.

— Ладно. Поеду к кузнецу.

Вот, значит, к чему готовятся кулацкие сынки? Отец-то матроса Андрей Гаврилович Чудинов один из самых богатых людей в волости.

Пришлось жить, как на необитаемом острове. Ни газет, никаких известий из городов. В свободное от домашних работ время я стал ходить на пристань в надежде встретить на проходящих пароходах кого-либо из своих знакомых речников, чтобы хоть что-нибудь узнать, что делается на белом свете.

В волости такая же милиция, как и в Екатеринбурге. Но в составе ее пожилые люди и демобилизованные по ранению увечные солдаты. Самым рьяным был пятидесятилетний милиционер Яков Панин, который круто расправлялся на пристани с мешочниками, спекулянтами, проверял документы. Кроме револьвера, носил он за поясом винтовочный штык. Панин тыкал штыком в мешки, баулы, в бидоны с молоком, другие вещи пассажиров в поисках запретного для перевозки.

Я не забыл Екатеринбург, тамошних милиционеров и, по правде говоря, побаивался этого Панина. И случилось то, чего я опасался. При всем честном народе Панин схватил меня за плечо. Я обернулся:

— В чем дело?

— В управе узнаешь.

Вижу, подходит еще одна «птичка» с «бульдогом». Решил было прыгнуть за борт дебаркадера. Панин понял это.

— Не рыпайся! Все равно выловим. Руки за спину! Пошли! — и пригрозил оружием.

— Куда? За что? — протестовал я.

— Зачем чуть не каждый день на пристани шляешься?

— Не твое дело.

— Сказано — не рыпайся. Сенька, оставайся на пристани, — приказал он своему товарищу. — Я один с этим парнем справлюсь. Шагай и не оглядывайся. — Это относилось уже ко мне. Что поделаешь? Пришлось подчиниться вооруженному охраннику.

А вслед слышались разговорчики любопытных:

— Вора поймали, должно быть.

— Какой вор? Большевистский шпион.

Мы поднялись на гору — я впереди, за мной Панин. Вот и земская управа, где находится милиция, а Панин направил меня дальше, мимо управы. Прошли возле церкви. На краю улицы — двухэтажный дом лесничего. Внизу подвал. Вдруг, неожиданно:

— Опустите руки, товарищ.

— Я тебе не товарищ!

— Ладно. Вот сюда, по лестнице. Иди за мной, не оступись. — И Панин шагнул вперед.

«Бежать», — блеснула мысль.

— И не думай, — понял мои намерения Панин. — Сейчас все разрешится. Какой ты нетерпеливый, товарищ Спешиллов.

«Что за черт? Старик даже мою фамилию знает».

Открылась дверь. Блеснул свет. В обширном подвальном помещении на лавках около стола сидят незнакомые мне люди. Только одного я, кажется, где-то видал. Он подошел ко мне:

— Здравствуй, товарищ! Не узнаешь?

— Кажется, признаю, — ответил я. — В Екатеринбурге встречались. Вы — товарищ Букрин?

— Он самый.

Мы крепко обнялись. Яков Львович Панин стоял над нами и улыбался. Проговорил:

— Ты, Спешиллов, не обижайся на мою грубость. Так надо было, чтобы кое-кому втереть глаза. Видишь, привел я тебя не в земскую управу, а к товарищам.

В Слудке в конце лета семнадцатого года местной интеллигенцией был организован кружок правых эсеров. В него входили фельдшер Филипп Банников, учитель Спиридон Ламзин, середняк Григорий Снегирев, торговец Григорий Попов, мельник Новиков, прапорщик царской армии Павел Романов, писарь управы Григорий Лобов и еще кое-кто из богатых мужичков. Эта разношерстная компания регулярно собиралась в школе и в земской управе. Обсуждались текущие дела, меры по упрочению власти Временного правительства, выдвигались кандидаты в Учредительное собрание. Эти люди вели агитацию за укрепление кулацких хозяйств и, конечно, за войну с Германией до победного конца — старый, ненавистный трудовому народу шовинистический лозунг.

В противовес «временным» приехавшие с фронтов матросы, солдаты, крестьяне-бедняки создали свой большевистский кружок.

Когда меня Панин привел на собрание кружка, в нем насчитывалось только до десятка человек. Я не понимал, что за способ вовлечения в кружок, который применил ко мне Панин. Можно было тому же Букрину встретиться со мной, поговорить по-товарищески. Я бы без всякого ареста согласился быть членом кружка. Так я высказал и на собрании. Букрин разъяснил мне:

— Кружок-то у нас пока нелегальный. Приходится соблюдать конспирацию. Во-вторых, контрики доверяют Панину и после твоего ареста еще больше будут доверять. И никогда не догадаются, что он наш товарищ...

Осенью, после навигации, наши ряды пополнились. Приехали с Камы речники, члены большевистской партии Павел и Иван Демидовы, старый член партии Алексей Сергеевич Меркурьев, с Дальнего Востока возвратился матрос Василий Александрович Бородин. Это были люди, по-настоящему преданные народу.

Мы сходились почти в открытую. О нашей работе было известно господам из земской управы, но они против кружка никаких мер не принимали, чувствуя, что правят уже последние деньки.

10 (23) октября 1917 года под руководством Владимира Ильича Ленина в Петрограде состоялось конспиративное заседание Центрального Комитета РСДРП (б), на котором была принята резолюция о вооруженном восстании. Вос-

стание началось 24 октября (6 ноября). К утру 25 октября были заняты все важнейшие пункты города и правительственные учреждения. К 10 часам утра Военно-Революционный Комитет обнародовал воззвание «К гражданам России!», написанное Лениным. Вечером в Смольном открылся II Всероссийский съезд Советов, провозгласивший переход власти к Советам. 26 октября ночью был взят штурмом Зимний дворец. Временное правительство арестовано.

Весть о победе в Петрограде разнеслась по всей стране.

Пришла пора и нам, потомкам старых бурлаков, взять власть в свои руки. Для этого нужно было оружие. А где его взять? Помог случай.

В волости имелись леса местного назначения. Пользуясь «земской» неразберихой, леса хищнически уничтожали. Единственным оружием лесной охраны был топор. Яков Панин предложил волостному, все еще старому, начальству вооружить лесных сторожей боевым оружием.

До конца доверяли Панину местные властители. И командировали его за получением винтовок в Пермь.

В городе Панину удалось получить десять винтовок и несколько ящиков патронов.

С большим трудом в распутицу, в начале зимы, посланец земской управы на подводах довез оружие до Слудки. Понятно, что вместо лесных сторожей вооружились члены нашей организации. Первой в ночь на второе декабря «сдалась» милиция, так как, кроме Панина, в рядах ее были и другие наши товарищи. «Временные» подчинились нам беспрекословно.

В Слудке был создан волостной Совет рабочих, крестьянских и солдатских депутатов. Председателем Совета избрали Алексея Сергеевича Меркурьева, меня — секретарем. Мы были совершенно разные люди по возрасту и по внешности. Меркурьев был намного старше меня, здоровенный, рыжий, с глазами навывкат, руки, как грабли. Он едва уместился на широком стуле. Кажется, занимал собою всю нашу рабочую комнату. Я же — худощавый молодой паренек, у меня даже усики не пробивались. Несмотря на такие различия, мы крепко сработались с Меркурьевым.

Пока мы «керенскую» управу не трогали, поручили ей хозяйственные дела по волости. Помещалась она в старом помещении, а исполком — в обжитом здании лесничего. Я сделал на фасаде вывеску: «Исполнительный комитет

Слудского Совета рабочих, крестьянских и солдатских депутатов». На вывеске земской управы — орел без короны, а на нашей — алая пятиконечная звезда.

Все члены Совета, члены партии, вступили в Слудский отряд Красной гвардии. Командиром отряда назначили бывшего прапорщика, коммуниста Михаила Васильевича Пирогова. Началась военная учеба, патрулирование, изъятие у населения оружия. Когда мы строем проходили по селу, в народе говорили: «Речная гвардия идет!»

Двоевластие в волости продолжалось до февраля. Когда в Перми власть окончательно перешла в рабочие руки, мы ликвидировали земскую управу.

Надо было как можно больше верных людей вовлечь в управление в масштабе волости. Многие из них стали работать в новых отделах: земельном, продовольственном, народного образования, здравоохранения, военном, отделе труда. Последний был бельмом на глазу у нетрудового элемента, у богатых мужичков, у торговцев, так как постоянно привлекал их на общественные работы.

Я очень увлекся военным делом, пропадал в штабе отряда Красной гвардии, занялся составлением планов, программ военных занятий, стал вроде адъютанта у Пирогова. Просился, чтобы меня перевели в военный отдел.

Время работало на меня. С апреля 1918 года на местах стали создаваться военные комиссариаты. Меркурьев подыскал помещение для нового учреждения в капитанском доме Холкина.

И сказал мне однажды:

— Ничего не поделаешь — силой милому не быть. Поступай, Спешилов, на военную службу.

— С радостью, — ответил я. — Но где эта служба? В город ехать?

— Нет. Назначаешься делопроизводителем в военный комиссариат.

Я поблагодарил Алексея Сергеевича, побежал знакомиться с комиссарами...

Сидят комиссары друг против друга за столом и перебирают бумаги. Первый — флотский матрос, красивый, черноволосый, как цыган, двоюродный брат Меркурьева — Григорий Меркурьев; второй — пожилой бородатый солдат в гимнастерке — Федот Сибиряков. Поздоровался с ними.

— А ты кто такой? — пробасил Федот.

— Ваш делопроизводитель.

— Садись, браток! — пригласил Меркурьев. — Нам

только тебя и надо. Читаем всякие приказы, указы и ни черта не понимаем... Фамилия?

Я назвал себя. Федот сказал:

— Бери канцелярию и орудуй. Нам с Гришкой нужно другими делами заниматься.

Через несколько дней в комиссариат явился человек в щегольской офицерской форме, на груди царский орден.

— Чудинов Михаил Григорьевич, поручик русской армии, прибыл в ваше распоряжение.

Федот по привычке вытянулся перед его благородием.

— Да сиди ты, комиссар! — осадил его Меркурьев. — Приказ у вас есть, гражданин?

— Вот приказ.

Читаем: «Чудинов М. Г. назначается военным руководителем Слудского военного комиссариата». Бумагу подписал военрук уездного комиссариата Шпилевский.

— Ты не родственник мешковского управляющего? — спросил Меркурьев.

— Родной сын, — ответил Чудинов. — Но сыновья за отцов не отвечают. Я военный и выполняю приказ вышестоящего командования. Есть офицеры в волости?

— Как не быть, — ответил Меркурьев. — Охлупин, Романов. Да они нам не ко двору.

— Ничего не значит. Есть приказ о привлечении специалистов для обучения молодежи военному делу.

Поручик Василий Охлупин жил у родителей в дальней деревне. Приехал в комиссариат добровольно, без вызова. Предложил свои услуги для военной работы в комиссариате. Молодой — ему всего лет двадцать пять, — стриженный под польку, с отменной выправкой. На левом боку офицерская шашка в серебряных ножнах.

Прапорщика Романова вызывали повесткой дважды — не являлся. Пришлось послать за ним милиционера.

Романов, сын местного священника, наконец пришел, неряшливо одетый, и заявил:

— Протестую! Кто вам дал право вести меня под конвоем через все село? Жаловаться буду! — И развалился на стуле.

— Встать! — приказал Сибиряков.

— Перед солдатом вытягиваться не желаю.

— Я не солдат, а военный комиссар! — повысил голос Федот Сибиряков. — Встать, говорю! — И отстегнул кобур нагана. В ту минуту заглянул в комнату военрук Чудинов. Прапорщик вскочил с места, и руки по швам.

— В чем дело, Романов? — спросил военрук.

— Не могу служить большевикам. Отказываюсь. Категорически.

— Кругом! — скомандовал Чудинов. — Шагом арш! — Прапорщик вылетел из комнаты. Чудинов вынул из кармана платок и вытер вспотевший лоб.

— Я, товарищи комиссары, слышал всю эту сцену. Прошу не беспокоиться. Я обломаю дурака, будет шелковый.

Действительно, на следующий день Романов явился как ни в чем не бывало, вежливый, предупредительный, в новом офицерском кителе, в брюках клеш, в лаковых сапогах. Получил назначение на должность ротного инструктора.

Поручик Охлупин стал батальонным инструктором.

Несколько дней понадобилось на то, чтобы взять на учет призывную молодежь в волости. Сформировали три роты. Ротными инструкторами второй и третьей роты назначены бывшие фельдфебели, службисты до мозга костей.

На лугах под селом начались строевые занятия.

2. Сельские будни

Приехал домой Гриша Демидов, которому наконец удалось окончить Екатеринбургскую художественно-промышленную школу. Он навестил меня в комиссариате.

После многочисленных вопросов и рассказов о себе, о товарищах Гриша предложил:

— Устроим в школе выставку? Мы с тобой все-таки художники.

— Хорошее дело, а что выставлять-то? Мои рисунки, сам знаешь, остались в Екатеринбурге. Может быть, у тебя что-нибудь есть?

— Есть, да мало. Мы вот что сделаем. В библиотеке у Василия Дмитриевича много старых журналов. Вырежем хорошие репродукции, оформим и выставим для обозрения. «Искусство принадлежит народу». Зачем же его в архивах хранить? Сами попробуем что-нибудь нарисовать, на этюды сходим.

Я согласился. Да и самому хотелось порисовать.

Приготовив цветные карандаши, бумагу, я взял лист фанеры и в теплый денек отправился по Ильинскому тракту на этюды. Поднялся на гору Шумиху.

Такая красота! На юге село Слудка, на севере — зеленая долина речки Кемоль с водяной мельницей, где когда-то плотничал отец. На многие версты раскинулись горизонты родного Прикамья.

Устроился на пеньке и только начал рисовать, как ко мне подбежали ребяташки, за ними — и любопытные взрослые. Услышал за спиной:

— Здорово рисует!..

Недели две мы подбирали экспонаты для нашей будущей выставки. Нашлись помощники: местный поэт и художник Вася Ракитин, Фина Любимова, с которой к тому времени у меня установилась крепкая дружба.

Школа пустовала — каникулы. Нам разрешили занять под выставку зал на первом этаже.

Репродукцию с картины Репина «Бурлаки», наклеенную на картон, мы поместили на самое видное место, а вокруг — работы Айвазовского, Архипова, Шишкина и других замечательных русских художников — все, что мы могли взять из старых журналов в библиотеке.

Художественная выставка — небывалое явление в деревне — привлекла многочисленных посетителей. Приходили сюда, и по многу раз, ребяташки и люди пожилые. Мы не успевали давать пояснения.

Было положено начало культурно-просветительной работе.

Коля Мудрых, мой ровесник, когда-то начинал учиться в драматической студии в Перми. Сейчас это ему пригодилось — он составил из ребят драматический кружок.

Но пришлось выбирать пьесы без женских ролей, так как наши доморощенные артистки наотрез отказывались целоваться на сцене, если это необходимо было по содержанию пьесы. Пытались одевать в девичьи платья парней — ничего не получалось. Бывало, говорит такая «героиня» тонким голосом, забудется и рывкнет басом. И смех и грех!

Мудрых пригласил из Перми бывшую соученицу по студии Тоню Сергееву. В Слудке в конце села жила ее родственница. У нее Тоня и остановилась на квартире.

Пошли репетиции, часто они заканчивались далеко за полночь. Тоня боялась ходить одна по темной улице. Мне было по пути, и я с удовольствием стал ее провожать.

Идем, бывало, то я толкну ее под локоток, то она мне ножку подставит. То я от нее бегу, то она от меня. Смех, шум на всю улицу.

Что удивительного? По восемнадцать нам было. Незаметно, увлеченные игрой, доходили до ее квартиры, прощались. Я шел дальше, в свою деревню.

Однажды меня вызвал Бородин, председатель партийного комитета. Он встретил меня неласково:

— На тебя жалоба, товарищ Спешилов.

— Какая?

— Читай! — Бородин бросил мне на стол заявление. Такое было написано! Что привезли, дескать, девку из города на стыд и позорище. Каждую ночь, дескать, провожает ее большевистский молокосос Санко Спешилов. Дальше шли угрозы: «Если не примете меры, сами сделаем суд. Подкараулим в темном месте и...» Под заявлением — несколько подписей, непонятных, неразборчивых.

— Я не виноват, Василий Александрович.

— Не оправдывайся. Враги следят за каждым нашим шагом. Малейшая неосторожность — и готов из мухи слон.

На следующую репетицию Тоня пришла заплаканная.

— Что случилось? — окружили ее ребята.

— Ворота... вымазали...

К великому огорчению, закончилась наша милая игра. Я стал возвращаться домой по окольной горной дороге. «Хоть далеко, да безопасно», — рассудил я. И зря так думал.

В одном месте, недалеко от деревни Тупицы, дорога петляет по краю глубокого лога. Иду однажды ночью, размечтался о чем-то. Вдруг выстрел. Просвистела пуля. Затем другой выстрел, третий. А схорониться негде. Побежал. Стали стрелять вдогонку. По счастью, темно было, да и стрелки, вероятно, попались липовые.

Наша изба — на краю деревни. Подбежал к воротам, хорошо, что они были не на запоре, юркнул во двор. В тот же миг воротину прошила пуля. Запер ворота на задвижку, встал столбом, не зная, что делать.

Из избы выбежали перепуганные сестренки, вышла бабушка Мария.

— Господи! Что деется?

Вдруг снова открылась стрельба, затем — настойчивые удары в ворота. Крик:

— Откройте! Скорей откройте!

По голосу я узнал Ивана Дудина, моего друга по бурлачеству. Я распахнул ворота. У Ивана в руках двустволка.

— Бежим скорее! Бандиты в логу хоронятся. Шаркнул одного — захромал подлюга. Не уйдет!

Несмотря на уговоры родных, я вышел за ворота. У меня револьвер, у Дудина — ружье. Не думая о том, что враги могут подстрелить нас из-за любого куста, мы обшарили ближний и дальний лога, гумна, но никого не нашли.

После этого случая мне приказали перейти на жительство в село.

Бывали в наших будничных делах и другие неприятные, а то и комические истории.

Однажды я зашел по делам в волостную милицию. Из-за решетки кто-то поманил меня рукой.

— Кто ты? — спрашиваю.

— Дружок твой, дружок, Яков Степанович.

Я влетел в комнату дежурного.

— За что арестован старик Яков Степанович? — спрашиваю.

— За хулиганство. Фельдшера избил, — докладывает милиционер.

— Давайте его ко мне, товарищ дежурный.

Привели старика. Он злой-презлой, шагнул к столу и поднял шум на весь коридор:

— За что заарестовали?

— погоди! — пытался остановить я его. — Я, что ли, тебя арестовал. Тебя милиция арестовала.

— Все едино.

— Да говори ты толком!

— И буду говорить. Ничего не утаю. Да! Старуха захворала. Взял я у Афоньки-зятя кобылу и привез Подофену к фершалу. Он мою старуху-ту завел в отдельную горенку, а меня не пустил. В дверях-то щель осталась. Гляжу я и глазам своим не верю: Филя-фершал снял с Подофены кофту и давай шшупать да трубкой тыкать Подофену-ту. Забежал я в горенку да и стукнул Филю какой-то бутылкой по башке. Народу набежало, белы рученьки связали... Весь день под замком просидел.

Когда освобожденный из-под ареста Яков Степанович отправился домой, мы с милиционером от души расхохотались.

— А что с фельдшером? — спрашиваю дежурного.

— Ничего, — отвечает дежурный. — Жив-здоров.

— А зачем старика арестовали?

— Для порядку.

В конце восемнадцатого года было положено начало еще одному хорошему делу. Все партийцы распределились по деревням для проведения разъяснительной работы среди населения. К нам примкнули и беспартийные товарищи из учительства. Лекциями, докладами, беседами мы охватили всех жителей волости.

Большие произошли перемены на селе — беднота получила землю.

Изменилась к лучшему и жизнь на реке. Не стало купцов-пароходовладельцев. Владеть речным транспортом стал народ, рабочие. Матросы получили возможность учиться. И совсем невиданное — некоторые матросы еще до учебы стали капитанами.

3. Эвакуация

Полчища Колчака приближались к рабочему Прикамью. Стала поднимать голову местная контра. Прекратились поездки по деревням, даже ходить по селу в одиночку стало опасно. Спали, когда это удавалось, с винтовкой под боком, с наганом под подушкой.

На Ильинский тракт вышли из лесов дезертиры, грабили прохожих, проезжих.

Вылезли из подполья кулацкие агитаторы.

На одном из последних партийных собраний было решено создать в волости революционный комитет, с передачей ему всей полноты власти. Председателем ревкома назначили Алексея Сергеевича Меркурьева, членами — Василия Бородина и Григория Меркурьева.

На пост председателя волостной Чрезвычайной комиссии по борьбе с контрреволюцией, спекуляцией и преступлениями по должности рекомендовали Якова Львовича Панина. Меня сделали помощником Панина — секретарем ЧК. Рекомендовал меня на эту должность сам Яков Львович. Он говорил на собрании:

— Спешил с детства, вплоть до Октябрьской революции, был в кабале. Знает, почему фунт лиха! У него в крови смертельная ненависть к буржуазному классу. Подходящий он, наш парень. К тому же грамотный.

Красногвардейский отряд передали в наше распоряжение, переименовав его в отряд Слудской ЧК. Бывший командир отряда уехал в Пермь по мобилизации. Новым командиром избрали Василия Охлупина. Он хорошо зарекомендовал себя в военкомате, вступил в партию.

20 декабря 1918 года мы получили приказ об эвакуации. Маршрут: село Ильинское — станция Григорьевская и дальше на запад.

Алексей Меркурьев настаивал на немедленном выполнении приказа, а Охлупин возражал:

— Зачем спешить? В Ильинском на нашем пути кавалерийский полк — верная защита. Да мы и не имеем права оставлять волость без единого выстрела. Попадем под трибунал за дезертирство.

Меркурьев, глядя на него исподлобья, проговорил:

— Не шуми, а собирай свои пожитки, пока не поздно.

23 декабря Алексей Меркурьев отправил в тыл первый обоз с семьями советских работников — стариков, женщин, детей. Старшим в обозе поехал коммунист, боец отряда Алексей Самохин. Отряд ЧК остался в Слудке на казарменном положении.

Первый этаж ревкома (бывшее волостное правление) кирпичный. Стены почти метровой толщины.

— Настоящая крепость, — восхищался Охлупин, — пушкой не прошибешь! Нелегко будет противнику раскусить этот орешек. В случае чего выручат товарищи из десятого полка.

Вечером 24 декабря посты за селом явственно услышали звук выстрела. Над гумнами взвилась красная ракета. В ревкоме вышел из строя телефон.

— Ерунда! — заявил Охлупин, когда ему доложили о ракете. — Какой-нибудь дурак балуется. Всякого барахла натащили с фронта, почему и ракетницу не прихватить... Телефон? Проверить надо. Пурга — возможен обрыв проводов. В разведку, боец Меркурьев!

Григорий Меркурьев взял винтовку, гранаты и, попрощавшись, ушел выполнять приказ. Больше мы его не видели.

События развивались быстро. В село прискакал мой деревенский сосед Иван Иванович Симанов.

— В Ильинском стрельба! Я прямо оттуда, домой не заехал, решил вас, товарищи, предупредить.

— Ложь! Белые не могли, минуя нас, добраться до Ильинского. Там наш полк.

— Хватит болтать, Охлупин! — загремел Меркурьев и велел дежурным немедленно запрягать лошадей.

На семи подводах — на первой Меркурьев с Паниным — отряд выехал из Слудки.

Ночь была звездная. За селом я заметил две фигурки.

Когда поравнялись, я узнал мать и брата Дмитрия. Мать махала рукой и что-то кричала. Из-за визга полозьев я ничего не мог понять. Через несколько верст Меркурьев вдруг свернул с тракта на проселочную дорогу.

— Стой! Куда правишь? Стой! — заорал Охлупин, ехавший с Романовым и Чудиновым на второй подводе.

Меркурьев попридержал лошадь.

— Куда надо! В Ильинском неизвестно что делается. Правлю в объезд.

— Предательство! Если на Ильинское наступает враг, мы обязаны помочь товарищам, а не спасать свою шкуру.

Тут и Меркурьев вышел из себя:

— Убью, если повернешь снова на тракт! — В правой руке у него оказалась «бутылочная» граната, в левой — наган.

Обоз тронулся по проселочной дороге.

Через несколько часов быстрой езды мы остановились в селе Дмитриевске, что на правом берегу реки Обвы. Здесь стало известно о восстании 10-го кавалерийского полка против Советской власти, о жертвах, о гибели наших товарищей, родных, которых накануне мы отправили с обозом в Ильинское.

4. В отряде Петра Чебыкина

Благодаря Алексею Сергеевичу Меркурьеву наш отряд избежал верной гибели. Великая ему благодарность.

После краткого отдыха в опустевшем селе Дмитриевском перебрались в село Рождественское, где к тому времени сосредоточились два отряда — Ильинский и Рождественский, — а также коммунисты соседних волостей, которым удалось избежать расправы со стороны предателей из 10-го полка. Вместе с нашим отрядом в Рождественское съехалось более ста вооруженных красногвардейцев.

В исполкоме назначили собрание. За столом — местные руководители, в сторонке — молодой человек с черными усиками, в кожаной тужурке. У ноги — казацкая шашка, за поясом — наган без кобуры. Председательствующий, Иван Петрович Старков, сказал:

— Будет, товарищи, говорить Петр Чебыкин.

— Времени терять нельзя, товарищи, — начал Чебыкин. — Буду краток. Отряды Ильинский, Рождественский и Слудский предлагаю объединить. Вот и все, что я хотел сказать.

Предложение было принято. Объединенный отряд решили назвать Ильинско-Рождественским.

Быстро, без митинговых речей командиром отряда выбрали Петра Чебыкина, его помощником — Николая Казакова. Оба — известные ильинские чекисты.

Наш Яков Панин стал начальником разведки. Младшие командные должности заняли бывшие фронтовики.

Собрание продолжалось не больше часа, по-боевому. Бойцы разошлись выполнять свои воинские обязанности.

В тот день отряд вступил в бой с превосходящими регулярными силами противника, имеющими в своих рядах сотни хорошо обученных, тепло, по-зимнему, обмундированных, хорошо вооруженных солдат. А у нас — разнокалиберные винтовки: «гра», «ветерли», «арисака», берданы и русские трехлинейки. В сильные морозы у «иностранок» замерзала смазка в замках, постоянные осечки снижали боеспособность стрелка.

Пословица «Пуля — дура, а штык — молодец» была неприменима к нашим винтовкам — они были без штыков. В постоянных рукопашных схватках пускались в ход приклады, револьверы и... кулаки.

В отряде было до десятка пулеметов: один — настоящий, системы «Люйс», остальные — самодельные трещотки для отпугивания лошадей. При помощи самодельных пулеметов мы нередко наводили панику на недогадливых белобандитов.

В отряде был неписанный закон: не сдаваться живыми в плен. И мы не сдавались.

В первом же бою я получил боевое крещение. Мы вышибали белых из одной деревни. Я попал на околицу. Из-за угла избы на меня вылетел бородач с черепом на рукаве шинели, со штыком наперевес.

— Урря! Урря! — бежал он на меня.

Вспомнилась моя осиротевшая мать. И меня такое взяло зло! «Берегись, — думаю, — сволочь!» Я отскочил в сторону, беляк пробежал мимо. Я его со всей силой ударил прикладом по голове. Он свалился в снег. На своем плече я почувствовал чью-то руку. Обернулся. Передо мной стоял командир Чебыкин.

— Молодец!..

Из Рождественского наш отряд прогнал противника в село Кривец. Нас, группу слудских, послали на заставу в деревню Усть-Нердва, что в нескольких километрах от села Кривец. Состав группы был таков: Василий Бородин,

братья Иван и Павел Демидовы, Петя Ковин, мой сверстник, бывшие офицеры Охлупин, Чудинов, Романов, Михаил Чудинов по прозвищу Чирок и я. Начальником заставы назначили Охлупина.

Приехали на место. Деревенька на горе — двенадцать дворов, под горой водяная мельница. Здесь были бои. Жители разбежались. И стоят, занесенные снегом, с выбитыми стеклами окон, заброшенные крестьянские избышки. В одной из них и поместилась наша застава.

Началось скучное житье. Отсидишь, бывало, два часа в секрете за деревней, придет смена — бежишь домой. Отогреешься у печки, и в течение шести часов делать нечего.

Однажды я стоял ночью на посту. Холодно было, темно. Вдруг со стороны Обвы брызнула ракета. После нее ночь стала еще непроглядней. Вернувшись, написал стихотворение:

Глубокая полночь.
Ракеты да ветер.
Стою у деревни
С винтовкой в секрете.
Враги за рекой,
Непроглядная тьма.
А там, за рекой, —
Моя старая мать.

Ветер, стужа, метель
И тревожная мгла...
Может, взяли ее
Палачи в шомпола.
Может, в мертвых ресницах
Застыла слеза.
Не щадят палачи
Матерей партизан...

Вконец надоело мне мирное житье. Стал приставать к Охлупину:

— Пошли меня в разведку, что ли. Согласен ехать в Кривец и даже в Слудку. Товарищи в отряде воюют, а от нас какая польза?

— Подожди, еще навоюешься, Спешилов. Мы с тобой интеллигентные люди, не вахлаки вроде Демидовых или Бородина. Мы не фанатики. Поговорим откровенно...

Открылась входная дверь. Охлупин приложил два пальца к губам. Откровенный разговор не состоялся.

В один из вечеров разводящий Павел Демидов повел меня на пост по дороге в Кривец. Надо было сменить Романова. А его на посту не оказалось.

— Неужели сбежал? А может быть, «украли», как бывало на войне с германцами? — соображал Демидов. — Занимай пост и будь внимательным, — приказал он мне.

Сильно примораживало. Уже часа три прошло, а смены нет. Замерз я, но в секрете не будешь прыгать для сугрева: «Чай, сахар, белый хлеб».

Наконец услышал шаги.

— Стой! Пропуск?

— Курок. А отзыв?

— Курск. — Ко мне подошел занесенный снегом Бородин.

— Иди домой. Я пока тебе на смену.

В караульном помещении я застал Петю Ковина и братьев Демидовых.

— Где Охлупин? — спрашиваю.

— Посты проверяет.

— Чирок где? Ему надо будет Бородина сменить.

— Ясно, что улетел наш Чирок вместе с офицерами.

Я думал о том же, но язык не поворачивался, чтобы вслух высказать такое предположение.

«Чудинову — сыну управляющего пароходством, Романову — сыну попа — туда и дорога, — думал я. — Но как дошли до предательства Охлупин и Чирок, просто необъяснимо!»

Мы остались впятером, а в Кривце за пять верст от нашей заставы — батальон белых. Им ничего не стоило уничтожить нашу заставу, а отступить без приказа мы не имели права. Телефона у нас не было. Стали ждать живую связь.

Конечно, об отдыхе и думать было нечего. Пришлось всем бодрствовать на улице, по очереди греться в избе.

В полночь мы заметили лыжников. Они шли цепью изпод горы, где стояла мельница, думая, видимо, отрезать нам путь к отступлению, но просчитались. Мы с горы встретили их гранатами.

Грохот боя слышали товарищи в отряде и примчались к нам на выручку, сходу заняли село Кривец.

После измены офицеров, сообщивших противнику разные секретные данные об отряде, белякам удалось оттеснить нас в село Обвинский Монастырь.

Но через неделю отдыха и тщательной подготовки отряд пошел в контрнаступление, чтобы освободить от белых село Рождественское.

Морозное февральское утро. Бойцы сосредоточились

на опушке глухого леса. Впереди чистые места. В морозной дымке силуэты сельских построек, церковь. Монотонно звонят колокола, призывая православных к ранней заутрене. Довольно мирная картина.

Цепи, пурхаясь в рыхлом снегу, медленно в глубокой тишине продвигались к селу. Устал я, хотелось лечь в снег и отдохнуть хоть одну минуточку, но я не мог отставать от товарищей.

Когда мы были уже за полверсты от Рождественского, нас заметили. С колокольни божьего храма враги открыли пулеметный огонь.

Я попал на торную дорогу и, не ожидая команды, побежал во весь рост вперед. Услышал сзади наше мощное «ура!». Больше ничего не помню.

Очнулся в теплой избе. Лежу на лавке. Около меня хлопочет Маруся Чебыкина, боевая подруга нашего командира.

— Где я? Снова в Обвинском?

— Спокойно, — сказала Маруся. — В Рождественском. Белых выбили за Обву.

Я снова потерял сознание.

Мы действовали в тылу противника без связи с регулярными частями Красной Армии. Раненых некуда было отправлять. Меня оставили в отряде.

Белые на южном участке заняли железную дорогу почти до Глазова. Ценою больших потерь нам удалось вырваться в расположение частей 29-й дивизии 3-й армии.

В конце марта отряд был влит в состав Северного коммунистического полка.

Из оставшихся в живых бойцов отряда сформировали 7-ю роту под командованием Петра Чебыкина.

После ранения я ходил на костылях. Ехать в госпиталь, хотя это было уже возможно, наотрез отказался.

5. Ограниченно годный

После ранения я чувствовал себя плоховато. Особенно трудно переносил переезды с места на место. Ныла нога, поврежденная ключица, болела голова.

В довершение всего стал терять зрение.

Свозили меня в полковой околоток. Военврач выписал рецепт на очки. На станции Яр стояла 3-я бригада нашей дивизии. Чебыкин привез мне оттуда пенсне с веревочкой.

Нацепил я на нос это приспособление. Ура! Замеча-

тельно вижу, поглядел в зеркало. Мне показалось, что я в очках стал представительней и умнее. Ребята очкариком меня прозвали.

В роту приехал адъютант командира полка Василий Колчанов. Проверил писаря Зырянова, со мной поговорил и уехал.

На следующий день Чебыкин получил приказ:

«Писаря в очках Спешилова откомандировать в распоряжение штаба полка».

В красногвардейском отряде ребята организовали бы митинг протеста, а в полку красноармейском другие порядки — приказ, и точка! Простился с товарищами, и меня увезли в штаб.

Поручили вести «срочные донесения». Ежедневно в установленные часы я посылал в штаб бригады сведения об убитых, раненых, о трофеях, личном составе и прочем.

Командир полка Постников, боевой, хороший товарищ, но малограмотный, в оперативных материалах разбирался плохо. Я, как мог, помогал командиру, и мы с ним подружились.

В штабе было до десяти писарей. Жили вместе, спали на полатах, на лавках, на полу, где кто мог устроиться. Жили хорошо, дружно, но я по-прежнему скучал. Тяжело было получать скорбные сведения об убитых, раненых в своей 7-й роте.

В 3-м батальоне служил Николай Иванович Чесноков из Большой Сосновы. К нему приехала жена — учительница. Как-то они пригласили нас с Колчановым на пельмени.

Пельмени! Да это же здорово! С радостью я принял приглашение. Может быть, хоть немного рассеюсь, отдохну от своих невеселых дум.

Мела поземка, но было тепло, к тому же костыли прибавляли жару. Шли, весело переговариваясь. Спустились в ложок. У дороги на боку лежала загнанная лошадь.

Мне довелось повидать много раненых бойцов. Люди страдали от ран по-разному: одни молчали, ожидая конца мучений, другие кричали, ругались. Я не испытывал особых переживаний, глядя на их страдания. Но — загнанная или раненая умирающая лошадь... Умоляющий взгляд, слезы, немой зов о помощи. Все это вызывало до ужаса безмерную жалость.

Я быстро прошел вперед. За спиной раздался звук выстрела: Колчанов решил прекратить мучение животного.

В гостях мне было не до пельменей — не выходила из памяти умирающая лошадь. Посидел часок и простился с товарищами...

Не помню, как добрался до штаба. Потерял шапку, костыль. С трудом открыл дверь в помещение и упал у порога.

Утром в сопровождении лекарского помощника увезли меня в санях на станцию Яр, а оттуда на поезде в Вятку, в госпиталь.

Два месяца штопали меня в госпитале. Научился ходить без костылей. В конце июня девятнадцатого года удалось вырваться на волю со справкой об ограниченной годности к военной службе.

В госпитале я получал много писем от товарищей. Они держали меня в курсе всех событий. Я узнал с горечью, что погиб наш любимый командир Петр Чебыкин, убиты братья Павел и Иван Демидовы. Бывший адъютант командира полка Василий Колчанов служил теперь в инженерном батальоне, находившемся в поселке Сады, западнее города Глазова.

«Куда же податься красному солдату?» — думал я по пути из госпиталя на вокзал. Домой нельзя — там белые. В полк? Да его уже не существует. Решил захватить к Колчанову.

Я вышел на Садинском разъезде из вагона и зашагал без костылей в поселок.

Красивое место, эти Сады. Много зелени, большой, весь в кувшинках, светлый пруд. Среди обросших кустами берегов струится извилистая речка Сада. В кустиках сидят с удочками ребятишки — ловят плотву. Не удержался, попросил у одного рыбачка запасную удочку. Быстро «натаскал» полную полевую сумку рыбы. Рыбацкие дружки гурьбой проводили меня к дому, где жил Колчанов с женой Марией Васильевной. Встретили меня довольно приветливо.

За ухой из свежей рыбы Колчанов поинтересовался, что я намерен делать.

— Не знаю, — ответил я. — Желательно на фронт, да с ограниченной годностью, пожалуй, и в обоз второго разряда не примут. Посоветуй...

— Пока отдыхай — полагается после госпиталя, — скавал он, — а потом в управлении какое-нибудь дело найдем.

Красная Армия к тому времени перешла в решительное наступление на врага.

6. На истерзанной земле Прикамья

Первого июля 1919 года Красная Армия освободила Пермь.

Когда боевые части были уже на Урале, погрузился на подводы и инженерный батальон и направился на восток.

Обоз батальона растянулся по разбитой дороге на целую версту. Через каждые десять — пятнадцать минут — вынужденная остановка. То груз в канаву свалится, то супонь на чьей лошади лопнет, то соскочит колесо. Над лошадьми — тучи паутов. Выматывает силы утомительная июльская жара.

Ехали мы по лесным дорогам, по деревенским проселкам, так как на тракту были уничтожены все мосты и мостики, полотно перекопано окопами, окружено колючей проволокой.

Не терпелось попасть в освобожденный от колчаковцев мой родной город! На крыльях бы полетел туда... Сижусь грустный на очередной остановке.

— Что случилось? — Я вздрогнул от неожиданности. Надо мной стоял Василий Колчанов.

— А так. Ничего... Тоска зеленая.

Он сел рядом со мной. Не спеша свернул папироску, затянулся раза два.

— Знаю, о чем задумался. Мне, брат, тоже нелегко. Эх, скорей бы в Пермь! С родными встретиться, узнать, что и как. Я ведь тоже пермяк, товарищ Спешиллов... Ладно. Знаешь, какую я штуку придумал? Мне нельзя, а тебе можно.

— Что можно? — нервно спросил я.

— Успокойся. Иди в Пермь пешком. Сейчас, ночью, а днем отдохнешь. До жары верст пять пройдешь, все ближе к дому. С тобой два квартирера пойдут...

Пошли мы напрямик по лесной дороге. Непривычная тишина в лесу. Пустынно на дороге. Не слышно лая собак в ближней деревушке.

Впереди, среди кустарников, сверкнула под луной небольшая речка. Вышли на бережок, перед нами предстала мрачная картина. На незасеянных полях — окопы, остатки проволочных заграждений.

Утром с трудом добрались до неизвестной деревни. На улице нас окружила стайка босоногих ребятишек.

— Вань! Это белые?

— Каки белые? Комиссары это. Видишь, у кожаного-то какая звезда!

Подошли к первой избушке. Вышел дед, бородатый, сутулый, в опорках, в серой домотканой рубахе.

— Здравия желаю, господа товарищи!

— Какие господа?

— Извиняйте. По привычке.

Дед угостил нас холодным квасом, а мы его — махоркой. Сели на завалинку, разговорились.

— Вот какое дело, — рассказывал дед. — Как пришли белые, появился у нас Колька Корма, купчик наш бывший. Лавку Корма открыл. И — чего душа хочет! Белого хлеба да булок французских на десять деревень хватит! Пекарня своя у него была. В лавке — мануфактура, спички, иголки. Даже соль у него. Все, что надо крестьянину. Мы, мужики-дураки, и подумали: «В кои-то веки хорошая власть пришла».

— А потом что было?

— Стыдно сказать. Прискакали холеры-каратели, и пошло! Некоторых мужиков убили при народе, почти всех перепороли шомполами. Стон стоял в деревне. Было то зимой, в январе. Наши хотели стукнуть Корму-купчика, да скрылся сукин сын. Он, оказывается, списки составлял на бедняков да на коммунистов. По его-то спискам и хватали нашего брата. Мне восьмой десяток, а не пожалели, полсотни шомполов всыпали, потому что я в бедноте состоял. Весной, как блохи, попрыгали отсюда и все захапали: скот, лошадей, даже холсты у баб, — все подчистую. Да недалеко уйдут... Спасибо, низкий поклон Ленину Владимиру Ильичу. Он заступился за нашего брата, послал Красную Армию, она и вызволила нас и весь наш народ вызволила.

Мы до вечера отдыхали на сеновале у гостеприимного деда. Под вечер снова отправились в путь.

Через несколько дней утром с правой стороны заметили, как на горизонте поднимается бусый туман.

— Товарищи! Ведь это на Каме! — закричал я.

В тот день мы решили не отдыхать — ведь скоро Пермь покажется. Шли с песнями. В тихом лесном воздухе послышался нам вскоре гудок парохода или паровоза — не разберешь. Взбежали на пригорок и остановились как вкопанные. Впереди виднелся искалеченный железнодорожный мост через Каму. Второй пролет у левого берега одним концом лежал в воде.

— Взорвали гады!

— Что — мост, — заметил один из попутчиков. — Когда в Конец-Боре отдыхали, мне ребята рассказывали, что белые на днях почти все пароходы сожгли в устье Чусовой.

— Почему нам не сказал? — набросился я на парня.

— Чтобы всем настроение не портить. А может быть, и неправда.

В Перми мы узнали, что это, действительно, горькая правда.

По старой привычке я пошел на пристань. Ни одного дебаркадера, ни одного парохода, складские помещения в развалинах.

В Козьем загоне совсем неожиданно встретил старого друга Гришу Демидова. Оказалось, что Гриша в последнее время служил в политотделе 3-й армии художником, только на днях приехал в Пермь и успел побывать в Слудке.

— Как ты попал туда? Ведь пароходов-то нет.

— На своих на двоих, — ответил Демидов. — Добрался до Ильинского, оттуда меня в Слудку на лошадке отвезли. Страшно не терпелось дома побывать.

Стал я спрашивать о своих друзьях-товарищах:

— Где Григорий Меркурьев?

— Расстрелян карателями.

— Александр Иванович, безногий?

— Казнили белые.

— Самохин Алексей?

— Зарубили шашками в Ильинском.

— Жив ли Василий Завьялов?

— Убит бандитами.

Я больше не в силах был задавать своему товарищу подобные вопросы. Почувствовал, что у меня ноги подкашиваются. Но как же с родными? Тоже хотелось знать. Гриша понял мое состояние, объяснил:

— Ваши все живы. Палачи издевались над матерью, над твоим братом Митей. Ставили его к забору и стреляли мимо головы, про тебя расспрашивали. Ничего не добились...

— Не знаешь, где отец?

— На карчеподъемнице в Мотовилихе. Достает утопленные снаряды, моторки...

— Пойдем, Гриша, к нему.

— Хорошо.

И мы направились в Мотовилиху. Мимо разбитых ржа-

ных паровозов, через территорию пушечного завода вышли на берег Камы. Никто не поинтересовался, что нам здесь надо, никто пропусков не потребовал.

Карчеподъемница стояла у острова. За нами приплыл матрос, на палубе судна встретил нас отец.

— Здравствуй, Григорий! Кого привез? Да это Сашка! Неужели? Говорили, что попал в плен и тебя того... Обищемся, сын?..

Палуба завалена снарядами, патронными ящиками. Мне даже жутко стало. Вдруг этот арсенал взлетит на воздух!

Отец сказал успокоительно:

— Мы научились обращаться с гремучкой. Война не закончена. В боеприпасах нужда. Айда, ребята, в каюту.

Отец угостил нас стерляжьей ухой (у острова стерлядь водилась).

Мы с Гришей ночевали на карчеподъемнице.

Через три дня в Пермь пришел инженерный батальон. Простился я с Колчановым, собрался ехать домой в Слудку.

Перед отъездом пошел к мосту, посмотреть, что там делается. На обоих берегах трудились сотни людей: красноармейцы, железнодорожники, речники, рабочие, служащие, комсомольцы.

Бойцы трудового фронта прокладывали к реке подъездные пути, перекатывали, подносили бревна. Стоял грохот чугунных баб, забивающих в грунт сваи. По временным мосткам-сходням катились тачки с грунтом. Стучали топоры, визжали пилы. Начались работы по восстановлению железнодорожного движения через Каму.

Пассажирские пароходы в верховья ходили редко и без расписания. Чтобы ехать, надо было получить пропуск. Возвращаясь от моста, я зашел в бюро пропусков. Оно находилось на Пермской улице, около нынешней школы № 21.

Возле бюро — уйма народу. И кого только тут не было: крестьяне с котомками, женщины с грудными детьми, военные, цыганки в цветастых юбках, командированные с портфелями, спекулянты, торгаши. Всем хотелось попасть на пароход. Красноармейцы у входа с трудом сдерживали напирющую толпу, впускали в помещение только по документам. Я предъявил справку из Вятского госпиталя.

С пропуском я поспешил на пристань.

На дебаркадере спросил вахтенного, где продают билеты.

— У вас есть пропуск, — объяснил он мне, — входите на пароход и занимайте любое место в любом классе, даже в бывшем буржуйском.

Я не поверил было, но на пароходе поднялся по лестнице с надписью «Первый класс». Нашел пустую каюту и развалился на мягком диване.

Когда пароход отвалил от пристани, в коридоре раздались шаги. В каюту заглянул матрос.

— Приготовьте ваши документы для проверки. — Я вскочил с дивана. Входит комендант парохода, принагане, в кожаной тужурке и в таких же штанах.

— Товарищ Букрин! Вот так встреча!

— Товарищ Спешилов! Здравствуй, дорогой! Куда путь держишь?

— Домой в Слудку. Отдохнуть думаю.

— Хорошее дело. Но придется тебе забыть об отдыхе, товарищ Спешилов. В деревне много-много дел: и восстановление советских порядков, и бой с разрухой. А работников не хватает. Вот и соображай.

Я вместе с Букриным вышел на балкон. Пароход идет около левого берега. По линии железной дороги кладбище паровозов, искалеченных вагонов. Заводские корпуса глядят на реку черными, пустыми глазницами окон, не дымится ни одна заводская труба. Подошли к устью реки Чусовой. Торчат из воды искареженные остовы-скелеты бывших красавцев пароходов, уничтоженных отступающим врагом.

7. На родине

Утром пароход прошел пристань Усть-Гаревая. И широко открылся вид родных мест: село на высоком берегу, а дальше, по увалу, — деревни камских речников, в том числе и моя Тупица.

Через час мы пристали к Слудке.

В последнее время я привык пешком ходить, но сейчас терпения не хватало. Хотелось как можно скорее встретиться с родными, с матерью, с бабушкой Марией. Уговорил попутного возчика довезти меня до деревни.

Подъехали к деревне, я дал вознице пачку махорки. Он так был рад подарку, что готов был мне в ноги поклониться.

— У нас белые весь табачок выкурили... Еще весной я у мельника за табачок новые валенки променял. Вот какое дело. Летом валенок не надо, а без курева какая жизнь?

Наш домик, пока я воевал, заметно «обносился». Перед окнами когда-то красовался душистый тополь. От него остался один пенек. Вместо кованого кольца в воротах — веревочная петля. Открыл ворота. Увидел мать. В руках подойник.

— Здравствуй, мама! — Она уронила подойник, бросилась ко мне.

— Саня! Живой, милый сын...

В избе меня затормошили сестренки, младший брат Михаил, которого я увидел впервые.

— Почему письма не писал? — спросила бабушка Мария. — Мы извелись, думая о тебе.

— Куда писать? Здесь был белогвардейский тыл, а я на фронте, в Красной Армии.

— Нам сказали, что тебя и в живых-то нету.

— Кто сказал?

— Васька Охлупин, — ответила бабушка. — Как-то занесло его к нам. Мы обрадовались, думали, про тебя расскажет что-нибудь хорошее, а он, вместо того чтобы успокоить нас, сказал: «Александра вашего поймали и расстреляли».

Вечером я сходил в баню и поднялся на сеновал, на свое старое место.

Рано утром меня разбудил Яков Степанович:

— Айда, дружок, рыбачить! На Лышном озере язеньки клюют!.. Не верил я, что не стало дружка Миколаича. Рыбаки — могучие люди, по три века живут. Почему? Потому, что каждое лето камскую водичку пьем, а не колодешную. Колодешную известка изъедает. А камская водичка чистая, живая, пользительная. Да!

— Сегодня, Яков Степанович, мне рыбачить некогда. Надо в исполком сходить, товарищей повидать.

— Ох, Миколаич, дружок. Нету твоих старых товарищей. Которые на войне головушки сложили, которых белые каратели казнили. Только один Василий Бородин приехал живой.

— Бородин? Что он делает, где живет, не знаешь?

— Знаю. Как не знать? Проживает он в поповском доме в Слудке, а в волости вроде старшины. В председателях ходит. В председателях. Да!

— Спасибо, Яков Степанович. Мне пора в село. Вечером встретимся.

Из избы вышла бабушка Мария, поворчала на Якова Степановича:

— Сам не спишь и другим мешаешь.

— Грехи спать не дают, Мария Миколавна. Знаешь, сколько я рыбки загубил на своем веку? Прощевайте пока.

Бабушка Мария вынесла на крыльцо полкринки молока, ломоть хлеба с солью. Наскоро подкрепившись, я отправился в село.

Бородин застал на крыльце исполкома, возле которого на лавочке сидело несколько мужиков. Опираясь на косяк, стоял председатель и что-то доказывал своим слушателям. Одет опрятно. На плечах — флотский китель, на ногах — брюки клеш. Тщательно побрит. На голове курчавятся черные волосы. Нисколько Бородин не изменился.

— Братишка Спешилов! — воскликнул он, увидев меня. — Здравия желаю, боевой товарищ! В кают-компанию прошу.

«Кают-компания» — большая комната. На столах — газеты, на стенах — плакаты, лозунги.

— Садись, рассказывай...

— Рассказывать нечего, товарищ Бородин. Тебе известно, что после ранения меня посадили в штаб пояка. Потом получил нервное расстройство, чуть не ослеп. Увезли в лазарет, починили. Встретился с Колчановым в инженерном батальоне, пришел в Пермь, приехал в Слудку. Вот и вся история.

— Моя история еще короче, товарищ Спешилов. Откомандировали сюда на восстановление Советской власти. Значит, вместе поработаем.

— Как вместе? Отдохну, сколько полагается, поеду в Пермь на комиссию и снова на военную службу.

— Думать не смей! — резко возразил Бородин. — Никуда не поедешь, ни на какую комиссию. Здесь боевой работы хватит. Я почти один на корабле. Надо срочно набирать всю команду. Надо, например, школы готовить к новому учебному году. Не хватает учителей, ремонт не начат, дрова не заготовлены. Нет работника, который мог бы заняться этим делом. Мы думаем организовать отдел по образованию. Завтра примем решение о назначении тебя заведующим.

— Как это? — запротестовал я. — Сроду не занимался такими делами. Какой из меня заведующий?

— Ты грамотный, красногвардеец. Здесь тоже фронт... Ну и точка! И никуда не уедешь.

Дома меня ждал Яков Степанович с длинными удищами.

— Айда на озеро. Может, еще застанем вечерний клев. Я червей у пруда накопал, ржаного хлеба захватил — подъязки-то хорошо на хлеб клюют.

— Только приехал и опять уходишь, — проговорила мать. — Ведь не убежит твоя рыбалка. Отдохни хоть денечек-другой.

Неожиданно за меня заступилась бабушка Мария:

— Не на войну идет. Пускай отдохнет на озере, давно там не бывал. — И вынесла на дорожку завернутые в тряпочку разные постряпушки...

...Тихий денек. Не шелохнется зеркальная поверхность озера. Только расходятся круги от играющей рыбы. Носятся по водной глади длинноногие водяные пауки. Среди широких лаковых листьев красуются кувшинки. На одном из листьев сидит, выпучив глаза, лягушонок. В кустах птички порхают. Над головой столбиком кружатся комары.

Забросил удочку, и все внимание на поплавок. Вот он дрогнул. Рывок в сторону. У моих ног затрепетал первый подъязок.

Яков Степанович сидит поодаль, между лохматых кочек, и сам похож на седую кочку. Сидит, улыбается, добычу караулит.

Незаметно к озеру подъехал верховой.

— Товарищ Спешилов!

Я удилище чуть в воду не упустил.

— Вас на исполком вызывают, — продолжал посыльный. — Был в вашей деревне, сказали, что на рыбалке. По озерам поехал, едва вас нашел.

8. Сельский «наркомпрос»

Мне двадцатый год. Я уже не просто Санька, Сашка Спешилов, а Александр Николаевич — заведующий волостным отделом народного образования. Для меня освободили пустой стол в учительской.

В волости три школы: Слудская второй ступени и две начальные — в деревнях.

С чего начать работу? Архив отдела погиб в Ильинском во время эвакуации. Программы, инструкции, списки учителей, учеников, сметы — все уничтожено.

Укомплектовать школы педагогами сравнительно легко. К чести слудского учительства, никто из них не бежал с белыми. Я взял также на учет молодых людей со средним образованием (некоторые из них со временем стали талантливыми педагогами).

Трудно было с ремонтом школьных зданий. Ни материалов, ни рабочих рук.

Крутился как белка в колесе.

Материалами помогли товарищи из районного управления водного транспорта, рабочими — волостной отдел труда. Дело с ремонтом сдвинулось с мертвой точки.

Близился сентябрь — и вставала проблема заготовки дров для школы. Бородин поставил этот вопрос на заседании исполкома.

Было много разных советов. Одни предлагали мобилизовать людей на заготовку дров в лесу, другие советовали заготовку топлива возложить на родителей, третьи — разобрат на дрова дома убежавших с белыми богачей.

Заседание оказалось безрезультатным.

Мы с Бородиным вышли на берег Камы, чтобы проветриться немного после шумного в накуренной комнате заседания.

Долго стояли молча, занятые невеселыми думами. «Сколько принесла бед навязанная буржуями гражданская война? — думал я. — В лесу — и без дров». Напоминанием о военных днях в реке торчал остов сожженного парохода «Ерш».

Из-за косы выплыл плотик-«самосуд». Бородин оживился:

— Заседаем, решаем. А дрова совсем рядом.

— Где рядом? Этот «самосуд», что ли?

— Да нет! Он мне напомнил, что в устье Обвы на мели — огромный плот. Его еще весной на песок забросило.

— Что предлагаешь, товарищ председатель?

— Организовать субботник, сделать переплотку и сплавить лес к нашему берегу.

Посоветовались с товарищами в исполкоме, решили предложение Бородина провести в жизнь. Но такое дело потребовало энергичной подготовки. Пришлось организовать собрания, беседы среди крестьян, рабочих, служащих. Я, например, целую неделю дома не ночевал.

Малочисленному активу помогали в разъяснительной работе и многие родители школьников.

Были и несогласные, отговаривались:

— Мы бездетные. Нам школа не нужна.

— Не желаете — не приходите, — отвечали им. — Дело добровольное.

Довелось мне побывать в Тупице. После беседы старый рыбак Яков Степанович спрашивает:

— Меня, дружок, примут в вашу компанию?

Кто-то пошутил:

— Только с удочками.

— Я знаю, где мутная водичка, где светлая водичка, где рыбка водится, — отпарировал старик. — Нечего зубоскалить-то! Да! Нам говорят, что дело-то добровольное, и для нашей пользы советуются с мужиком. Все пойдем на помощь.

И повторилось то же, что и в восемнадцатом году, когда крестьяне делили кулацкие, графские, церковные покосы. Как и тогда, вдоль правого берега вверх по Каме пошли десятки лодок с добровольцами на первый в Слудке коммунистический субботник — «помощь» по-местному.

Заранее кооператоры у плота соорудили ларек, завезли разные товары и три ящика махорки для бесплатной раздачи лучшим работникам.

Лодки в устье Обвы приставали к берегу, люди сразу приступали к работе. Трудились все, даже ребяташки.

Опытные плотовщики на глубоком месте сплавляли бревна в новый плот.

К вечеру работы были закончены. Новый плот в сопровождении лодок был сплавлен к селу.

С утра следующего дня у плота завизжали пилы — раздвигался лес на чурбаки. Подъезжали подводы и отвозили дрова к школам.

Крепко стоял на капитанском мостике матрос Василий Бородин. Но большинство членов исполкома, заведующих отделами не умели проявлять инициативу в работе, выполняли свои обязанности без огонька.

С нетерпением ждали мы возвращения своих друзей-однополчан. Наконец нашего полку прибыло. Приехали демобилизованные по возрасту, после ранений, по болезни и другим уважительным причинам товарищи: Федя Завьялов, Андрей Медведев, Иван Симанов, Александр

Чудинов, Яков Львович Панин и другие, а также коммунисты-речники — после навигации.

Из бойцов отряда Слудской ЧК возвратилась лишь четвертая часть товарищей. Остальные погибли в боях с белогвардейщиной.

Для восстановления военного комиссариата прибыл в Слудку комиссар Бычков.

Бородин радовался:

— Вот и вся наша команда на корабле!

Я тоже размечтался. Подберу вот себе в помощники того же Федю Завьялова. Одно время, при Меркурьеве, он в писарях ходил, отлично знает делопроизводство, партиец, боевой товарищ.

Не сбылись мои мечтания. Завьялову нашли другую, более важную работу, чем в отделе народного образования. Я как был, так и остался в единственном числе.

Кроме прямых обязанностей, мне было поручено развертывать агитационную работу на селе, заниматься учебой коммунистов. Все мы в революционной борьбе были практики, в теории разбирались плоховато. И поэтому самому мне пришлось заняться самообразованием.

Накануне учебного года я получил новый документ:

«Гр. Слудской волости Александр Спешиллов назначается преподавателем графических искусств в Слудской школе второй ступени с использованием его в свободное время и для других школ волости. Заведующий отнаробраза Алтынцев».

Хотел отказаться от этой, третьей, должности, но передумал. Как заведующий отделом, я все равно обязан держать связь со школами, с учителями.

Первого сентября начались занятия в школах. Учителя, ученики старших классов стали заниматься в кружках по ликвидации неграмотности среди населения. Работы в отделе снова прибавилось. Но я любил такую работу. Бывая в кружках по ликвидации неграмотности, видел волнующие картины.

Однажды приехал я в Петровскую школу. Вечером собрались на занятия неграмотные — в большинстве старички, пожилые женщины. Вел занятия в кружке Вася Ракитин. В конце занятия одна ученица, пожилая женщина, подошла к учителю и обняла его:

— Ой, как мы благодарны тебе! Из темноты вывел нас на свет. Неграмотная была, а теперь сама письма пишу сыну в затон. Спасибо тебе, спасибо материнское!

Со спокойным сердцем поехал я в город, на вторую Пермскую губернскую конференцию РКП(б), куда был избран делегатом от Слудской организации Пермского уезда.

9. Рождение сельского комсомола

Конференция открылась 20 сентября 1919 года. Руководил конференцией старый большевик товарищ Сигов.

Председателем мандатной комиссии избрали известного воспитателя молодежи, члена партии с дореволюционным стажем Михаила Павловича Туркина.

Когда я регистрировался, Михаил Павлович заинтересовался, как живет деревенская молодежь и есть ли в Слудке комсомольская ячейка.

Рассказал я, что комсомольцы у нас были, но сейчас почти все ребята на транспорте, на Камской переправе работают.

— Волость у вас большая. Кроме Слудки, много деревень, а в них и молодых людей немало. На них-то в первую очередь надо обратить внимание. Заходи после конференции, посоветуемся. На переправу сходи, навести своих земляков. Они большое дело делают.

В тот же вечер, после заседания, я побежал на Пермь I, чтобы попасть к Камскому мосту. Сыпал дождь с крупой. Под ногами — грязь непролазная, через улицу не перейдешь.

Спустился к вокзалу, вышел на перрон, заполненный пассажирами. Как раз объявили посадку. Устроился на подножке вагона, так и доехал до Перми II. К мосту пошел по шпалам. Когда спустился с насыпи, показал охране делегатский билет, и меня пропустили на паром, на котором переправляли вагоны через Каму. Причаленный к борту парома пароход «Алатырь» своим плечом поддерживал устойчивость парома и направлял его ход.

Матросы не уходили с палубы, несмотря на гнилую погоду.

— Тяжело? — спросил я одного.

— Терпимо! — ответил он мне. — Не на Мешкова бурлачим, на себя работаем... А ты тоже к нам на переправу?

— Поглядеть, как вы трудитесь.

По приезде домой на партийном собрании я доложил о работе конференции, о беседах с товарищем Туркиным. Получил поручение немедленно заняться комсомолом.

После разъяснительной работы среди молодежи объявили прием в комсомол. Рекомендации желающим вступить давали члены партии.

Первыми решили вступить в комсомол два деревенских паренька — Леня Дудин и Миша Ракитин. Они после революции активно участвовали в нашей жизни, все свое свободное время проводили в исполкоме, безотказно выполняли поручения старших товарищей, учили неграмотных, устраивали читки газет.

В декабре восемнадцатого года друзья попали в лапы белых палачей. Их, несовершеннолетних, жестоко пытали, пороли шомполами, чтобы выведать, кто был в списках бедноты, кто сочувствовал Советской власти. Ничего, однако, не смогли выведать каратели.

Со временем Леонид Филиппович Дудин стал офицером Советской Армии. Он погиб в бою с немецко-фашистскими захватчиками.

Михаил Кузьмич Ракитин был первым председателем комсомольской ячейки в Слудке, затем служил на ответственных постах, главным бухгалтером совнархоза. Сейчас на пенсии, живет в Перми.

Первое время наша комсомольская организация была малочисленной. Но после навигации в девятнадцатом году стали возвращаться домой речники, члены партии и комсомола. И ожила наша волость. Стали устраивать вечера, спектакли. Возобновились выезды сельской интеллигенции, партийцев, комсомольцев в деревни с беседами, докладами о политике Советской власти, о международном положении. Читали лекции и на научные, сельскохозяйственные темы.

В декабре молодежь соорудила на Каме «катушку». На «катушке» вечерами — настоящий праздник. У голована — факелы. Санки режут зеркальный лед! Как удержаться от такого?

Несмотря на занятость, я стал частенько посещать «катушку». Бывало, катишься на бархатом обитых стальных «резовиках». Ветер свистит, из-под полозьев ледяные искры.

Но не предполагал я, что скоро откатаюсь.

Получил я однажды повестку от Бычкова о немедленной явке в военный комиссариат.

Недоумевал: зачем же так официально? Ведь ежедневно встречаемся.

Предстал пред строгие очи комиссара.

— Здравствуй, товарищ Бычков. Явился по вашему приказанию! — съехидничал я.

— Здравствуй и до свидания, товарищ Спешилов. Есть приказ: военнослужащих, не окончивших среднее или высшее образование, откомандировать в учебные заведения, где они учились раньше, для продолжения образования. Ты в Екатеринбурге учился, туда тебе и дорога.

— Приказ меня не касается.

— Как не касается? Ты на учете военкомата как командированный в Слудку для восстановления Советской власти.

— Кто меня сюда командировал? Я приехал в отпуск после госпиталя, на отдых.

Бычков расхохотался:

— Хорошо отдохнул?

— Обязан был выполнять, что требовалось.

— А теперь требуется, чтобы ты учился. Собирай вещи.

— Надо выяснить, — робко проговорил я.

— Я о тебе все выяснил в уездвоенкомате, в уездном наробразе. Советской России нужны свои культурные кадры. И знай, что это распоряжение Владимира Ильича Ленина.

— Неожиданно как-то.

— Приказ есть приказ! — отрезал Бычков. — Приказы не обсуждают, а выполняют. Ты человек военный, должен это знать. А все-таки счастливый ты парень, Сашенька Спешилов!

Мы разошлись друзьями.

24 декабря 1919 года, простившись с товарищами, с родными, я на дежурной подводе уехал в Пермь.

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ

1. Кому советский строй по нраву

В Пермь я приехал ранним утром. На улицах необычное оживление, на Сибирской (ныне улица Карла Маркса) — кумачовый плакат:

«Кому советский строй по нраву,
Пусть идет на переправу!»

На этой улице и на прилегающих к ней — сотни пермяков, в большинстве молодежь. Со знаменами, с портретами Ленина вся эта масса народа двигалась в сторону Камы.

Несмотря на мороз, до костей пробиравший плохо одетых людей, в городе звенели комсомольские песни.

«Что за праздник?» — недоумевал я. Спросил одного пожилого человека:

— Куда, зачем идут люди?

— Слепой, что ли? Видишь, написано: «...на переправу».

— На какую переправу?

— Через Каму будут строить железную дорогу. Субботник объявлен. Понимаешь?

Субботник — это понятно. Но строить железную дорогу через реку?

Вместо того чтобы пробираться на вокзал (мне в Екатеринбург ехать надо), я пошел вместе со всеми на берег реки.

Летом переправляли вагоны через Каму на барже-пароме, что я уже видел. Настал ледостав, суда на приколе. Но грузовой поток прекращать нельзя, да и не будешь же перевозить груз на лошадях, да и лошадей-то столько не найдешь: в деревне остались одни клячи, здоровые рабочие кони мобилизованы на фронт. В городе же лошадей сожрали белогвардейцы.

Местные руководители нашли выход: построить ледовую переправу, перекинуть железнодорожную ветку через реку прямо по льду.

На объявленный партийной организацией Перми субботник откликнулись все трудящиеся города.

При выходе на берег реки, выше искалеченного железнодорожного моста, людей делили на группы, объясняли задачу. А она ~~была~~ не из легких: надо было от берега до берега уложить валотную тысячи бревен и вморозить их в лед.

Работы продолжались несколько дней. Так захватило меня общее дело, что я на время забыл и про Екатеринбург, и про художественную школу.

Трудно приходилось нам. Не было никаких механизмов, делали все вручную.

Полуголодных людей косил сыпняк. Обмороженных, заболевших отвозили на подводах в городские больницы. На смену вышедшим из строя приходили сотни других героев, и строительство переправы не останавливалось.

Начались метели. Случалось, в десяти шагах ничего не было видно. Колючий снег забирался за воротник, ветер валил с ног. Особенно сильно бушевала непогода на середине широкой реки.

Никаких столовых в теперешнем понимании не было. Кто мог принести из дома кусок хлеба, сухарь, картофелину, по-братски делился с товарищами.

Сколько было радости, когда прошел слух, что для строителей обещают прислать вагон с картошкой! Нетерпеливые отправились на розыски обещанного вагона. И нашли его. Вагон стоял в тупике за Камой. Дверь вагона не запломбирована. Ребята взяли куль мерзлой картошки и принесли на стройку.

Развели костер и стали угощать «печенками» всех, кто подходил к костру.

Не обходилась стройка без происшествий. Мешали разные кликуши, вредители и прочая мразь, кому был не по нраву советский строй.

Как-то к группе молодежи подошел незнакомый пожилой дядя, небритый, лохматый. Поздоровался по-старинному:

— Бог в помощь, ребятушки.

— Без бога обходимся, — ответили ему. — Зря ходишь без дела. Сам помогал бы нам вместо бога.

— Не могу, — ответил незнакомец. — Я уже робил вон на той стороне. Три дня протрубил. Больше не могу. С голоду погибаю. — Вытащил из кармана горсть овса. — Вот чем кормят комиссары нашего брата — кобыльей едой. А приварка нету. Жаль мне вас, ребята. Вишь, какие худые, да ободранные, да голодные. На кого робите? И для чего? Чтобы ноги протянуть раньше времени? Угощайтесь-ка.

— Уходи отсюда! Не мешай!

— Я что? Я ничего... Только где видано, чтобы поезда ходили по льду? — говорил он. — Первый же вагон пойдет к ершам на дно. Я, может быть, техник, к вашему сведению, технику понимаю. Зря трудитесь. На удочку клюнули. Бросайте эту бесполезную каторгу, расходитесь все по домам.

Пришлось комсомольцам взять «доброе дяденьку» за шиворот.

К новому году ледовая дорога была введена в строй. На берегах задымили паровозы, запели локомотивные свистки. По стальным рельсам через окутанную морозной дымкой широкую реку двинулись цепочкой вагоны с ценным грузом для народного хозяйства.

Я был свободен для поездки в Екатеринбург.

Стоял январь 1920 года.

Проезжая по Уралу, нельзя было не заметить, как оживали наши заводы.

Разруха отступала.

2. Кусок камня

Поезд, на котором я уехал, подошел к станции Екатеринбург только на шестые сутки, так как приходилось несколько раз пассажирам выходить из вагонов и заготавливать дрова для паровоза.

Дом на Водочной улице, где я когда-то квартировал вместе с Гришей Демидовым, и узнать было трудно. Нашей «голубятни» уже не существовало — сломана на дрова. В доме жили незнакомые люди, бывший хозяин удрал вместе с белыми. Пропали все мои вещи, которые я оставил из-за вынужденного выезда в семнадцатом году.

Направился в художественную школу, реорганизованную в Высшие государственные свободные художественно-промышленные мастерские. Оказалось, что учебный корпус бывшей школы занимает госпиталь. Учебное заведение — во дворе, в здании, где раньше были производственные мастерские.

На широкой лестнице меня встретили подмастерья (учащиеся), мои знакомые по художественной школе: Коля Голубчиков, Афоня Сокуров, Саша Марков.

Руководила учебным заведением уполномоченная наркомпроса Боева. Мастер Петр Соколов, ее муж, был кубистом, другой преподаватель, Леонард Туржанский, — реалистом, были и имажинисты, и футуристы, и прочие «исты». В мастерской скульптуры преподавал Степан Дмитриевич Нефедов (Эрьзя).

— Русский Роден, как о нем пишут журналы по искусству? — приятно удивился я.

— Да, — ответили мне. — Приехал открывать уральских великанов.

— Где старые преподаватели? — спросил я.

— Убежали с Колчаком. Один Александр Никитич Парамонов остался.

В мастерской Парамонова до десятка мольбертов. Ребята показали мне свои работы. Не понравилось. Сплошь натюрморты и незатейливые пейзажики.

Но вот показался Парамонов, с ним двое мастеров. Один высокий, русый, горбоносый, в толстовке из мешковины, другой — черноватый, круглолицый, бритоголовый, в шелковой блузе, с огромным черным бантом вместо галстука.

Александр Никитич узнал меня, подошел, поздоровался: — Помню, помню! Снова к нам? Это хорошо. Будем

заниматься. Помню, вы были лучшим учеником по стилизации.

Вмешался бритоголовый:

— Не вздумай, парень, учиться у Александра Парамонова. Извините меня, но ваше искусство не нужно народу.

— Скажете тоже, — скромно проговорил Парамонов. — У нас, кроме моей, есть и другие мастерские. Например, декоративная. Познакомьтесь. Это декоратор Мацкевич.

Я поклонился горбоносому мастеру. Он предложил:

— Прошу в мою мастерскую. Будете работать в оперном театре.

— Опера! — желчно проговорил чернявый с бантом. — Опера... Не нужна свободному народу опера.

Началась перепалка. Переругиваясь, мастера оставили мастерскую.

— Этот, бритая голова, что за птица? Какое он имеет право говорить от имени трудового народа? — возмутился я. — Кто он?

— Ярый футурист. А как человек — дрянь порядочная, — объяснил мне Коля Голубчиков. — Они всегда так. Вместо того чтобы учить нас, подмастерьев, искусству, грызутся между собою, как драчливые коты. А Парамонова и передвижника Туржанского совсем заели.

Учитывая создавшуюся обстановку, я твердо решил учиться в скульптурной мастерской.

Голубчиков повел меня знакомиться со Степаном Дмитриевичем в другое здание, где была скульптурная мастерская.

Если бы я встретил Степана Дмитриевича на улице, никогда бы не поверил, что это, действительно, русский Роден. Рыжая всклокоченная бородка, нечесаные волосы в гипсе. На ногах обмотки, на плечах старенькая доха. Глаза, как угли, приветливая улыбка, большие мозолистые руки — руки мастерового.

Голубчиков, рекомендуя меня, что-то говорил, а я не слушал. Меня очень заинтересовала мастерская. Множество мраморных произведений Эрзи. Обращала внимание огромная, из цельного камня, скульптура Карла Маркса. В центре — обнесенный лесами камень вышиной в два человеческих роста, будущий монумент для городской площади.

Мастерская представляла собою галерею произведений большого художника и заводской цех. Цепи, подъемные механизмы, какие-то удивительные машины.

Из кузнечного отделения слышался стук молотка по наковальне. За стеной «дышала» воздухонагнетательная машина, от которой по шлангам шел сжатый воздух к пневматическим молоткам.

Мастер не отличался многословием. Он кратко сказал, что сделает из меня мраморщика-камнетеса, затем — копировщика.

— А художником-скульптором ты должен сделаться сам, — добавил он.

Степан Дмитриевич жил тут же, в мастерской. На высоте пяти метров внутри помещения был пристроен к стене балкон. К нему вела крутая лестница. На балконе — и спальня, и рабочая комната.

Началось учение. Первое задание — сделать в кузнице инструмент. Дали образцы так называемых колоков и штук десять старых зубильев. Я был знаком с кузнечным делом и с заданием справился в течение дня. Откалил материал, придал инструменту нужную форму, закалил, и колки были готовы. Даже кузнец похвалил:

— Здорово! Если так будешь работать, то и меня выживешь из кузницы.

На следующий день Эрьзя подвел меня к большой глыбе мрамора, предложил сделать курант для растирания красок и вышел из мастерской. Ясно, что от камня надо отколоть кусок необходимой величины. Но как это делается? Пробовал долбить колкой — ничего не получается. Ударил глыбу кувалдой — только брызги полетели.

Ходил я, ходил вокруг камня, глядел на него, как баран на новые ворота. Не выдержал, попросил совета.

В мастерской вместе со мною учился скромный трудолюбивый паренек Перепелкин. Он и показал мне, как правильно мрамор колоть. Дело оказалось проще простого. Надо наметить место раскола, пробить колкой глубокую узкую дорожку, вставить два железных клина, распереть их деревянным клином, ударить кувалдой. Так я и сделал и отколол нужный кусочек. Приспособил его на деревянной плахе и приступил к выполнению задания?

В первые же минуты кисть левой руки оказалась в крови. Поставишь колку на место, ударишь молотком, рука скользнет по колющему камню — и смазывай руку йодом. Понял, что в таком деле требуется точный расчет и точный удар.

Кроме Перепелкина, хорошо помню талантливую девушку по фамилии Мроз, которая при мне работала по мрамору уже вполне самостоятельно. Другие не выдерживали тяжелого физического труда (быть камнетесом — нелегкое дело) и переходили к живописцам, где единственным физическим трудом было растирание красок курантом на мраморной доске.

Мне очень нравилась настоящая рабочая атмосфера нашей мастерской. Не привыкать — я с детства в труде.

Первую стадию учебы я прошел в течение трех месяцев. Научился долбить, колоть, резать, шлифовать мрамор. Пришла пора учиться на копировщика. Степан Дмитриевич дал мне гипсовую женскую ногу, чтобы сделать мраморную копию. Работал дней пять, и все шло хорошо. И вдруг беда. Когда я закруглял пятку, неожиданно отвалился большой палец на ноге. А ведь его не приклеишь! Пропал многодневный труд! До слез обидно было.

— Значит, ты плохо освоил мастерство каменщика. Нельзя горячиться, торопиться. От неосторожной работы в самом узком месте образуется незаметная трещинка...

— Я, Степан Дмитриевич, снова сделаю.

— Не надо снова. Модель у тебя простая. Но представь, что создаешь большую сложную скульптуру, на что иногда годы уходят. Случись такое, как у тебя, весь труд насмарку...

С той поры Эрзя стал давать мне на копировку сложные орнаменты с мельчайшим рисунком — поневоле будешь осторожным.

Так шаг за шагом он приучал меня и других учеников к тонкому мастерству. Иногда проводил беседы, которые никогда не забудешь.

Однажды Степан Дмитриевич поставил на тумбу мрамор.

— Вот кусок камня, — начал он беседу. — Но художник должен в бесформенном куске видеть человека, героя, вождя, мыслителя, группу людей, красоту русской женщины, рабочего, крестьянина, печаль, радость, то есть скрытый в мраморе образ, и обнажать его, скалывать лишнюю каменную рубашку. Так, холодный кусок камня превращается в художественное произведение.

Хотя Степан Дмитриевич предупреждал, что скульптором меня не сделает, что я сам об этом должен позаботиться, но думалось, что при его помощи я все-таки достигну определенных творческих успехов.

3. Командировка

Среди работников искусств было в то время немало всякой накипи. Те же, например, разговорчики о внеклассности искусства, о чистом искусстве, об искусстве для искусства — тому подтверждение.

Для наведения порядка в делах искусств и художественной промышленности Урала и Сибири в Екатеринбург приехал уполномоченный Народного комиссара просвещения.

По рекомендации Анны Федоровны Боевой он мне выписал мандат:

«4 мая 1920 года. Предъявитель сего тов. Спешиллов А. Н. командировается в г. Пермь и Вятку для инструктирования Государственных художественных мастерских по изобразительным искусствам и собирания информационного материала по искусствам в названных городах... Уполномоченный Е. Равдель».

В управлении уполномоченного дали инструкцию: самое серьезное внимание обратить на развитие художественных промыслов, на то, как развивается прикладное искусство в названных городах и губерниях, какую роль в этом играют художественные учебные заведения.

Перед отъездом в командировку я зашел проститься с Боевой. У нее сидел ее помощник Соколов.

— Ваша главная задача — обратить внимание на развитие в художественных мастерских чистого искусства, — стал он поучать меня. — В отчете не забудьте отметить, каких побед добилось искусство новое, молодое в борьбе с разными там реалистами, натуралистами, как молодые художники бросают на все лопатки дряхлое старье вроде Туржанского, Парамонова. Вы — художник. Заниматься исследованием всякой кустарщины не наше дело. Прикладничество в искусстве — ерунда.

Я оказался между двух огней. С одной стороны, указания уполномоченного наркома, которые я обязан выполнять, с другой — «советы» Соколова, совершенно противоположные. Игнорировать их тоже нельзя: как-никак, а Соколов — мое прямое начальство.

«Ладно, — думаю. — На месте разберусь».

Купил я на рынке фунтов пять конины и поехал в командировку, решив начать ее с Вятки.

Проезжая по восстановленному в Перми железнодорожному мосту через Каму, любовался ожившей рекой.

У правого берега на рейде в ожидании разгрузки — караван непаровых судов. У левого берега — белоснежные дебаркадеры пермских пристаней. Бороздят вешние воды красавцы пароходы. Алые флаги плещутся на ветру. Хорошо потрудились братья-речники на восстановлении своего флота!

На пути до Глазова все еще были заметны незажившие раны войны, но везде кипели восстановительные работы.

За Глазовом картина резко изменилась. Свежевыкрашенные старые железнодорожные поселки стояли как новенькие. Нетронутые войной деревни утопали в свежей зелени. На мирных полях начался весенний сев.

Во время остановок на полустанках крестьянки продавали молоко, яйца, хлеб, овощи и... удмуртскую кумышку.

В Садах ребята принесли к поезду свежих окуней. Вспомнилось недалекое прошлое: инженерный батальон, Колчановы, приютившие меня после госпиталя, оказавшие мне всяческую помощь.

Я выбросил надоевшую конину и перешел, так сказать, на местное довольствие, даже табачное, — везде можно было купить кружку-другую самосада.

И пассажиры в вагоне повеселели, и у меня стало хорошо, тепло на душе.

Приехал в Вятку, хотел зайти в знакомый госпиталь, а на здании уже другая вывеска: «Трудовая школа № 17».

Из губернского отдела народного образования направили меня на житье в «номера Загоскина», что по улице Ленина, выдали справку на получение продуктов.

Вот и «номера». Большой, должно быть бывший купеческий, дом. Меня приветливо встретила полная пожилая женщина.

— Здравствуйтесь, здравствуйтесь! Извините, что отдельных номеров нет, но у нас удобно. Пожалуйте сюда. — Провела меня в просторную чистую комнату, где стояли четыре кровати.

— Этот номер для командировочных... Где любите отдыхать? У окна или в простенке?

— Спасибо, — ответил я. — Мне все равно.

Захотелось есть. Разложил на столе полученные скромные продукты.

Возвратилась хозяйка, стала заправлять постель. Взглянула на стол, спросила:

— Это что у вас такое?

— Паек получил...

— Подождите. Я сейчас. — И ушла. Вернулась с чайником, со стаканом, с белой булкой.

Благодаря заботливой хозяйке я сытно поужинал и лег спать. Было прохладно. Сверху одеяла укрылся шинелью и крепко уснул.

Художественные мастерские в Вятке были в стадии организации. Мне некого было инструктировать. Информационный материал я послал в управление уполномоченного в Екатеринбург.

Полюбовался с высокого берега красавицей Вяткой-рекой и уехал в Пермь.

После освобождения Урала от Колчака я несколько раз бывал в Перми, но наездом, по срочным делам. Утром приедешь — вечером уедешь. Сейчас мне предстояло побыть здесь подольше и подробней познакомиться с художественной жизнью города.

Художественными мастерскими в Перми руководил молодой художник Петр Иванович Субботин-Пермяк, получивший образование в Москве, коми-пермяк по национальности. Патриот своего края, он создал художественно-производственные мастерские в Кунгуре и Кудымкаре и свободные художественные мастерские в Перми.

...Мы сидим с ним в его служебной комнате. Субботин-Пермяк почти мой одноклассник. На лице нездоровые розовые пятна, руки худые. Вокруг шеи цветастый коми-пермяцкий шарф.

— Все пришлось строить на пустом месте, — рассказывал Петр Иванович. — До революции в Перми была небольшая студия, где занималась группа художников. Несколько мольбертов — вот все, что мы получили для оборудования наших мастерских. А теперь... Что рассказывать? Пойдемте в мастерские. Сами увидите хозяйство и наших учеников.

В коридоре у глухой стены мне бросилась в глаза стальная дверь.

— Что здесь?

— Сейф. Раньше в этом доме был какой-то банк. Нам и пригодилась стальная комната. Документы храним, книги, материалы...

— Мастерская фактуры, мастерская формы, рисовальный класс для новичков, декоративная мастерская, — объяснял Субботин, когда мы обходили учебные классы.

В мастерской живописи писали маслом яркий натюр-морт юноши и девушки — будущие художники. К нам подошел стройный, красивый молодой человек в белой толстовке. На лбу — узенький ремешок, поддерживающий черные рассыпающиеся кудри.

— Здравствуй, товарищ! Не тебя ли я в ЧОНе видел? — спросил он.

— Вероятно, меня. Раз я был в командировке в Перми. Зашел в уездный комитет, меня и взяли по улицам ночью патрулировать.

Это был коммунист, боец части особого назначения Матвей Осипович Кузнецов, будущий уполномоченный мастерских и заведующий художественным техникумом.

Провел я десять дней у молодых художников, со многими подружился. Кроме Матвея, среди них были: Виктор Орешников, Виктор Дубяго, братья Коротковы, Валя Цельмер, Вася Кобелев, Люся Будрина. Хорошие они были ребята, жизнерадостные, талантливые. Особенно мне понравилась шустрая общественница, энергичная девушка с косичками из Елабуги Шура Державинская.

«Какой же ты инструктор, — могут подумать иные читатели, — чуть не влюбился во время командировки?»

Виноват, дорогие товарищи, виноват!..

Отправил я в Екатеринбург отчет о командировке, отозвавшись положительно о пермских мастерских, и получил первый в жизни отпуск по службе. Выехал из Перми на родину.

4. «Рыбка да рябки...»

В бурлацких деревнях тишина. Школьники — на каникулах, речники — на пароходах, как было и раньше в навигационное время. В исполкоме — другой, незнакомый мне председатель: Бородин на транспорте.

Дома все в порядке. Старшие братья — на Каме, младший, Михаил, — в Ильинском, сестренки, школьницы, помогали матери в поле, бабушка Мария в доме хлопотала.

Первым навестил меня, конечно, Яков Степанович.

— Приехал, дружок! Шибко стосковался — не с кем рыбку половить. Ходить одному-то боязно стало — нога измороженная зудит, будь она проклята, да и девятыя десятки доходят. Случись что на болоте — ложись и умирай.

— Нет, что ли, товарищей у тебя, Яков Степанович? Полдеревни рыбаки.

— Есть. Разве Микола Закамской, да он хуже меня — едва ползает. Терпеть не могу стариков. Да! Молодые-то не знают, что на прибылой у берегов по реке катится галька-окатыш, распугивает рыбку-то. Хоть до заговенья лупи воду удочкой, ни единого ерша не выудишь. Это только мы с тобой знаем, Миколаич, а они ни хрена не знают. Жадничают, на истоках из озер чужие «морды» зорят. Нет! Они мне не дружки.

Обрадованный встречей, совсем заговорил меня старик.

— Где нынче рыба ловится, Яков Степанович?

— Везде. Лучше всего в Монастырском яру. В омутах лешш клюет. Лешш! Да!

— Туда на лодке надо ехать.

— Правда твоя, на лодке. Есть одна лодка. Из старого шитика я корабль сколотил — «душегубку». Поедем, пока погода не испортилась.

В Монастырский яр мы на душегубке приехали вечером на ночевую. Было ясно. И вдруг небо затянули мокрые тучи и посыпал такой бусинец, что не до рыбки стало. Один выход — переждать непогоду под лодкой. Мы вытащили ее на песок, перевернули вверх дном, сложили пожитки и сами забрались под нее.

Скрючившись в три погребели, провели бессонную ночь. Над рекой нависла первая гроза, и до утра гремело.

Только в полдень выглянуло солнце, но рыбу ловить было бесполезно. Вода на реке прибыла, на три сажени от берега потянулась желтая муть.

Я вылез из-под лодки и развел костер. Старик спал, как будто бы хотел наверстать всю свою бессонную рыбацкую жизнь. Я от нечего делать бродил по лугам, собирал душистую бруснику.

Случайно в одной лощине набрел на лыву, оставшуюся от водополья. В лыве бойко играла рыба. От ее движений, как живая, трепетала в воде сизая осока.

Я разулся, закрутил штанины выше колен и с палкой в руке забрел в воду. Через полчаса вода почернела от взбаламученного ила. На поверхность стали высываться рыбы головы с выпученными глазами. Началась охота! Я выхватывал щурят за жабры и лихо выбрасывал на берег к ногам старика. Попала щука чуть не в аршин длиною...

— Вот и рыбка! — радовался Яков Степанович, когда я с добычей вернулся к лодке. — А клева долго не будет, хотя и мутная вода пройдет. В лывах рыбачить — дело ре-

бляче, но чтобы в деревне не осмеяли, скажем, что щук на живность наловили.

Улов разделили пополам. Яков Степанович засунул большую щуку головой в пестерь, длинный хвост выставил наружу.

— Пускай глядят, какие мы с тобой рыболовы!

Ничего не поделаешь. Приходится иногда хитрить нашему брату. Вон того же Якова Степановича спрашивают иногда:

— Много ли поймал?

— Два ерша да немного мелочи.

Или:

— На пирог да на уху. — А в пестере — ни единой рыбки.

А то и так ответит:

— Окуня выудил, стал чистить, а окунь-то мигает то правым, то левым глазом. Положил его на желоб у конюшни. Три дня пролежал и убежал в озеро. Черт это был, а не рыба. Да! Не ходите, ребята, на Трубилово озеро.

Словом, недаром говорят: «Рыбка да рябки — потеряй деньки».

Все свое свободное время я вместе с Яковом Степановичем проводил на Каме, на озерах. Много было тогда чудесных рыбных озер: Лышное, Долгое, Трубилово, Тренино, Судовое, Гаревское, Казенное...

Моим промыслом особенно довольна была бабушка Мария. Уху варила, стряпала рыбные пироги, жарила, солила.

Когда мне пришлось уезжать, бабушка Мария сказала:

— Сколько лет я без тебя рыбки не видала... Уедешь опять, и никто мне свежей рыбки не принесет.

5. Дроворубы

Лето двадцатого года. В Екатеринбургских мастерских пусто. Мастера — в отпусках, подмастерья, местные жители — в лесу на дровозаготовках.

Город не имел запасов топлива на будущую зиму. Торфяники у Верх-Исетского пруда залиты водой. Запасы сухого торфа от самовозгорания тлели, застилая город удушливым дымом.

Городские власти поставили перед учреждениями, организациями задачу: хочешь жить зимой в тепле — иди в лес дрова рубить.

За городом, возле озера Шарташ, отвели делянки. Пред-

полагалось построить узкоколейку, чтобы осенью вывезти дрова на городские склады для последующей раздачи заготовителям.

Оказались в тайге и учащиеся художественных мастерских.

К тому времени я был избран председателем исполкома подмастерьев — организации самоуправления учащихся. По общественному долгу да и по привычке не отставать от хорошего дела я расспросил дорогу и погожим утром зашагал к месту работ.

Как хороша природа на Урале! Холмы, горы — одна другой величественней, — поросшие вековыми лесами. Вот каменные палатки — причудливые гранитные скалы, казалось, воздвигнутые руками человека. Рядом озеро. К воде не подойдешь — каменные отвесные берега. Видно сверху, как в прозрачной глубине сверкает рыба.

Дошел до грани — глубокой канавы, заполненной грунтовой водой. Теплынь! Решил искупаться. Но... выскочил из воды как ошалелый — студеная вода обожгла до костей.

В одном месте лес отошел от берегов канавы. Взлетела пара чирков. В тайге — утки! Впервые такое вижу.

Вспорхнули рябчики и так искусно прижались к древесным стволам, что и не заметишь. Дорожку перебежали неизвестные мне зверьки и пропадали в чащобе...

Почувствовал запах гари. Значит, скоро лагеря дроворубов. Показалась площадка, очищенная от леса. Посредине два больших шалаша. пылал костер. Около него стряпали две девчонки. Одна мешала поварешкой варево, другая подсовывала в огонь сухие ветки.

— Что делаете? — крикнул я.

— Не видите? Картошка варится, — шутливо ответила черноглазая девушка в измазанном пеплом переднике.

— Немедленно тушите огонь! Пожар наделаете, курносые!

— А покажи, как тушить?

— А вот так! — Я опрокинул в костер их котел вместе с картошкой. Зашипело, потянулся парок. Девушки подняли визг. Подбежали «липовые» лесорубы. Я на них набросился: — С ума сошли? Нельзя в лесу, да еще в такую сушь, разводить костры.

— Где же разводить? Везде лес.

— У канавы, у воды. Да и там следует кругом окопать кострище.

Подбежал Коля Голубчиков.

— Здравствуй, друг! Приехал все-таки?

— Приехал. Думал, что встретят с оркестром, — сказал я шутливо, — а меня лесными пожарами встречаете.

Коля взглянул на потухший костер.

— Говорил ведь, что здесь разводить костер нельзя. Не слушают меня ребята. Приехал — спасибо. Бери команду на себя.

— Придется, раз такое дело. Вы, кокши, марш со своими поварешками к воде. Там и стряпайте. Я тоже есть хочу.

Девушки на новом месте доварили картошку.

После обеда мы пошли на работу. Ребята были впервые в лесу. Их двенадцать человек, в том числе четыре девушки. Двое пилили сушину, двое лупили по дереву топором. Остальные стояли по сторонам, «болели», говоря сегодняшним языком.

— Берегись! — Болельщики разбегаются во все стороны. Дерево падает на свежую, несрубленную, елку. С криком, гамом ребята стаскивают сушину на землю и всей артелью рубят сучья. Потом двое пилят дерево на чурки, остальные наблюдают, дают разделочникам советы. Затем человек пять берутся за чурку и уносят ее в штабель, за ней — вторую, третью... Потом — все сначала.

Вот, думаю, работенка! Так до зимы не выполнишь план. Хорошо, что лес мелкий, одним словом — дровяник. Заставь таких лесорубов валить крупный лес — до беды недалеко. Насмерть задавит неосторожного падающая лесина.

При мне разделали, перетаскали две елочки. Я отменил этот мартышкин труд. Разбил ребят на звенья: одних на валку, других — на обрубку сучьев, третьих — на раскряжевку. На относку кряжей поставил самых сильных ребят. Обратил внимание на подмастерья Гаевского. Мускулистый, коренастый крепыш, он в одиночку поднимал самые тяжелые кряжи и относил в штабель.

Я показал, как правильно валить дерево, как обрубить сучья, как раскряжевывать, вообще все, что я знал по собственному опыту. И пошла работа!

В конце рабочего дня решил проверить, как девушки готовят для артели ужин. Одна расставляет на траве посуду, а другая, черноглазая, увидев меня, заплакала.

Подошел к ней.

— Обидел кто?

— Накричали вы на меня. Разве я виновата, что не знаю, как в лесу костры разжигать?

— Вот о чем? Прости. Больше не буду.

С трудом успокоил девчонку. Это была Верочка Власова. Потом мы с ней стали большими друзьями.

Через неделю работы в лесу подошли к концу. Товарищи, захватив с собою, что полегче, отправились пешком домой. Мы с Гаевским остались вдвоем в ожидании подводы — забрать оставшееся имущество.

6. Верочка Власова

Степан Дмитриевич Эрзя уехал из Екатеринбурга. Я стал учиться рисунку у Парамонова, декоративному искусству — у Мацкевича, технологии красок, грунтовке полотен — у мастера Низова, слушал лекции по истории искусств у профессора Гончарова. Это всем разрешалось. Мастерские-то были свободные.

Подмастерья (ученики) носили длинные толстовки из холста или мешковины. Ходили по городу группами. В нагрудных карманах торчали деревянные ложки с намалеванными чертиками. У меня ложка имелась, а толстовки не было. Вместо нее — заслуженная красноармейская гимнастерка.

Я жил тут же, при мастерских, в небольшой комнатухе. Однажды прибежала ко мне Верочка Власова, сунула в руки сверток и убежала. Развернул — блуза из серого холста.

С этого и началось. То что-нибудь из продуктов принесет (жила дома в достатке), то приготовит для меня краски. Их надо было растирать курантами на мраморной доске. Работа муторная — мне не нравилась. То, бывало, встанет за моей спиной и наблюдает, как я работаю у мольберта. Чувствуя взгляд, обернешься — она потупит глаза и выйдет из мастерской.

Осенью в двадцатом году Верочку избрали членом исполкома подмастерьев. Она стала верной моей помощницей. Работы было много. Субботники, хозяйственные, квартирные дела. Частенько наши собрания длились до полуночи.

Верочка жила за Исетским прудом. В летнее время — одна дорога, через плотину. Зимой можно было ходить через пруд по льду. Путь до квартиры Верочки Власовой сокращался тогда наполовину.

Она боялась ходить одна. И как-то попросила меня стать ее провожатым.

У меня уже был такой опыт в Слудке. Я, конечно, согласился. По дороге обычно она не давала мне и слова сказать. Все говорила и говорила, всячески меня расхваливала: что я и добрый, и хороший, и способный, и она очень хочет быть моим товарищем.

Провожу ее, бывало, до дома, потом она меня провожает. Так и ходим туда и обратно. Как-то раз назвал ее сестренкой — обиделась:

— Сестра я тебе? А не больше?

Я замялся.

— Ничего ты не понимаешь, братик мой бестолковый.

Однажды я не пошел с Верочкой Власовой. И она провела ночь в декоративной мастерской, утром пришла на занятия с заплаканными глазами.

Никак не мог сообразить, что творится с девчонкой. Поделился с Колей Голубчиковым.

— Любит она тебя, Спешилов. Неужели не чувствуешь, счастливый человек?

Готовилась экскурсия в Москву. Для поездки нам, группе учащихся, дали отдельную теплушку. Мы оклеили ее плакатами: «Привет Москве от художников Урала!» Себя приводили в порядок: чинили, чистили одежду, заготавливали продукты на дорогу. Собирали, настраивали «инструменты» для шумового оркестра: ложки, гребенки, бутылки, сковородки, барабаны, разные дудки, свистульки, трещотки.

И вот настало время отъезда. Маневровый паровозик вывел вагон из тупика, сцепщики прицепили его к пассажирскому поезду.

Перед отходом, на удивление публики, грянул наш самодельный «оркестр». Под звуки бравурного марша и грохота колес поезд полетел на запад, оставляя за собою многолюдный вокзал Екатеринбурга.

До перевала в Уральских горах двести километров. Наш поезд тяжело преодолевал крутые подъемы, зачастую откатывался обратно и снова лез в гору.

Паровозные топки все еще шуровались дровами, которых в тендере для дальнего пути не напасешься. Приходилось пассажирам выходить в лес на заготовку топлива.

Это была своеобразная передышка от вагонной тряски,

и всем было весело. Не утихал и наш оркестр. Под его «шумовую» музыку хорошо работалось.

Одолев перевал, «бегом» побежал наш поезд. Замелькали западноуральские поселки, полустанки, станции.

На мелких станциях «оркестр» привлекал торгующих пятаческой снедью. В благодарность музыкантам женщины продавали ее по умеренной цене.

За Вяткой, на одной из крупных станций, явились с контролем бойцы заградительного отряда. Двое поднялись и в нашу теплушку.

— Здравствуйте, товарищи! Разрешите осмотреть багаж.

— Пожалуйста, смотрите, — ответил я.

Они быстренько оглядели наши немудреные вещи. Один обратил внимание на гипсовую статуэтку, которая валялась у стенки на нарах. Он бережно взял ее в руки, полюбовался, аккуратно поставил на полочку и сказал:

— Нельзя так грубо обращаться с художественным произведением искусства. Осторожно, товарищи. Не разбейте случайно.

Красноармейцы вежливо простились с нами, пожелали счастливого пути и выпрыгнули из теплушки на землю.

С нами ехал футурист, подмастерье с трудной фамилией, — не запомнил. Это была его гипсовая куколка.

Когда в Москве мы рассаживались на ломовые телеги, футурист ударил куклой по колесу, вынул из обломков... два уральских дымчатых топаза. Хвастливо объявил нам:

— Я знаю, что такое чистое искусство. Вот настоящее произведение!

На что мирный, спокойный друг наш Коля Голубчиков, даже он возмутился:

— Не лезь в телегу! Пешком топай, проклятый контрабандист! — И сбросил на мостовую его вещи.

Молодых художников устроили на жительство в экскурсионном бюро на Арбате.

Начались наши ежедневные экскурсии по музеям и художественным собраниям Москвы. Ходили пешком, так как транспорт в Москве в ту пору почти не работал. Верочка Власова не отходила от меня. Когда мы всей группой посещали музеи, это не бросалось в глаза. Но она никуда не отпускала меня и одного, что замечали все.

Однажды набросился на меня Коля Голубчиков:

— Хватит издеваться над девчонкой! По-дружески говорю. Знаешь, что ребята болтают? У нас, говорят, экс-

курсия, а у них — свадебное путешествие. Про вас говорят с Верой Власовой. Кончать надо эту историю.

— Как кончать?

— Скажи, что не любишь.

— Не могу. Жаль мне ее, Коля.

— Тогда женись, и дело с концом.

Обратно мы ехали в пассажирских вагонах. Однажды ночью, когда я спал, ко мне подседа Верочка (из соседнего вагона пришла). Я проснулся и крепко обнял девушку. Она резко отпрянула и так осуждающе взглянула на меня, что мне не по себе стало...

Не простившись с товарищами, на станции Пермь II ночью я сошел с поезда.

Никаких вещей у меня, кроме шинели в скатке, не было. Второй раз все осталось в Екатеринбурге.

От вокзала я пошел на берег родной Камы и там просидел до утра. Сидел и думал: «Может быть, я, глупец, свое счастье потерял?»

7. Путешествие в Кудымкар

На улице Карла Маркса между улицами Ленина и Коммунистической, несмотря на ранний час, — толпы народа. «Что за демонстрация?» — думаю. По тротуару не пройдешь. Приблизился и... попал на художественную выставку. Картины были расставлены прямо на тротуаре — полотен двадцать: натюрморты, камские пейзажи, портреты. Многочисленным зрителям давал объяснение молодой художник в белой блузе. Он узнал меня:

— Товарищ Спешилов! Снова к нам? Я — Орешников Виктор. Может, не забыл?

— Припоминаю. Интересная выставка. Почему на улице?

— Здесь места больше. Да и не каждый пойдет в помещение смотреть картины. А здесь? Видишь, сколько прохожих! Каждый посмотрит.

— Здорово придумано! А где здесь можно позавтракать?

— Рядом — «Польская кофейная». Вон Виктор Дубяго идет сюда. Мне на смену. А мы пойдем завтракать.

В кофейной под потолком лозунг: «Искусство — народу!». В простенках рисунки, живописные полотна.

— Мы здесь выставляем свои работы, — объяснил Орешников.

При входе в художественные мастерские, куда я пришел после завтрака, крупно на фанере написано: «Мы все на «ты». Рукопожатия отменяются!»

В канцелярии встретил меня заведующий Матвей Осипович Кузнецов.

— Опять в командировке? А может быть?..

— Кажется, насовсем, — ответил я Кузнецову.

— Вот и хорошо.

Переговорив о разных делах, Кузнецов спрашивает:

— Что будешь делать? У нас каникулы.

— Может быть, в деревню съезжу.

— А это мысль! — оживился Кузнецов. — По пути побывай в Кудымкаре в художественных мастерских. Надо выяснить, в чем у них нужда, возможно, потребуется оказать учебную помощь.

— Согласен. Кто руководит мастерскими?

— Никто. Сами ребята.

С места в карьер получил удостоверение: «Предъявитель сего ассистент-руководитель Пермских высших государственных художественно-промышленных мастерских Спешилев Александр Николаевич командирован в село Кудымкар Усольского уезда в художественно-промышленные мастерские. Уполномоченный М. Кузнецов».

— Что ты за чин для меня придумал, товарищ Кузнецов? «Ассистент-руководитель!» Какой же я руководитель? Я учиться приехал, а не руководить.

— Ничего не поделаешь, товарищ Спешилев. Нам приходится и учиться, и руководить. Пока своих кадров не хватает. Я тоже так думал, когда меня вызвали в горком партии: «Какой же я руководитель?» А вот орудую, и, говорят, неплохо. Ты счастливее меня. У тебя есть опыт в педагогической работе и профессиональные знания. — Матвей Осипович левой рукой поправил свои черные кудри, улыбнулся. — Значит, вопрос исчерпан. Счастливого пути! — И он крепко пожал мне руку.

В нынешнее время есть все: самолеты, автобусы, таксомоторы, благоустроенные дороги, а раньше добраться до далекого Кудымкара было не так просто. Надо было ехать на пароходе до Майнора или Пожвы несколько суток и на лошадке до Кудымкара добираться по лесным дорогам еще несколько дней.

Поехали втроем: молодые художники Кобелев, Иван Коротков и я.

В Перми с трудом устроились на корме парохода и отправились в плавание. Хорошо, что погода стояла теплая, а ночью меня согревала неизменная шинель.

Утром пароход остановился у Слудской пристани. На борту высокобортного дебаркадера я увидел друга по бурлачеству Ивана Андреевича Дудина. Хотел выйти на дебаркадер, но в невообразимой толчее не проберешься. Дудин перегнулся через перила и прокричал:

— Дома у ваших все в порядке! Только сестра Сюта замуж собирается! Что передать?

— Здоров, передай! Еду в командировку! На обратном пути домой заеду-у-у!

Через сутки «дошлепали» до Майкора. Договорились с одним из местных мужичков о переброске нас в Кудымкар. Возница потребовал оплаты наперед, и только царскими деньгами, или одежей, или табаком.

Выскребли из карманов табачные запасы и отдали ему. Ехать-то надо.

Дорога — пень да колдобина. На трясуцей телеге сидеть невозможно. Больше бежали за подводой, чем ехали. Возница покуривал наш табачок и весело покрикивал на лошадку.

Я полдня терпел, наконец не выдержал:

— Дай, дядя, покурить.

— Надо, парень, свой табачок иметь.

— Шибко курить хочется.

— Мне какое дело? Хлеб-соль вместе, а табачок врозь. Хотелось от досады выбросить мужика из телеги.

Над лесом парил коршун. Я решил на невинной птице сорвать свою злость. Вынул трофейный — с гражданской войны — наган и выстрелил по коршуну. Конечно, промахнулся: наган — не винтовка.

— Не убивай! — завопил наш табакур. — Табак обратно отдам, только не убивай! — И возвратил нам весь табак, с уговором, чтобы мы расплатились с ним по приезде на место царскими деньгами.

А через час мужик заскулил:

— Дайте, ребята, покурить.

— Надо свой иметь, — шутя сказал я ему.

Расплатились с возницей советскими деньгами. Ругая нас на чем свет стоит, он погнал лошадь вскачь на площадь в поисках пассажиров на Майкорскую пристань...

Художественные мастерские в Кудымкаре занимали чи-

стенную крестьянскую избу с зеленым садиком. Уютно, красиво, но крайне мало места для студийных занятий, не говоря уже о художественных производственных работах.

В мастерских занималась художественным самообразованием небольшая группа коми-пермяцкой молодежи. Благодаря упорному труду, горячему желанию «выйти в люди» начинающие художники добились неплохих успехов. Живопись, рисунок у них не хуже работ пермских подмастерьев, в них чувствовался свой национальный колорит. Особенно были хороши рисунки скромного тихого паренька Лаврика Тараканова, ставшего впоследствии настоящим художником.

Вспоминается талантливый художник, глухонемой Тотмянин, которому посвятил свою первую книгу Петр Иванович Субботин-Пермяк.

При знакомстве с производственными работами нам казалось, что мы находимся на выставке замечательных произведений творчества коми-пермяцкого народа. Цветистые тканые пояса, деревянные клише для известной теперь старинной набойки, художественно выполненные изделия из рога: гребни, гребенки, украшения головных уборов и многое другое. И все это делалось — при помощи старых мастериц — руками кудымкарских подмастерьев.

Чтобы развиваться дальше, приобретать необходимые знания, нельзя вариться в собственном соку в глухом селе, каким тогда был Кудымкар. В отчете о командировке мы предложили лучших из начинающих художников перевести на учебу в Пермские мастерские и предоставить им все условия учиться дальше в художественных учебных заведениях Москвы, Ленинграда, тем более, что коми-пермякам так необходимы были кадры своей творческой интеллигенции.

На обратном пути мне не удалось выйти на пристани в Слудке. Прежде всего — дело. Да и неудобно было отставать от товарищей.

8. «Грудью вперед браво!»

Осенью меня назначили руководителем вечерних курсов. Одновременно поступил учиться на четвертый курс живописного факультета (по декоративному отделению).

В дневное время я стоял у мольберта или мастерил макеты, рисовал эскизы декораций. Вечерами сам учил ребят. Домой ходил только ночевать.

Моя комната в подвальном этаже часто превращалась в своеобразный клуб. Приходили однокурсники братья Коротковы, два Виктора — Дубяго и Орешников. Спорили об искусстве, о театре. Геннадий Коротков и Дубяго читали свои стихи. Я тоже старался от них не отставать.

«Будхуды» — как тогда нас называли в городе — принимали самое деятельное участие в тогдашней художественной самодеятельности: разучивали песни и ставили спектакли в клубах и учебных заведениях, писали инсценировки, рисовали плакаты, лозунги, украшали к праздникам городские сады.

В двадцать первом году мы деятельно готовились к празднику четвертой годовщины Октября. Рисовали плакаты, девушки вышивали знамена. По совету Виктора Орешникова разучивали «Левый марш» нашего любимого поэта Владимира Маяковского.

Седьмого ноября мы в полном составе прошли мимо трибуны на площади Степана Окулова:

Грудью вперед бравой!
Флагами небо оклеивай.
Кто там шагает правой?
Левой!
Левой!
Левой!

Несмотря на неустроенность быта, мы жили весело, интересно, с пользой для себя и для других. А это самое главное.

Как-то явился ко мне Лаврик Тараканов. Бледный, худой.

— Тебя зовет какой-то старик на лестнице.

— Приведи его сюда, Лаврик.

И входит — кто бы мог подумать? — мой родной отец. Состарился, борода седая, но вид бодрый. Поставил в уголлок кожаную сумку, разделся не торопясь.

— Здорово, сын! С девятнадцатого не виделась.

В это время заглянула Шура Державинская.

— Здравствуйте! Лаврика не видал? — В руке у нее сверток.

Шура Державинская служила в детском доме в Старой Слободке, всегда делилась своим пайком с особенно нуждающимися, вероятно, для этого ей и понадобился Лаврик Тараканов.

— Сейчас только был здесь, — ответил я на ее вопрос.

— Извините! — И ушла.

— Хороша деваха! — проговорил отец вслед девушке. — Тебе бы такую.

Как покажет время — напороочил старик.

— Знаю, что у тебя угощения нет, — сказал отец. — Да и предусмотрел. — И выложил из сумки на стол полкаравай ржаного хлеба, сахарок, три луковицы, соль в тряпочке, кусок мяса и бутылочку.

— Говядину сразу сунь за окошко, а то испортится.

Я последовал совету — положил мясо между створками окна. Сбегал за кипятком.

До позднего вечера мы проговорили о житье-бытье. Отец сокрушался:

— Гляжу я на вас — и жалость берет. Ты худой-худой, но еще парень бравый, а тот, что меня привел? Как на земле держится? Изголодались ребята.

Прогорели дрова в печке. Я закрыл трубу. Легли спать. Только-только уснул, а отец меня будит:

— Гляди, что делается.

Из наружной рамы кто-то вынимал стекло. Я бросился на улицу, но не успел — ворюга с украденным мясом скрылся в темной улице. Пришлось дыру заткнуть подушкой и досыпать беспокойную ночь.

Утром отец успокаивал:

— Может быть, какой-нибудь голодный. А я тебе вареного мяса привезу. Скоро приеду в управление путей. К весне команду набираю.

Оказалось, что отец по-прежнему служит старшиной карчеподъемницы номер восемнадцать.

— Первое дело, хотелось с тобой повидаться. Да я приехал к тебе не только для этого... Что думаешь летом делать?

— Может быть, домой поеду.

— Дома и без нас справляются. Иди ко мне на карчеподъемницу. По полой воде нас уведут до Кая-городка в самые верховья. Грибы, ягоды, сохатые, медведи — все, что хочешь. Поправишься, тогда и жениться можно, — пошутил отец.

Предложение было заманчиво. Действительно, можно отдохнуть на Каме от всех треволнений, сил набраться. Я согласился с отцовским предложением.

— Приезжай в конце апреля, до ледохода, в Королевский затон. Позже через Чусовую не перебраться.

Проводил я отца до вокзала. В ожидании поезда на Левшино он выговаривал мне:

— Твои деды служили на реке, я с детства на Каме, а ты, бурлацкий наследник, чуть было не стал изменщиком нашей кормилицы Камы... Ладно, поезд подходит. Тебе на днях харчей привезу. До скорого свидания.

Еще несколько раз приезжал ко мне отец. Я показал ему наши мастерские, познакомил с товарищами. Они наброски с него сделали.

— Похож! Ей-богу, похож, — восхищался отец. — Молодцы! Приезжайте к нам на реку. У нас есть такие бородачи, что срисовывать их любо-дорого!

Прошел учебный год. До сентября двадцать второго года я свободен! Теперь — «грудью вперед браво!» — в бой с карчами и прочим мусором, засоряющим русло могучей реки!

9. Камские верховья

Чтобы подготовить своевременный выход судов, в затоне взрывают лед. И кажется, что ты не на берегу мирной реки, а в контрнаступлении на врага, и грохочут наши трехдюймовки. Кто побывал на войне, никогда этого не забудет.

Карчеподъемница уже выведена в устье затона. Команда из «зимовок» перебралась на судно. Из трубы камбуза вьется уютный дымок.

Среди матросов оказались мои земляки: Иван Дудин из Тупицы, Петр Громыхалов из Плотниковой. В каюте вместо нар — отдельные койки с казенным постельным бельем. Можно отдыхать по-человечески, не то что при царе.

Мы грузили такелаж, запасались продуктами. Путь далек. Вначале на север, затем — на юг, до старинного Кайгородка Вятской губернии.

Плыл последний хлипкий лед, когда карчеподъемницу буксирный пароходик вывел на Каму.

Широко она разлилась, затопила луга, кустарники, леса на низких местах, прибрежные поселки.

Шли только в дневное время, ночами становились на якорь или, где возможно, приставали к берегу.

В теплые вечера обе команды — наша и пароходская — выходили на поляны и веселились до утра: ночи-то были короткие. Вместе заготавливали дрова для топок парохода.

Стоишь, бывало, на вахте и любишь: «Пароходик спереди, словно брошка на груди». Цветут полузатопленные вербы. Над рекой стаи перелетных птиц, в лесу глухарки токуют, резвятся белки. В чащобе трещит сухой бурелом — гуляет хозяин пармы мишка косолапый. В одном месте удалось увидеть переплывающую через реку парочку сохатых.

По берегам сплошные заросли, закрывающие горизонт. Не видно ни восхода, ни заката солнца. Поселки верст за сто один от другого. Редко встречается человек — для зверя и птицы полное, безопасное раздолье.

Дошли до села Пятигоры (на севере нынешнего Коми-Пермяцкого автономного округа). Над селом колокольный звон.

— Видно, люди в Пятигорах шибко верующие? — спросил я у председателя местного исполкома Караваева, когда явился к нему за нарядом на продукты.

— Да нет, — ответил он. — По привычке ходят в церковь и для смеху. У нас служит женщина — попадья. Муж ее скончался. Веселое дело — баба в алтаре.

И дернуло меня рассказать об этом на карчеподъемнице.

— Поглядим, как баба обедню служит! — И матросы гурьбой отправились в церковь.

Сколько шуток, смеха было после посещения ими православного спектакля!

— Женщина в ризе! Сроду не бывало.

— А на ногах-то лапти!

— Полное равноправие...

— Ей бы надо замуж выходить, не старая еще, а она в Христовы невесты записалась...

Наконец добрались до места назначения. Кай-городок стоит на высоком левом берегу Камы. Рядом поля. На межах, в больших гудах, выпаханые из земли «чертовы пальцы». Подобные окаменелости я только в музеях видал.

Жители почти все рыболовы. На берегу, в огородах, сушатся «витили».

Мы с отцом захватили с собой несколько пачек махорки. Оказалось, что местные жители в ней не нуждаются — разводят себе в огородах знаменитый «турецкий» табак.

— Если бы знать, надо бы в Кай шарниры, шпингалеты привезти. Видишь, кругом строятся, а навешивать рамы, ворота не на что. Ты, Александр, не умеешь делать навесы? — говорит отец.

— Умею, — ответил я. — Материал надо.

— Гильзы от снарядов есть в трюме. Помнишь, в Мотовилихе снаряды поднимали? Может быть, сгодятся? — спросил отец.

— В самый раз!

Нашлись на карчеподъемнице и инструменты: пара зубильев, бородки, молотки. Больше и ничего не надо.

Дни стояли теплые. Можно на палубе слесарить. Вместо наковальни я приспособил на корме старый якорь. И пошла работа.

Не стало отбоя от заказчиков. Пришлось очередь установить. За работу несли хлеб, муку, овощи, мясо, рыбу. Все, что хочешь, возьми. Только, будь ласков, сделай шарниры, пожалуйста. Давали табак. Пермскую махорку я за борт выбросил — кайский табачок в сто раз лучше. Местный священник променял мне за два десятка шарниров не старую еще рыбацкую лодку.

Израсходовав всю латунь, я перешел на изготовление из канатной проволоки крючков для шашковых снастей. Сто крючков за пуд зерна.

Река быстро пошла на убыль. Буксир с нашими письмами к родным отвалил от берега гостеприимного Кайгородка. И мы отплыли верст на двадцать вниз и занялись очисткой дна реки от карчей.

Для меня и моих земляков это была знакомая работа, но на судне находились новички — молодые ребята, впервые попавшие на карчеподъемницу. Зацепим, бывало, карчу, поднимаем ее, а они с любопытством — не до работы! — наблюдают, какое чудище покажется из воды. Когда спливали нависшие над водой деревья, я их близко не подпускал — задавит неосторожных падающая лесина. Все они — старшему восемнадцать, — однако, старательно выполняли все, что им велели делать.

В дождливую погоду, в сильный ветер работать было невозможно. Матросы собирали грибы, ловили рыбу. На плесе Кильгимы, около Гайн, мы с отцом ставили шашковые снасти. Ловилась замечательно золотая стерлядь. Мелочь — «веретешки» — мы отпускали обратно в реку, брали только крупную, фунтов до десяти. Ежедневно для команды варилась стерляжья уха.

Все бы хорошо, да в июле напал на нас кровопийный гнус. На работе смазывались дегтем, на отдыхе в каютах жгли гнилушки, отпугивая едким дымом комаров и мошек. Но все это мало помогало.

В конце августа я получил расчет. А как плыть в Пермь? Пассажи́рские пароходы в верховья не ходили — только в весенний разлив. Решился плыть на лодке, что заработал у кайского священника.

Погрузил свое барахло, простился с товарищами и пустился вниз по Каме.

Тихо и пустынно. Редко-редко пройдет «горчица» — деревянный буксирик. Встречались лодки мешочников. Предприимчивые спекулянты везли в верховья соль, краденную и Усолье, и разные побрякушки, чтобы обменять их на продукты.

Моросил первый осенний дождик. Уже неделю солнышка не видно. На остановках приходилось сооружать шалаши. Я удил мелкую рыбешку, на ночь расставлял жерлицы. И всегда был с крупной рыбой. А как аппетитна свежая уха с сухарями на чистом воздухе!

Однажды рано утром я объезжал на лодке жерлицы. Осмотрев самую дальнюю и сняв с нее крупного окуня, заметил вдруг, что у шалаша кто-то копошится. Присмотрелся — и в дрожь меня бросило. На высоком яру топталась медведица, а два игривых медвежонок громили мое хозяйство.

Что будешь делать? Потянул по реке ветерок. Медведица учуяла запах человека и скрылась в лесу.

Обождав полчаса, я осторожно подплыл к лагерю. Под кучей пихтовых прутьев разрушенного шалаша кто-то отчаянно барахтался. «Медвежонок», — мелькнула догадка. Вдруг медведица вернется за детенышем? Я резко оттолкнулся от берега, доплыл до середины реки. Только тут остановился.

Медведица не возвращалась. Осмелев, вернулся на стоянку и стал лихорадочно разбирать разрушенный шалаш. Медвежонок, опутанный шнурами перемета, лежал без движения. Я перетащил его в лодку. Спешно погрузил все, что осталось от разгрома, спустился верст на двадцать вниз по реке от этого места, махнув на все свои, еще не рассмотренные, жерлицы.

Причалил на открытом месте, набрал хворосту, развел костер. Медвежонок бился и визжал, когда я стал его распутывать. Изранил себе руки острыми крючками, изрезал ножом перемет. Высвободил медвежонок и, привязав его к колу, стал варить уху из единственного окуня, снятого утром с жерлицы.

Прошло двое суток. Медвежонок дичился, ничего не ел.

Я стал беспокоиться, как бы он с голоду не погиб. Раскаивался, что отнял его от матери. Надо было бы его в лес отпустить. Вспомнились рассказы о медведях-рыболовах. Вынул из садка маленького язенка и бросил медвежонку. Он проглотил его живьем.

Через несколько дней медвежонок стал совсем ручным. Беспреданно играл, как щенок, бегал за мной по пятам. Мы вместе с ним ставили и осматривали сохранившиеся рыболовные снасти. Вид у звереныша был такой смешной, что казалось, он и в самом деле мне помогает. В холодные ночи мы спали с ним в обнимку. Назвал я его Степкой. До того он был прожорлив, что у нас в скором времени вышли все сухари. Однажды Степка растерзал мешочек с солью. Пришлось грузиться в лодку и быстренько плыть в надежде на удачный поиск. Без соли жить не будешь!

В первой деревне, куда мы пристали, выйти не удалось. Со всех сторон к лодке набежали собаки и подняли такой лай и вой, что хоть уши затыкай. Под собачий концерт мы оставили негостеприимный берег. На ночь остановились в безлюдном месте.

Утром реку заволокло первым осенним туманом, а костер за ночь прогорел. Натыкаясь в белесой мгле на пни и кочки, я стал торопливо собирать хворост. Неся полную охапку прутьев, с трудом добрался до ночлега — из-за тумана за три шага ничего не было видно. Позвал Степку, медвежонок не откликнулся. Поднял плащ, под которым с вечера спал медвежонок, — и тут его не оказалось.

Кричал, звал. Когда ветер разогнал туман, я обшарил прибрежные кустарники, сходил на лесную опушку. И все напрасно. Я уже не сомневался, что зверь, почуяв свободу, ушел в тайгу. Сел в лодку и поплыл в низовья. Уже в одиночестве.

На пристани Тюлькино все оставшиеся у меня рыболовные снасти я променял на соль и картошку. Благополучно доплыл до Слудки, лодку сдал на хранение знакомому бакенщику и на пароходе уехал в город.

10. Шура Державинская

Художественные мастерские, реорганизованные в техникум в 1923 году, перевели в другое помещение — в Дом техникумов, а старое занял банк. И я оказался без квартиры.

Для иногородних студентов в заброшенном доме на Обвинской улице открыли общежитие. Меня и направили туда.

Прошел через пустой двор, поднялся по разбитой лестнице на крыльцо, распахнул дверь и отшатнулся — по ногам пробежали два хомяка.

Большая, но темная прихожая. Единственное окно забито досками. Направо — обшарпанная дверь. Постучал.

— Входите! — услышал приглашение.

Вхожу. Навстречу — русский молодой человек. Одет опрятно. Лицо бледное, на лбу глубокие морщины.

— Виктор Зуев, — отрекомендовался он.

— Спешилов, — сказал я, пожимая его руку. — К тебе послали на квартиру.

— Радуюсь! Надоело одному с хомяками воевать.

Я заметил, что высоко на стене висит на гвоздике сумка.

— Продукты. От грызунов подвешиваю, — объяснил Виктор.

В углу — большая печь-голландка. На фасаде написана клеевыми красками фигура Христа во весь рост. У печки — «голая» железная кровать.

— Занимай, товарищ, это место... Я, собственно, на службе в учительском институте, вроде уборщицы. Мне на дежурство. До вечера... Вот ключ от комнаты.

Всю неделю я приводил в порядок нашу комнату. Забил деревянными пробками дыры в полу, под дверью сделал порожек — загородил грызунам дорогу в комнату, сменил разбитое стекло в комнате. Достал известки и закрасил Иисуса Христа.

В соседней комнате жили девчата. В техникуме жизнерадостные, а в общежитии их не слышно, не видно. Заглянул к ним. Лежат вчетвером, каждая на своей кровати. Закутались с головой в одеяла, сверху пальто. Под потолком — тусклая электролампочка.

Скреблись под полом мыши.

— Что с вами? Враз захворали, что ли?

Самая младшая — Могильникова — освободила лицо от одеяла.

— Голова кружится.

— У всех? — спросил, недоумевая.

— Ага. Есть хочется, и холодно.

Действительно, прохладно в комнате. Взглянул на окно — рама без стекла.

Выбежал во двор, чтобы найти хоть щепки какие — печку истопить. В темноте увидел Шуру Державинскую. Вытащила доску из забора и ломает ее на части.

— Что делаешь? — спрашиваю.

— Девчонки мерзнут. Хочу печку истопить, чтобы согрелись.

Пришлось взять за бока техникумовского хозяйственника. Во двор общежития завезли дрова, в комнате девушек сделали ремонт.

Трудно было жить девчатам на мизерном пайке. Помогала им Державинская, но всех не прокормишь.

Стали организованно брать и выполнять заказы: чертить диаграммы, писать лозунги, рисовать портреты. Вася Кобелев достал большой заказ в университете — нарисовать акварелью альбом бабочек, жучков, паучков, шмелей, пчел и прочих козявок. Довольно скучная мелкая работа, но хорошо оплачивается. Девушки выполняли ее с удовольствием, тщательно и отлично.

С начала учебного года нам стали выдавать стипендии.

В Доме техникумов разместились три учебных заведения: педагогический, промышленно-экономический и наш, художественный. Мы получили просторные классы, помещения для литографии, для мастерских. Стало возможным увеличить прием студентов в два-три раза.

Объединились комсомольские организации, утроились культурные силы. Стало легче проводить массовую работу.

Я продолжал руководить вечерними курсами и учиться на декоративном отделении. Был общественником — членом исполнительного бюро студентов техникума.

Большую работу в бюро выполняла комиссия по труду — трудком. Бесчисленные заботы легли на плечи членов трудкома: заготовка дров, оборудование кабинетов, прием заказов на литографские работы, приведение в порядок помещений, даже мытье полов. Трудком был защитником интересов студентов, а в хозяйственном обслуживании — правой рукой администрации.

Руководила трудкомом студентка Шура Державинская. Это хороший организатор, умевший в любой работе показывать личный пример. Она и училась отлично, успешно занималась литографией, активно участвовала в художественной самодеятельности, руководила кружками в пионерском клубе «Муравейник». Как было не обратить на нее внимание!

Я мог с любой девушкой пошутить, но Державинской стеснялся, как мальчишка.

Однажды мой товарищ по учебе Валя Цельмер пригласил меня в выходной день к себе в гости. Я знал, что отец Вали Дмитрий Янович Цельмер — старый инженер, мать Вера Яковлевна — журналистка и медицинский работник. Семья интеллигентная.

Я и пришел к ним. Квартира хорошая. Мягкая мебель, на стенах картины, на полках много книг.

Меня пригласили за стол. На столе самовар, закуски. Хозяйка разливает чай, хозяин щипцами колет сахар.

Эх, давненько я не бывал в домашней обстановке!

— Вам нравится наша квартира? — заметив мои восхищенные взгляды, спросил Дмитрий Янович.

— Очень! — ответил я.

Вера Яковлевна принесла варенье.

— Кухня у нас в нижнем этаже, как в хорошем доме, — объяснила она.

— Пока — избавление от кухонных запахов, а когда состаришься, не особенно набегаешь вниз и вверх, — пошутил хозяин.

— Я не буду стариться, — ответила Вера Яковлевна. — А ты уже старичок. У тебя в бороде нити белые.

Дмитрий Янович по виду типичный старый заводской инженер. В хорошей тройке, при галстукке, бородка клинышком.

После чаепития он широким жестом пригласил меня в свой кабинет.

Было слышно, как заботливая мать кормила своего сухопарого сынка:

— Масло сливочное... Сами не едим, все тебе. Кушай, говорю!

— Противно! Невкусно!

Отец постучал в дверь. В столовой замолчали.

— Мы пригласили вас по такому случаю, — начал хозяин, усадив меня рядом с собой на диван. — Через несколько месяцев закончите техникум. Надо дальше учиться. Нам известно, что у вас, как и у Валентина, нет законченного среднего образования. Предлагаю свои услуги быть вашим репетитором. Обоих подготовлю к сдаче экзаменов за среднюю школу.

— Спасибо, Дмитрий Янович. Так неожиданно, но я очень рад.

— Будете заниматься вместе с Валентином. Он, знаете, плохо организован, единственный сын, — забаловали. Вы для него авторитет. Он много о вас рассказывал положительного. И жить переходите к нам.

— К вам на квартиру? — удивился я. — Это для вас неудобно.

— Да, да! К нам, и очень удобно. Квартира большая, места хватит. О столе с вами договорится Вера Яковлевна. Завтра жду вас, мой милый квартирант. Завтра же!

На следующий день я перебрался к Цельмерам.

Первое время у нас занятия шли нормально. Дмитрий Янович, человек с большой эрудицией, оказался замечательным репетитором. Так заинтересовал меня точными науками, что я подумывал: «А не стать ли мне математиком?»

Затем Валя стал симулировать. То у него зубы заболят, то голова кружится, то в литографии срочный заказ, то выдуманная репетиция. Как говорится, у Федорки всегда отговорки.

— Ты меня подводишь, — говорил я ему. — Живу у вас, чтобы заниматься вместе, а ты валяешь дурака. Ну и черт с тобой! Уйду на другую квартиру.

Однажды решил он поговорить со мной по душам, «как мужчина с женщиной»:

— Ничего на ум не идет. Техникум опротивел... Влюбился я...

— Интересно! В кого же ты влюбился?

— В девчонку, в Державинскую. Даже во сне вижу. Сто раз говорил ей: «Люблю, люблю», — а она нос воротит. Посоветуй.

— В таком деле я не советчик, Валя, но мне кажется, что «силой милому не быть».

Старшие Цельмеры относились ко мне, как к члену своей семьи, а я переживал, что никак не могу повлиять на младшего, чтобы он наконец серьезно занялся учебой. Выходит, что не оправдываю надежды его родителей. Решил объясниться с Верой Яковлевной.

— Вы скромный молодой человек, и нам нравится, лучшего товарища для Вали не найти. Мы вас никуда не отпустим. Во всем виновата Державинская. Не хочет сын заниматься — не велика беда, все успеется. Хуже, если ребенок получится. Тогда что? Поговорите с Державинской, чтобы она оставила мальчика в покое.

— Не замечал, чтобы она нарушала покой вашего сына. Это его глупая фантазия. Сами с ней поговорите, если считаете нужным, Вера Яковлевна, — ответил я.

11. И «окружили парня молодого»

Близкими подругами у Державинской были Люся Будрина и Таня Волкова. Люся высокая, черноволосая, с коричневым загаром на лице. Таня, в противоположность ей, среднего роста, худенькая, белолицая, очень добрая — младшая сестра художницы Евстолии Ивановны, жены Петра Ивановича Субботина-Пермяка.

Получилось как-то, что я сдружился с этой троицей. Иногда собирались вместе, гуляли по городу, рисовали этюды на речке Егошихе (тогда она светлей была и даже рыбной). По берегам грибные леса, чудесные кустарники и много серебристых ключей.

Однажды Шура Державинская на занятия не пришла. Я забеспокоился, спросил Таню:

— Что с Шурой, не знаешь?

— Заболела. Лежит в жару и тебя вспоминает... Ну и хитрый ты, Спешиллов.

— Сходим к ней. Сегодня же.

Вечером, до начала моих занятий на курсах, я с Таней пошел навестить больную. Она жила вместе с сестрой Граней в небольшой комнате в железнодорожном доме недалеко от Набережной улицы.

Весна. Тепло. На верхушках старых тополей с веселыми криками строят гнезда грачи.

Вот и квартира Державинских. Прошли по длинному коридору, постучали в дверь их комнаты. Встретила Граня — хрупкая, маленькая, почти девочка. Шура лежит на кровати, мелко дрожит, как на холоде, а на лбу капли пота.

— Заболела? Да? — спросил тревожно.

— Малярия, — полушепотом сказала Шура.

Я на столике увидел рецепт.

— Граня! Немедленно в аптеку.

Та взяла рецепт и убежала.

Я снял с вешалки все, что было теплого: пальто, шубки, — и плотно закутал больную. Она перестала дрожать и, казалось, уснула.

— Я побегу, а ты посиди до прихода Грани, — проговорила Таня и оставила нас вдвоем.

Сидел я на стуле у кровати и, наклонившись, с жалостью глядел на осунувшееся лицо девушки. Вдруг она открыла глаза, приподнялась на подушке, обвила мою шею руками и заплакала. В эту минуту вбежала Граня. Я от смущения проговорил, что мне пришло в голову:

— Она плачет...

Вскоре Шура выздоровела. Я почти ежедневно стал навещать ее. И случилось непредвиденное.

Как-то засиделся у нее до полуночи. Чтобы не тревожить соседей по квартире, выпрыгнул на улицу через окно и попал в объятия ночного сторожа. Растерялся от неожиданности, а сторож орет на всю улицу:

— Ко мне! Вора поймал! Вора! — Прибежал с колодушкой сторож из соседнего квартала. Мне скрутили руки за спиной.

— Бить таких надо! Для чего в чужой дом забрался? Рассказывай!

Что я мог рассказать? Правду? Девушку подведу. Сказать, что вор, бить будут: сторожа — мужики здоровенные.

— Ведите в милицию. Там все расскажу.

— И сведем, не беспокойся.

Сторожа привели меня в отделение милиции, где помощником начальника служил мой земляк, ветеран гражданской войны Леонид Лобов.

Пришлось до утра продремать в дежурке, пока не пришел Лобов.

— Здравия желаю! Ты что здесь делаешь, Спешилов?

— Этот гражданин квартиру обворовал, — доложил дежурный, кивая на меня.

— Не болтай, чего не положено. Пошли ко мне, Спешилов.

Пришлось все рассказать Леониду Лобову. Он до слез расхохотался:

— Любовь не картошка — не бросишь за окошко. А ты сам в окошко выскочил!..

В техникуме шли суды да пересуды. Девушка из Кудымкара Маша Черная стала учить меня уму-разуму:

— Тебе не пара Державинская. Худая, как червячок.

Татьяна Волкова, наоборот, очень одобряла нашу дружбу, советовала:

— Женись, Спешилов, на Державинской. Она лучше всех.

Разговоры, советы со всех сторон, а у меня о женитьбе пока и мысли не было.

Однажды после очередной прогулки на Егошиху пришел домой веселый и приятно уставший. Разговорился с Вале́й Цельмером.

— Не завидую тебе, Спешилов. Огрызки собираешь.

— Не понимаю.

— Не трудно понять... Мои огрызки. Шурка два года со мной таскалась.

Кровь ударила мне в голову.

— Повтори, что сказал!

— Потаскуха!

Как тут выдержать! Пришлось рукам волю дать и... переезжать на другую квартиру.

В июле 1924 года я получил свидетельство об окончании Пермского художественного техникума по декоративному отделению, похвастался Шуре Державинской, и у меня вырвалось невзначай:

— Зарегистрируемся, Шура?..

Ответом был ее горячий поцелуй.

Я решил показать невесту своим родным. И привез ее в деревню.

Когда мы шли с пристани по широкой меже в Тупицу, нас с горы увидели сестренки Капа и Валя и припустились навстречу. По дороге Валя тихонько спросила:

— Это кто в шелковье? В гости к нам?

— В гости. Моя невеста...

Девчата бегом пустились в деревню. Бежали и кричали:

— Саня приехал! С невестой! — Всех на угоре переполошили.

Встретила нас бабушка Мария. Мать была в поле: началась уборка ржи. Я познакомил бабушку с невестой.

— Правильную, Саня, выбрал подружку. Из Елабуги, значит, с Камы, родная деваха. — И пошла хлопотать на кухне, чтобы приготовить угощение. Девчонки побежали за мамой.

Явилась мать. Так с серпом в руке и в избу вошла.

— Здравствуй, сынок! — и обняла меня. — Девчушки рассказали, с кем ты домой приехал... Здравствуй, доченька! Не обессудь, что живем по-деревенски.

Шура сразу почувствовала себя как дома. Помогла бабушке Марии вытащить чугу́н из печки. А потом убежала с сестренками в огород за овощами.

Слухом земля полнится. Приплелся Яков Степанович. — Доброго здоровья, дружок! Женишься, говорят. А с кем же я буду рыбку ловить? Ждал-ждал дружка, а ты, вижу, деваху забуксировал. Не отпустит она тебя со мной рыбачить. — Старик вытащил из кармана старый холщовый кисет. — Давай покурим. Значит, отрыбачились. Не отпустит она тебя. Да!

Шура по моим рассказам знала старого рыбака и говорит:

— Я сама пойду с вами рыбачить.

— Нет! — возразил Яков Степанович. — С бабами не рыбалка! Вся рыба со страху в море убежит. Да!

— Ладно, — сказала Шура. — Ловите рыбу без меня. А тебе, Яков Степанович, я сошью новый кисет, шелковый.

— Поклон тебе за это. Только никому не сказывай. Миколаича я знаю — последнюю ногу мне может покалечить. Да!

Утром, когда высохла роса, пошли жать рожь. Шуре дали самый лучший серп. Она поднесла его к глазам и удивилась:

— Ой! Да он с зубчиками.

А в поле быстро освоилась с нехитрой работой, от других не отставала, вызывая одобрение у матери:

— Как ты, Саня, нашел такую? Городская, а смотри, как жнет, как жнет! Не хуже деревенской девки.

Постепенно Шура взяла в свои руки все домашнее хозяйство: варила, мыла, даже стряпала, что и матери нашей бабушка Мария не доверяла. Оставалось старушке только корову доить.

Шура сшила сестренкам длинные цветастые платья и... кисет Якову Степановичу.

Незаметно пролетели летние деньки. Шуре надо было ехать в город, заканчивать образование в техникуме, а мне — устраиваться на работу.

Пообещались мы на все следующее лето приехать в деревню и простились с родными.

В августе 1924 года близкие друзья собрались к нам на праздник и... «окружили парня молодого».

ЧАСТЬ ПЯТАЯ

1. Зоя Александровна Будрина

Зоя Александровна Будрина с давних пор была известна в Перми как активный работник культуры, много лет трудилась она в библиотеках и клубах города. На вид она совсем незаметная, маленького роста, на редкость энергичная, жизнерадостная, с большим сердцем. При царизме и при Колчаке подвергалась репрессиям. Не любила вспоминать прошлые черные дни. Беззаветно отдавалась воспитанию рабочей молодежи.

И у нас, в художественном техникуме, Зоя Александровна была желанной гостьей, часто посещала наши выставки и вечера.

Я с благодарностью принял ее приглашение поступить в совпартшколу клубным инструктором. Зоя Александровна, когда я пришел к ней, стала объяснять, что я должен буду делать, чем руководить.

— Клуб молодой. Придется все начинать сначала. У нас есть художники — будете руководить кружком ИЗО. В каникулы курсанты выезжают на село со спектаклями, значит, надо организовать драматический кружок.

Дальше я узнал, что в школе есть ребята, пишущие стихи, прозаики. Многие печатаются в местных газетах. Следовательно, необходим еще и литературный кружок.

— У нас хороший актив, только его надо объединить, — говорила Зоя Александровна. — Вы сумеете это сделать — вас я еще с художественных мастерских знаю как массовика. Теперь вы декоратор по образованию, поэт по званию...

Я пытался прервать Зою Александровну, но она говорила так быстро, что не остановишь:

— Приступайте к работе, Шурон. Извините, что я так вас называю.

Так я стал инструктором клуба Пермской совпартшколы.

Зашла однажды Люся Будрина и предложила:

— У вас тесно. Переезжайте к нам на Ленинскую улицу — в нашем доме освобождается комната. Если не вы, так кто-нибудь другой займет. Я тоже туда к маме из общежития переехала.

Мы послушались хорошего совета и перекочевали на улицу Ленина, 35, где, кстати, жила и Зоя Александровна (Люся ей приходилась племянницей). Забегая вперед, скажу, что мы в этом доме прожили около сорока лет. Здесь родились все наши ребята — сын, три дочери.

У Шуры начался учебный год. С утра до вечера она занималась в техникуме, а я с вечера до полночи, а иногда и до утра — в совпартшколе. Виделись мало.

В творческих кружках клуба объединилось, действительно, немало талантливых ребят. В литературном занимались Миша Субботин, Саша Киселев, Брюхов, Мельников, Малышев, Флегонтов. Душой драматического кружка стал Миша Крашенинников.

Тогда в моде была «Синяя блуза». Мы провели несколько успешных выступлений в городе. Когда перед отъездом в деревню на зимнюю практику репетировали следующий номер «Синей блузы», мои артисты вдруг взбунтовались:

— Разве интересно слушать сельскому зрителю: «Мы — синеблужники, мы — профсоюзники!»? Надо что-то крестьянское, — предложил Крашенинников.

Его поддержали остальные.

Посоветовался с Зоей Александровной.

— Товарищи правы. Для села надо что-то другое... Походите. Сами напишем тексты новой живой газеты и назовем ее... Как назвать?

— «Деревенская пестрядь», — подсказал я.

— Правильно, — согласилась Зоя Александровна.

С новой «живой газетой» мы выступили в Верхних Муллах и во многих других селах.

Зрители принимали «Деревенскую пестрядь» тепло и с большим интересом.

Зоя Александровна поддерживала все наши интересные начинания, всегда присутствовала на занятиях кружков, посещала репетиции. Мы с благодарностью прислушивались к ее ценным указаниям. Ребята не стеснялись обращаться к ней за советами и по сугубо личным вопросам и никогда не получали отказа.

Она часто гостила у нас. Я тогда усиленно трудился над своей книгой «Бурлаки». Буквально с первой странички до последней Зоя Александровна была моей наставницей и доброжелательным критиком.

И мы нередко бывали у нее. В свободные вечера комната Зои Александровны превращалась в домашний литературный клуб. В гости к приветливой хозяйке приходили талантливые ребята: Иван Царегородцев, Миша Крашенинников, Миля Миронова, Наташа Расцветаева, Борис Назаровский, мой личный друг, поэт, журналист Сережа (Саввушка) Гинц и другие.

Споры, чтение стихов, коллективные обсуждения новых литературных произведений, беседы об искусстве — вот что было на наших «посиделках».

Бывал у нас и старый актер Петр Григорьевич Абрамов, современник и знакомый Мамина-Сибиряка. Он читал нам «На дне» Горького. Читал так мастерски, что нам казалось, будто мы сидим не за столом в скромной квартире, а в зале Художественного театра.

Зоя Александровна скончалась в больнице от воспаления легких. Мы, ученики, на руках перенесли ее останки на городское кладбище.

2. Яков Спешиллов

Весной двадцать пятого года Шура окончила художественный техникум по графическому отделению. Мы приехали, как и обещали, на отдых в деревню.

В пустом дровянике я устроил «гнездышко». Прорубил окно, перебрал пол, стены и потолок обил суровым холстом, приколотил вешалку, соорудил кровать и столик.

Сильно смутил меня Яков Степанович. Пришел, поглядел и заявил:

— Эх, ма! Перегрузил ты баржу, Миколаич.

Я ничего не понял. Когда вечером мы устраивались на отдых, Шура сообщила мне свою тайну.

Бабушка Мария не давала будущей матери и шага лишнего ступить. Я дрожал за нее, как за хрупкое стеклышко: «Не оступись, не разбейся». Сон потерял и покой. Спасибо нашей матери. Успокоила нас:

— Ты, Саня, ничего не понимаешь. Тебя я на работе родила, а после еще пятерых. Шуре все можно делать, только не через силу. Если только спать да лениться, такое вырастет дитё, что и не разродиться.

В свободное время я занялся рыбной ловлей. Шура, как и в прошлом году, стала помогать бабушке Марии в хозяйстве.

Осенью мы возвратились в Пермь. У нас на столе скопилось много нечитанных газет. Стал просматривать их и в газете «Страда» обратил внимание на интересную заметку и прочитал ее вслух:

«Всю весну ждали деревенские ребята приезда своего знаменитого земляка, зная, что он и художник, и стихотворения сочиняет. Пришли к нему кто с рисунками, кто со стихами. Он вышел за ворота с девушкой. Извините, говорит, ребята. Мне некогда, и взял свою подружку «под крендель». А позади был слышен ропот: «Нас на бабу променял».

— Шура! Это ведь про нас написано.

Стали припоминать. Да, был такой случай. В воскресенье мы направлялись в село по каким-то своим делам, а ко мне пришли друзья: Миша Ракитин, Леня Дудин, начинающий художник из деревни Конец Вася Ракитин и Яков Спешиллов из деревни Плотниковой, мой однофамилец. Мы торопились, поговорить с товарищами времени не было.

— Ясно. Это нас пропечатали. И вполне справедливо. Но кто же автор?

— Вероятно, Яков, — ответил я. — Он мужик писучий, селькор.

С Яковым Григорьевичем я познакомился в восемнадцатом году, когда он возвратился домой с империалистической войны. Это про таких стихи:

На войну ушел солдатом,
Вышел ярым коммунистом!

Вырос парень, как у нас в деревнях говорится, с «усольскую девку». Длинноногий, но худой, «яко в песке береза возрасти», — то есть, как береза на песке. Бритый, волосы на голове ежиком.

Когда я занимался в комиссариате, Яков Григорьевич служил делопроизводителем земельного отдела, который помещался в доме лесничего на берегу Камы. Выход из отдела через большой двор. Яков Григорьевич вылезал прямо из окна в сторону Камы.

Он был одним из смелых бойцов красногвардейского отряда. Тогда не долго он пробыл в родном краю. После организации регулярной Красной Армии вступил в ее ряды. Снова вернулся домой в 1920 году, после ликвидации колчаковщины. Включился в партийную и общественную работу. Стал селькором губернских газет, посылал материал и в центральные крестьянские газеты.

Вместе с друзьями Ракитиным и Дудиным выписывал все местные газеты, а также некоторые центральные. Подписчики получали их по адресу: «Село Слудка Пермского уезда, «РАСПЕДУ» (Ракитин — Спешилов — Дудин).

Молодость Якова Григорьевича прошла в боях и походах. Но вот настало время мирное, и невольный старый холостяк надумал жениться. Ведь нельзя же всю жизнь провести бобылем!

В годы войны и разрухи обедняла деревня женихами, а невест — хоть пруд пруди!

Яков Григорьевич жених завидный: не гулящий, не пьет, не курит. И не одно женское сердце таяло при виде хотя и пожилого, но бравого молодца.

Ловкие деревенские свашеньки усердно подыскивали для него подходящую невесту. Но когда дело доходило до предложения «руки и сердца», Яков Григорьевич вел себя странно.

Был такой случай. Нахвалили ему хорошую девушку

из деревни Петровой, дочь бывшего капитана. И он в конце концов осмелился, предложил девушке выйти за него замуж. Она лукаво ответила:

— Спасибо, Яков Григорьевич, но пока я несогласная. Я учиться хочу.

— Правильно надумали, Василиса Николаевна, — сказал Яков Григорьевич. — Сперва учиться надо, а замужество потом.

В другой раз одна девушка-переросток кокетливо заявила на его предложение:

— Я старая, мне уже двадцать пять лет. У нас с вами никакой любви не будет. Правда?

— Истинная правда, — ответил Яков. — Никакой любви у нас с вами не будет.

Если Яков Григорьевич, по совету разных тетушек, делал предложение молоденькой девчонке и та прямо говорила ему: «Я тебя в два раза моложе. Не хочу выходить за старика», — Яков Григорьевич нисколько не обижался:

— Верно это. Какая же мы с тобой пара? — А сам думал: «Эх! Легче пуд соли съесть, чем жениться».

В одной из соседних деревень жила богатая семья — старик с женатым сыном. Сын служил помощником капитана на пароходе. Когда зимовал дома, от него никакого покоя не было. В пьяном виде, что было нередко, бил старого отца, зверски издевался над молодой женой. Она, выданная за него волею родителей, торговцев из Ильинского, не видала в совместной жизни даже что-нибудь похожего на счастье.

Однажды муж пришел домой ночью и без всякой причины полез на отца в драку. Старик, защищаясь, вытащил из паза сапожный нож...

Павла Александровна осталась вдовой. С ней-то случайно и встретился Яков Григорьевич. Стали часто видеться. Они поняли друг друга. К обоим пришла запоздалая любовь.

Зажили они хорошо. Павла Александровна поступила в магазин сельского кооператива заведующей. Яков Григорьевич трудился в товариществе по совместной обработке земли (ТОЗ).

В тридцатых годах в районе стали возникать сельскохозяйственные артели. Беднота и середняки Слудки и соседних деревень объединились в колхоз «Зарево». Якова Григорьевича тогда же избрали первым председателем правления.

3. Сергей Вечис

После окончания художественного техникума я был принят в члены профсоюза работников искусств. На окружной конференции в 1925 году и познакомился с артистом цирка Сергеем Вечисом.

Сергей Александрович Сычев — такая его настоящая фамилия — родился в цирке, как его деды и родители. В старые времена — это вечные скитальцы, колесившие по многим городам матушки России. У них никогда не было постоянной прописки, не было постоянного места жительства. Многие из провинциальных циркачей встретили Советскую власть элементарно неграмотными. При царе для них учебных заведений не было.

Сергей с детства зарабатывал свой хлеб. И кем только не привелось ему быть, работая в цирке: мальчиком по уходу за животными, униформистом, акробатом, «клишником» (человек «без костей»), клоуном, воздушным гимнастом, музыкантом-эксцентриком... Чтобы удержаться в цирке, приходилось изобретать все новые и новые номера и программы. Мне хорошо запомнился последний номер братьев Вечис в старом цирке Коромыслова.

У цирка вывешен плакат-анонс: «Внимание! Внимание! В наш цирк прибыли непобедимые гладиаторы из города Рима. Завтра первый смертельный бой! Господа! Все в цирк!»

Билеты на это невиданное представление брали нарасхват. В день представления в зрительном зале не было ни одного свободного места. Галерку заполнили сотни зрителей. Я с большим трудом, несмотря на подзатыльники, протискался к самому барьеру. Шибко было интересно!

Под музыку выходят на манеж гладиаторы — братья Соломон и Сергей Вечис. В те далекие времена артисты часто присваивали себе более звучные фамилии — вот и Сергей «перевернул» свою. (Что говорить об артистах, если даже парикмахеры меняли свои фамилии и имена. Например, в Перми трудился парикмахер «Жан Лаптев из Парижу».)

Итак, выходят гладиаторы в фантастических доспехах: в латах, в котурнах, в пожарных касках. В руках огромные, в два аршина, блестящие мечи-тесаки.

Под барабанный грохот начался бой. Зрители с волнением следили, как переkreщаются грозные мечи, как они сверкают над головами гладиаторов. Вдруг один из них — Сергей — пошатнулся и упал. Другой, Соломон, наступил на

лежащего. Раздались аплодисменты. Победитель окинул взглядом публику, поднял обеими руками свой грозный меч над головой побежденного и... пригвоздил его к земле. Раздались крики ужаса, шум, некоторые из зрительниц попадали в обморок. Потух свет. Публика еще больше заволновалась. Через минуту на балконе оркестра зажглась сильная лампа. Луч осветил место боя. В освещенном круге стояли как ни в чем не бывало невредимые гладиаторы — победитель и побежденный — и раскланивались.

Несколько вечеров бились на арене цирка римские гладиаторы. Затем надо было что-то новое изобретать.

Во время работы в двадцать первой школе мне удалось организовать радиокружок. Никаких деталей, материалов в продаже не было. Для трансформаторов нужен был медный провод. Я на толкучке скупал испорченные электрические звонки и брал провод с них.

Однажды я возвратился с рынка с богатым уловом — удалось достать целую связку звонков, штук десять примерно. В это время навестил меня Сергей Вечис.

— Для чего тебе звонки?

Объяснил, на что они мне нужны.

— Отдай их мне.

— А тебе для чего?

Сергей разложил звонки рядышком, взял карандаш и стал ударять по каждому звонку. Раздался мелодичный звон.

— Слышишь, как поют эти звонки?

— Ну и что?

— Инструмент сделаю музыкальный, электрический. Новый аттракцион.

Через некоторое время он принес нам контрамарки в цирк. И мы с удовольствием прослушали замечательный музыкальный номер Сергея Вечиса.

В январе 1927 года мне удалось собрать радиоприемник. Лампы мне привезли из Москвы, все остальное — самодельное. Сергей для антенны помог мне достать метров пятьдесят медной проволоки.

Мы с Сергеем по приставной лестнице полезли на крышу устанавливать радиомачту. День выходной. На улице много прохожих, во дворе бегали любопытные ребяташки.

Когда работа была закончена, мы сели отдохнуть у печной трубы за ветерком, закурили. Холодно, конечно. Не долго покуришь. Взглянув в последний раз на стройную мачту, спустились к лестнице, а ее... не было. Она у стены противоположного дома. Около нее вертелась ребятня.

— Интересно, как вы, дяденьки, с крыши слезете? Прыгать придется.

— Довольно шалить, ребята. Давайте лестницу, — попросил я.

— Погодите у меня! — крикнул рассерженный мой помощник. — Берегитесь, чертенята! Уши оборву!

Ребята испугались и убежали со двора.

Сергей Вечис снял пальто, встал на конек крыши, прыгнул вниз и, сделав в воздухе сальто, твердо приземлился на тротуаре.

В первые годы Советской власти наш цирк испытывал недостаток кадров. На одном из заседаний окружкома профсоюза Сергей предложил открыть в Перми школу цирковых артистов. Почти все поддержали предложение, а председатель окружкома возразил:

— Где деньги взять? У нас по бюджету такие расходы не предусмотрены.

— Никаких денег не надо, — сказал Вечис. — Буду бесплатно заниматься. Даю слово к весне подготовить группу акробатов.

— Цирку артисты нужны, а не балаганные скоморохи.

Возмущенный, Вечис вскочил с места, встал во весь свой атлетический рост. На щеках заходили желваки.

— Не балагань, Александр Иванович! Удивляюсь, как ты, артист драмы, стал таким профсоюзным бюрократом!

— Что ты, что ты, товарищ Сычев. К слову пришлось. Занимайся своими артистами...

Жизнь в цирке приучила Сергея Вечиса быть изобретательным и настойчивым. Он набрал в свою школу бесприоритетиков и начал готовить молодую смену.

Занимались в цирке, когда манеж был свободен от репетиций и представлений. Ребята учились с большим желанием. Сергей Александрович интересовался и бытом своих учеников. Снабжал их продуктами, раздал им всю лишнюю одежду из личного гардероба. Устроил их на житье в красном уголке окружкома профсоюза, в помещении цирка. Ученики готовы были умереть за учителя — так любили его.

Весной объявили экзамен. В цирке собрались представители общественных организаций, артисты. Ребята программу испытаний выполняли четко и квалифицированно, а она была большая и разнообразная.

В конце, когда молодые артисты — среди них были и девушки, — выстроились перед строгой комиссией, ветеран цирка Силин сказал со слезами на глазах:

— Мне понадобилось десять лет, чтобы добиться таких результатов. Спасибо тебе отеческое, товарищ Сычев, за подготовку такой великолепной смены!

Однажды Сергей явился ко мне с большой папкой рисунков, эскизов, чертежей.

— Что это у тебя? — спросил я. — Что за проекты?

— Я придумал новый аттракцион — электрический волчок. Рисовал, чертил, да не умею я. Помогите, пожалуйста! Ты ведь по-настоящему чертить, рисовать умеешь...

— Что же представляет твой волчок?

— Большой, — видишь, какие размеры? — из стальных труб. Наверху четыре трапеции. Освещается электричеством, вращается электромотором. В это время на трапециях работают артистки. Будет очень красиво... Помогите. Здесь на эскизах у меня все размеры, все рассчитано.

— Кто будет делать волчок?

— Договорился с мастерской Абрашова. Требуют чертежи. Я и пришел с этой просьбой к тебе.

Я согласился помочь товарищу. Несколько дней сидел над чертежами. Получилась интересная ромбовидная конструкция. Волчок опирался на деревянное основание с мотором внутри. Материал — никелированные трубы.

Вечер прекратил работу в цирке. Все дни проводил в мастерской Абрашова. Перешел на иждивение своей жены, тоже артистки цирка, Софьи Александровны.

Абрашов за изготовление конструкции заломил «подходящую» цену.

Через месяц заказ был выполнен. Пора волчок переправлять в цирк, а хозяин заявляет:

— Когда расплатитесь, тогда и забирайте свою машину.

Шли дни. Нетерпеливый хозяин предупредил:

— Если через три дня не рассчитаетесь, волчок будет разобран. Никелированные трубы для другого дела пригодятся. А на вас подам в суд...

Можно было представить состояние Сергея! Все обду-

мано, приглашены артистки, проводится тренировка: на волчке будут работать Софья Вечис и трое девушек.

Как же быть? Хоть бросай все к черту и тайно беги из города от позора.

У Сычевых был мотоцикл, кое-какие вещи. Сергей решил загнать все свое имущество на толкучке и расплатиться с назойливым предпринимателем.

На первое представление я пришел «семейно» — с женой и дочерью.

В первом отделении обычные знакомые номера: «собачки», клоунада, акробатические трюки учеников Сергея Александровича. Мы, да и остальная публика, смотрели работу артистов в этом отделении не очень внимательно. Раздавались довольно жидкие аплодисменты. Все ждали коронный номер, заинтригованные широковещательными афишами: «4 САВ», с рисунками, фотографиями электрического волчка в движении.

Объявили на полчаса перерыв. Зрители разошлись по своим делам: кто в буфет, кто в курилку, кто погулять на свежем воздухе. Я, в числе немногих, остался на месте. Интересно было понаблюдать подготовку волчка к представлению.

Быстро из блестящих деталей рабочие цирка по указаниям Сергея Александровича собрали невиданный волчок. Ажурное сооружение оказалось около пяти метров в высоту.

После третьего звонка зрители заняли места. Потушили общий свет. На волчке ярко вспыхнули гирлянды разноцветных лампочек. Он медленно стал вращаться слева направо. На него вспорхнули четыре артистки. Волчок постепенно набирал скорость. Вот уже стали неразличимы отдельные лампочки, их свет превратился в яркие горизонтальные световые линии. Девушки на трапециях начали показывать свое искусство.

Блеск зеркальных деталей конструкции, феерическое освещение, музыка, красота, грация девушек — все это вызывало восторг и благодарность публики.

Сидевшая рядом с нами пожилая женщина проговорила с восхищением:

— Они, как «анделюшки» — артистки милые!

Конечно, ей неизвестно, что после первого выступления на волчке эти «анделюшки» вынуждены были отдыхать несколько дней, залечивая ушибы и синяки. Красивый, но тяжелый труд циркача даром не достается.

После окончательной отработки номера Сергей Вечис побывал со своим аттракционом в Горьком, Казани и других городах страны, а также за рубежом.

4. На подготовке кадров

Пермскую совпартшколу готовили к переводу в город Оханск. Поэтому в марте 1927 года я перешел на работу в пермскую школу-девятилетку № 21 преподавателем черчения и рисования.

Однажды на заседании педагогического совета преподаватель труда Федор Фердинандович Витте пожаловался на ребячью дисциплину:

— Балуются, не слушаются. Делают разные самострелы, игрушки, рогатки, а задания по программе не выполняют. Бегают, кричат, стружками бросаются. Ничего поделать не могу. Отказываюсь с ними заниматься.

Федор Фердинандович человек в летах, тихонький, спокойный. Этим и пользовались шалуны. Но не отпускать же хорошего работника! Его перевели шефом в производственную столярную мастерскую, которая была при школе. На его место назначили меня, освободив от преподавания рисования. Черчение осталось за мною. По рисованию меня заменил художник Иван Иванович Туранский.

И вот я пришел в учебную мастерскую на приемку инвентаря. Оказалось, что здесь нет ни одной хорошей стамески, ни одного рубанка, ни одной лучковой пилы. А тот инструмент, что имелся, был негоден для работы.

Пришлось несколько дней заниматься ремонтом инструмента. Для него я сделал стеллажи, привел в порядок столярные верстаки.

После звонка на первый урок с криком, шумом вбегают в мастерскую ребята. Не обращая на меня никакого внимания, носятся между верстаками. Пришлось прикрикнуть:

— Куда пришли? Кто вы такие?

— Ученики, — отвечает остроглазая девчушка.

— Не похоже. Неужели вы так же себя ведете, скажем, у меня на уроках черчения?

— Там класс, а здесь мастерская. — Ребята немного остепенились и столпились возле меня.

— Мастерская — такой же учебный класс, и запомните,

что здесь вы не просто ученики, а ученики-рабочие. Вдруг рабочие придут в свой цех и поднимут такой же тарарам? Что получится?

Ребята успокоились. Я начал урок. Познакомил их для начала с простейшими приемами владения инструментом: как строгать, долбить, резать стамеской, как точить, направлять инструмент. Два часа занятий прошли незаметно.

После звонка один паренек, Жора Башаркевич, спрашивает:

— Ружья можно делать в мастерской?

— Для чего?

— А так. Играть.

— Будем и ружья делать, деревянные, только не для того, чтобы играть, а для военного кабинета...

Учащиеся быстро освоились с новыми порядками в мастерской. Уроки труда стали для них любимыми, интересными.

Школе оказывал помощь в ремонте, снабжении материалами мастерских наш шеф — деревообделочный завод имени Емшанова. По договоренности с его руководством мы часть занятий решили перенести непосредственно в цех. Учащиеся приняли эту идею с энтузиазмом, каждый день спрашивали, когда же начнем ходить на завод.

И настал желанный день. Мальчишки и девчонки из седьмого класса — около сорока человек — к семи утра собрались в школе. По команде комсомольца Гриши Выгона ребята пешим порядком отправились на завод.

Было еще темно. Тротуары в снегу. Подмораживало. Ребята не замечали неудобств. Ведь они спешили не куда-нибудь, а на настоящий завод, многие — впервые в жизни.

У ярко освещенной проходной ребята выстроились в очередь, пожилой вахтер стал пропускать их, сверяясь со списком, в заводской двор.

У лесопильного цеха встретил нас мастер Попов, провел в помещение. Здесь гудела огромная машина. Через барабаны с шелестом бежали куда-то вверх широченные ремни.

— Это машинное отделение, — объяснил мастер. — Идем в лесопилку. Только осторожно.

Ученики, озираясь на страшные ремни, молча, один за другим, вслед за мастером поднялись в лесопильное отделение. И были сразу оглушены грохотом четырех лесопильных станков.

Ритмично — вверх и вниз — «летали» блестящие пилы.

Рабочие направляли на катках толстые бревна. В древесину с визгом вгрызались острые зубья пил. С другой стороны стана выкатывалось распиленное бревно. Молча любовались мои ученики работой машины. Притихли наши, даже известные, шалуны и торопыги. Один паренек высказался:

— Можно маршировать под музыку лесопильных машин: «Раз-два! Раз-два!»

В следующем отделении две, поставленные параллельно, дисковые пилы кромили доски. Очень интересно! Рабочие направят между ними длинную доску с корявыми кромками, а из-под круглых пил она выходит ровно обработанной. А дальше, при помощи приспособлений, ее транспортируют в сушилку.

Из лесопильного нас повели в станковый цех.

Подшли к первому — долбежному — станку. Станочник приспособит деталь на плиту станка, дернет за рукоять, быстро-быстро заработает механическое долото, и квадратное отверстие готово.

Завод имени Емшанова железнодорожный, изготавливал детали для вагонов, железнодорожных построек. Для вагонных стенок требовалась фигурная филенка.

В конце цеха гремел резцами строгальный станок. В него вкладывали неструганую доску, которую захватывали стальные резки. Минута — и выходила наружу со всех сторон гладко оструганная филенка.

Чудеса в станочном цехе! Не у одного паренька или девчонки голова кружилась, возникало желание самостоятельно поработать на удивительных станках, что в дальнейшем и осуществилось.

В верхнем этаже цеха столяры из деталей собирали готовые изделия: оконные рамы, дверные полотна и прочее. Здесь такие же верстаки, как и у нас в школе. Так же пахло столярным клеем, древесной стружкой.

Вскоре многие ребята стали дисциплинированной, научились самостоятельно работать на некоторых простых станках, получили первую трудовую закалку, стали лучше учиться по общеобразовательным предметам.

5. «Муравьи»

Среди моих воспитанников было немало хороших ребят. В числе их Павел Праведников, Рудник, Галя Стрелкова, Мира Семенова. Многие стали учеными, инженерами, воен-

ными специалистами, квалифицированными рабочими, многие героически сражались на фронтах Великой Отечественной войны.

Одним из самых моих любимых учеников был пионер Додя Соколовский.

В 1919 году девятилетний мальчик Соколовский был принят в детский клуб «Муравейник» в Перми. В здании клуба размещалась школа (теперь я здесь работал по совместительству). Она органически сливалась с клубом, так же, как и клуб, называлась «Муравейником».

В ноябре 1922 года в «Муравейнике» был создан пионерский отряд, один из первых в городе. Затем появились отряды в Старой Слободке, Мотовилихе. «Муравейник» стал центром пионерского движения в Перми.

Чем же занимались пионеры, в частности наши «муравьи»? Главным было — отличная учеба в школе. Дальше — занятия в мастерских, кружках художественной самодеятельности. Каждый хотел быть артистом или художником. Додик Соколовский заинтересовался музыкой — начал учиться играть на пианино. Дома инструмента не было. Домашние задания приходилось выполнять на клубном пианино. Оно старое, разбитое, многие клавиши проваливались — играть было трудно. Но в силу поговорки «Терпение и труд все перетрут» через несколько месяцев Соколовский стал «знаменитым» клубным музыкантом. На вечерах, где требовалось музыкальное сопровождение, ему поручали играть музыку песен, танцев. Когда пальцы уставали, он надевал на детские руки перчатки и продолжал играть.

«Муравьи» ежедневно чуть свет бежали в родной клуб, веселыми стайками расходились по домам только поздним вечером. Родители их были довольны: ребята всегда были вместе, учились коллективно, что-то делали полезное, творили, играли, а не бегали без толку по улице.

А еще «муравьи» собирали деньги и продукты для жителей голодающих губерний, хотя сами жили впроголодь, помогали пожилым людям, инвалидам гражданской войны в их быту, участвовали в озеленении и благоустройстве городских улиц.

Ребята наши были зачинателями движения, которое в будущем стало называться тимуровским.

Так в учебе и в труде воспитывалось юное поколение борцов за коммунизм.

Нынешняя молодежь только по книгам знает, как в ту пору бродили по стране тысячи голодающих беспризорных

детей, лишившихся крова и родителей в результате войн и разрухи. Борьба с беспризорностью стала одной из основных задач Советской власти. Не оставались в стороне от этого государственного дела и «муравьи».

Как-то, проходя по Оханской улице (ныне улица Газеты «Звезда»), я догнал группу ребят. Все в лохмотьях. У некоторых на ногах опорки, а у иных ноги просто обмотаны грязными тряпками, трое малышей шли вообще босиком. Моросил надоедливый осенний дождик. Я обратил внимание на двух пареньков, сравнительно прилично одетых.

Я узнал этих ребят. Это были наши «муравьи» — Додя Соколовский и Женя Дудин — Дударик, как его ласково называли в «Муравейнике». Спросил я Соколовского:

— Куда вы беспризорников ведете?

— В баню. Потом сдадим в детский приемник.

Тяжелое нам осталось наследство от самодержавного режима. Большинство населения, даже в городах, было неграмотным. В дело ликвидации неграмотности и малограмотности включились и пионеры.

Однажды я пришел навестить своих земляков, которые жили на Кунгурской улице (ныне Комсомольский проспект). В тесной комнатухе сидело около десятка пожилых людей. Учил их грамоте Додя Соколовский. Я устроился в сторонке и стал наблюдать.

Часа два продолжалась учеба. Потом договорились о следующем занятии. Учитель стал прощаться.

— Подожди, сынок, — проговорила одна из учениц. Вышла в кухню и вынесла учителю подарок — полбуханки хлеба.

— Это за труды твои.

Мальчик стал отказываться.

— Возьми, милый. Знаю, семья-то у тебя бедная. Спасибо наше за науку. — Старушка силой сунула ему хлеб, и мальчик выбежал на улицу.

В течение одной зимы пионеры обучили грамоте сотни людей.

В 1925 году Додя Соколовский с группой лучших «муравьев» ездил на экскурсию в Москву. Ребята побывали в Кремле, посетили Мавзолей Владимира Ильича Ленина. По возвращении они много рассказывали товарищам о своих впечатлениях. По совету Соколовского ребята вышили большой портрет Ильича.

В 1927 году Соколовский закончил школу «Муравейник», для продолжения образования поступил в восьмой

классе школы-девятилетки № 21. Он сразу обратил на себя внимание учителей и учащихся как отличный ученик, серьезный, дисциплинированный, общественник. Его избрали членом редколлегии школьной газеты. На школьных вечерах он, как и в «Муравейнике», был постоянным музыкантом.

В конце учебного года в жизни Доди произошло большое событие: он был принят в члены Ленинского комсомола.

Май 1929 года. Девятилетка окончена. Комсомольцы Праведников, Рудник, Соколовский решили пойти на производство и уже потом продолжать образование. Ведь они еще очень молоды.

В Нижней Курье работала тогда геологоразведочная партия по проектированию площадки для строительства Камского бумкомбината. Друзья поступили в эту партию простыми рабочими.

После окончания работ геологоразведочной партии ребятам пришлось разойтись. В 1930 году Соколовский поступил в Пермское отделение Всесоюзного электротехнического общества — ВЭО — в электромонтеры и показал себя с самой лучшей стороны на монтаже электроподстанции завода имени Ф. Э. Дзержинского.

В апреле 1932 года у Соколовского начался новый жизненный этап — он стал членом Коммунистической партии. Осенью был командирован Пермским городским комитетом ЦКП(б) уполномоченным по хлебозаготовкам в Добрянский район. Условия были трудные. Кулацкие элементы всячески саботировали сдачу хлеба, гноили его в земле, выступали с угрозами в адрес партийных, советских работников. Но первое боевое поручение молодой коммунист Соколовский выполнил с честью — задание партии по сдаче хлеба государству было выполнено районом полностью.

В августе 1933 года Соколовский был принят на учебу в Ленинградское военно-морское училище связи.

В составе 70-й армии военный связист Соколовский прошел по дорогам войны от Курска до Бреста, Польши. Ему удалось побывать в логове фашизма, когда над рейхстагом реял алый флаг Победы.

Бывший «муравей», мой ученик Додя Соколовский пошел на фронт простым солдатом связи, а через четыре года вернулся на Родину в звании подполковника, имея шестнадцать боевых наград.

После войны подполковник Соколовский четырнадцать лет проработал в штабе Уральского военного округа.

Бывшие «муравьи» не теряют связи между собою. В декабре 1969 года отмечалось пятидесятилетие клуба «Муравейник». Один из первых «муравьев», мастер спорта подполковник запаса Александр Тарутин накануне юбилея писал своему другу Соколовскому:

«Это — праздник молодежи Прикамья и наш праздник. «Муравейник» внес большой вклад в дело коммунистического воспитания ребят, он стал примером новейшей методики воспитания еще на заре Советской власти. Мы, «муравьи», прожили не даром. Вся жизнь прошла в напряженной борьбе, в непрерывном горении».

В августе 1934 года состоялся первый Всесоюзный съезд писателей.

Борис Михайлов и я вскоре были приняты в Союз писателей СССР.

По совету старших товарищей К. В. Рождественской, К. В. Боголюбова, П. П. Бажова я усиленно трудился над книгой «Бурлаки». Совмещать литературную работу с педагогической у меня не хватало сил и времени. Скрепя сердце пришлось оставить любимую работу в школах и своих беспокойных «муравьев».

6. На заводе

В 1935 году меня пригласили на моторостроительный завод имени Я. М. Свердлова в многотиражную газету заводующим редакцией — должность что-то вроде ответственного секретаря и литературного правщика.

В редакции две комнаты — большая и маленькая. В первой трудились литсотрудники. Маленькую занимало «начальство»: заместитель редактора Леня Токарев и я. Редактором был член парткома Зубов. Какой-то бусый, нервный и грубый. Он невзлюбил меня с первого же дня.

Послал как-то Зубову на просмотр материал для очередного номера — отредактированный, подготовленный к набору. Через полчаса Зубов влетает в нашу комнату.

— Кто тебе разрешил править мою статью?

— Выполняю свои обязанности.

— Выполнивай, а не подрывай мой авторитет! Статья на «подвал», а ты сократил наполовину.

— Ее не сокращать бы надо, а совсем снять. Расплывчато и малограмотно.

— Учить меня задумал! — закричал Зубов. — Тоже — писатель!

Токарев сидел за своим столом и нервничал: ведь это он пригласил меня в редакцию.

Я схватил пальто и стал одеваться. Прекратил перепалку литсотрудник Наумов — член партии Ленинского призыва.

— Товарищ Зубов, поговорить надо, — и вывел его из редакции.

На другой день Зубов вызвал меня в партком. Я думал — вчерашнее продолжит, а он выходит из-за стола и руку подает.

— Виноват, — говорит. — Погорячился вчера. Да и ты тоже хорош. Нет, чтобы спокойно выслушать замечания редактора, а ты в спор со мной пустился.

Приходилось с утра до вечера сидеть в редакции — править материалы, составлять макеты, проводить учебу работников, читать гранки.

«Вот, — думаю, — попал на «спокойное» место. Когда же писать?»

Поговорил с Наумовым.

— Иди в отдел подготовки кадров, — посоветовал он. — Развертывается широкая сеть курсов, нужда в учителях великая. Ты педагог и будешь на своем месте.

В отделе подготовки кадров меня встретили приветливо. Комплектовался педагогический состав на вновь открывающиеся курсы мастеров социалистического труда. Меня переводом оформили преподавателем технического черчения.

Явился к директору курсов. Арсений Георгиевич Москвитин — член партии с 1919 года. Человек пожилой, широколицый, с седеющими усами. Пригласил садиться.

— Кто такой — не спрашиваю. Познакомился с вашим личным делом в отделе найма. У меня разговор другого порядка. Мы обязаны курсантов не только учить, но и приобщать к культуре. Вам есть поручение: проводить беседы по литературе, знакомить курсантов со своими произведениями.

Мне осталось только поблагодарить Арсения Георгиевича за лестное для меня поручение. Я простился и в прекрасном настроении пошел принимать уже оборудованный кабинет черчения.

Занятия на курсах сменные — утренние и вечерние. Состав небольшой. Утром приходят человек десять, вечером — столько же. Люди взрослые, серьезные. Заниматься с ними

было легко и интересно. Оставалось много времени для писательского стола. «Не было бы счастья, да несчастье помогло», — думал я.

Вскоре в приказе по заводу «за хороший подход к учащимся, сумевшему добиться высокой грамотности по своему предмету, а также за активную воспитательную работу» мне была объявлена благодарность.

В следующем году тоже получил благодарность, и я был премирован в числе других лучших преподавателей поездкой в Москву на сельскохозяйственную выставку.

Завод имени Я. М. Свердлова с тех пор я считаю родным. Здесь я закончил своих «Бурлаков». Рабочие завода были первыми моими критиками и читателями.

7. Валентин Серебrenников (Аргентов)

Не предполагал я, что так неожиданно закончится моя деятельность по подготовке кадров.

В ноябре 1940 года меня вызвали к секретарю областного комитета партии товарищу Жукову. В кабинете у секретаря встретился со своим бывшим учеником Иваном Катаевым.

— Знакомьтесь, — сказал секретарь. — Это товарищ Катаев, утвержден в должности директора областного издательства.

— Давно знакомы, — ответил я, пожимая руку Катаева.

— Вот и хорошо. Издательство молодое. Работать пока некому. Как смотрите на то, товарищ Спешиллов, если мы переведем вас с завода в издательство?

Издательство занимало бывшее складское помещение на Оханской улице. Низкий потолок. Пол земляной. В штате трое: директор, редактор и бухгалтер.

Принял дела: тридцать неотредактированных плановых рукописей. Уже конец года. Приготовить к печати такую уйму работ физически невозможно. Сказал об этом Катаеву.

— Делай, что успеешь.

Сутками не выходил из издательства, а успел подготовить только три рукописи.

С нового 1941 года издательство получило лучшее помещение на Осинской улице. Приняли еще одного редактора, а также корректора, счетовода и завхоза.

Издательство стало центром литературного движения на Западном Урале. Мне как члену Союза писателей и ре-

дктору редакции художественной литературы партийная организация поручила руководить группой писателей, объединившихся при издательстве. Группа занималась регулярно. Разбирались рукописи, вышедшие книги. Большое внимание обращалось на теоретическую подготовку молодых писателей, в чем большую помощь оказывали нам научные работники Боголюбов, Будрин, Ефимов, Ожегова.

Постоянно занимались у нас Баталов, Бычков, Занадворов, Александр Каменский, Коновалов, Матросов, Трайнин, Трутнева, Якубов. Приезжали из Кудымкара поэты Караванов и Попов, бывали на наших занятиях Василий Васильевич Каменский и известный уральский собиратель устного народного творчества жизнерадостный, желанный наш гость Валентин Николаевич Серебренников (Аргентов).

Познакомился я с ним в тридцатых годах, и очень оригинально.

Родился я на Каме, в озерном краю, и с детства подвержен охотничьей страсти — люблю рыбку поудить. Рыбная ловля всегда была для меня и азартным развлечением, и чудесным отдыхом, и лечением от всех недугов, физических и душевных.

Так вот, однажды я отдыхал на Черном озере, ниже железнодорожного моста в Перми, с удочками. С утра клевало. Поймал окунька и пару карасиков-«пяточков». «Хорошо бы наловить рыбки на уху да на пирог», — мечтал я. Но мне помешали.

На берегу, почти рядом, появилась развеселая компания — мальчишки, девчонки. Один разделся и — бултых в воду! Рыба, конечно, перестала клевать.

— Вам места нет, что ли, на озере? — возмутился я.

— Мы, дяденька, не будем мешать. Мы за кувшинками пришли. Их здесь много. Желтые... белые...

Мальчик вылез на берег с пучком кувшинок.

— Вот какие цветочки!

— Цветы, действительно, хороши, — подтвердил я. — А ты тоже хорош! Рыбу перепугал, курносый.

— Курносый, курносый! — Ребята со смехом убежали в луга.

Озеро понемногу успокоилось. Стала ловиться сорога. А за спиной у меня раздались шаркающие шаги.

— Еще кого-то черт несет! — возмутился я.

Из-за черемухи вышел человек довольно странного вида. Средних лет, с усиками. В стареньком пиджачке с одной пуговицей, на голове фуражка-блин. Рубашки нет — один во-

ротник и хороший черный галстук. На носу пенсне в золотой оправе и с веревочкой. На ногах опорки. В одной руке у него холщовый мешок, в другой — букет полевых цветов.

— Клев на уду! Можно с вами посидеть, отдохнуть?

— Садитесь, — сквозь зубы проворчал я.

Незнакомец, не глядя под ноги, шагнул ко мне, оступился между кочками, чуть не упал, проговорил скороговоркой:

Поехали с орехами
На бочке, на бочке,
По гладенькой дорожке.
По кочкам, по кочкам
Рысью, шагом.
Бух в яму!

Сел поодаль от меня, снял пенсне и стал красным платочком протирать запотевшие стекла. Глаза у него веселые-превеселые, на лице добрейшая улыбка. В разговоре стал сыпать шутками-прибаутками:

— Чудак рыбак. Рыбу ловит — сам не ест. Значит, рыбки мало?

— Почему же, — возразил я. — Может быть, у меня полная корзина рыбы.

— Два ерша да немного мелочи. Если бы вам ловилась рыба большая и маленькая, вы со мной бы разговаривать не стали. Я бы тоже мешать не стал, а прошел бы мимо.

— Ошибаетесь, что рыба не ловится. Я только что несколько сорожек выудил.

— На одном вершке хвост и голова. Чувствуете, как солнышко печет? В полдень рыба должна отдыхать. Сами знаете. — Незнакомец подсел ко мне поближе.

— Вы откуда и куда? — спросил я.

— Из Перми я. Бегу в Оханск «капусту караулить».

— Как это — бегу?

— Я не хожу, а бегаю, чтобы от жизни не отстать.

— В Оханск побежали? Разве пароходы не ходят?

— Ходят, да я привык пешком. Зайду по дороге в деревню к старушкам, песенку спою, от старушек другую запишу, а также — сказочку-поговорочку. — И этот удивительный разговорчивый человек рассказал мне сказку.

«Раньше, при Николае Палкине, простые люди отбывали воинскую повинность двадцать пять лет. Когда становились стариками, их без гроша денег отпускали на все четыре стороны. Так вот и шел один солдат с военной службы. В одной деревне напросился к старушке на ночлег. Вы-

нул из ранца бутылочку с вином и угостил хозяйку. Она спрашивает, где он берет деньги на вино. Солдат вскочил на ноги и давай плясать, напевать:

У солдата денег много
В кошельке на пояске.

Не удержалась пьяненькая старушка и тоже пустилась в пляс. Пляшет и поет:

У старушки денег много
В погребушке, в туюске.

Ночью солдат забрался в погребушку и обокрал старушку».

И рассказчик показал, как плясали солдат и старушка. Стало так весело, что я сам чуть не заплясал.

С берега в воду прыгнула потревоженная нами лягушка. Тут же мой веселый приятель загадал загадочку:

— Глаза выпучила, сидит, по-французски говорит, прыгает по-блошьи, плавает по-человечьи.

— Лягушка, — сообразил я.

Из-за поворота выплыла лодка-«душегубка». С ней и новая загадка:

— Без рук, без ног, на брюхе плывет.

Мы в разговорах не заметили, как с запада наплыла туча. Брызнул дождик. Пришлось искать укрытие.

— Заяц во время дождя под какой куст садится?

— Под сухой куст, — ответил я.

— Вот и не угадали. Он под мокрый куст садится. Ведь во время дождя все кусты мокрые, они ведь не деревья, — разъяснил мне товарищ, поднял свой мешок и направился к ближней черемухе, а я — за ним.

Черемуха усыпана крупными кистями ягод. Чем выше, тем они крупнее и заманчивее. Товарищ мой сел на пенек под густую листву, а я, несмотря на дождик, полез на дерево. Срывал ягоды, совал в карманы, а самые крупные — в рот и хрумкал их вместе с костяшками. Сломал и сбросил ветку с ягодами, спустился на землю и получил выговор:

— Не бей меня, не ломай меня, полезь на меня да нахрумкайся.

Дождик прошел. Снова солнце засияло. Товарищ мой стал собираться в дорогу.

— Мне пора. Спасибо. Посидел, отдохнул.

— Пойдите. Как вас зовут? Полдня разговаривали, а совсем не знаем друг друга.

— Аргентов я. Валентин Николаевич Серебренников.

— Может быть, еще что-нибудь расскажете, Валентин Николаевич? — попросил я. — Костер разведем, уху сварим.

— Нет. Я побегу. «Сколько ни прощаться, не миновать, чтоб убираться». Чтобы вам без меня не скучно было, решайте старинную задачу: «Зашел мужик на мельницу и увидел: в каждом углу стоит по четыре мешка, на каждом мешке сидят по четыре кошки, у каждой кошки по четыре котенка, у каждого котенка по четыре лапки. Сколько всего лапок?»

Серебренников крепко пожал мне руку. Я вспомнил поговорку и сказал шутливо:

— Гладенькой дорожки — нырков да раскатов.

Он не остался в долгу:

— А вам — лешачок в сачок.

По мокрой траве я проводил его до дорожки. И долго стоял и смотрел вслед ему, пока он не скрылся в дальней лощине.

В 1964 году в Пермском книжном издательстве вышла книга В. Н. Серебренникова «Дореволюционный фольклор Прикамья». Автор вступительной статьи Т. Вершинин так отмечает творческий подвиг Валентина Серебренникова:

«Сорок лет, с 1903 года и до конца жизни, зимой и летом, в холод и зной ходил Серебренников по уральским городам, селам, деревням, встречался с людьми и записывал от них произведения народного поэтического творчества. Его записи содержат тысячи пословиц, поговорок, загадок, приветствий, скороговорок, частушек, песен, сказок. Это поистине — сокровищница мудрости, ум и сердце народа. Только большой человек, беспредельно любивший свой край, Родину, мог осилить этот гигантский труд, накопить такое бесценное богатство».

8. В деревне

Редакционный портфель издательства постоянно пополнялся рукописями, а издание их было сопряжено с большими трудностями. Почти отсутствовала полиграфическая база. Местные типографии с ручным набором, с устаревшим оборудованием едва справлялись с печатанием газет и другими заказами. Издательство вынуждено было печатать книги в Свердловске, что было крайне неудобно и дорого. Пришлось держать там заведующего производством, чтобы

быстрее отправлять и получать обратно гранки, верстки, сигнальные экземпляры изданий, доставлять бумагу, переплетные материалы, вывозить готовую продукцию.

Несмотря на все трудности, издательство выполняло свои планы.

До создания нашей области (в 1940 году) пермские писатели — члены Союза состояли на учете в Свердловской организации, но постоянной связи у нас не было. Мы жили, как говорится, на отшибе. А что говорить о начинающих наших поэтах, прозаиках?

Литературная группа при издательстве открыла широкую дверь для всех, кто хотел посвятить себя творческому труду. Когда образовалась Пермская область, назрел вопрос о создании в Прикамье самостоятельной писательской организации.

Областной комитет партии поддержал нашу инициативу. Правление Союза писателей СССР в марте 1941 года дало согласие на создание Пермской областной писательской организации. Я был избран ее ответственным секретарем, Борис Михайлов — уполномоченным Литфонда.

Секретарем горсовета в то время работала Людмила Сергеевна Римская — друг издательства и молодой писательской организации. Благодаря ей издатели и писатели получили хорошее помещение. Появились нормальные условия для дальнейшего развития книгоиздательского дела в области и творческого роста писательской организации.

В мае того же года я получил краткосрочный отпуск. Советовали поехать в Осинский дом отдыха или на юг. Жить стало лучше и веселей везде, но нет милее родимого дома, и я поехал в Тупицу.

На Слудской пристани случайно встретился со старым другом по бурлачеству Иваном Андреевичем Дудиным. Хотелось поскорей идти в деревню, а он меня к себе потащил. Бывшие соседи, в детстве на одной полянке играли, а теперь в селе живет.

Дом у Дудина двухэтажный, стены обшиты свежим тесом. В ограде на меня было зарычала черная собака. Иван Андреевич без слов взглянул на нее, она, поджав хвост, утянулась в конуру.

Поднялись на второй этаж. Как в зверинце тут: бегала пара щенят, играли с бумажкой котята; на лавке — гармошка, на ней с важным видом сидела большая серая кошка.

— Брысь под лавку! — смахнул ее с гармошки хозяин.

Из горницы выбежали ребятишки и окружили отца. В кухне орудовала ухватом хозяйка.

Мы с Дудиным только-только уселись за стол, как явился бородатый мужичок.

— Иван Андреич, где завтра сеять будем?

— За дальним логом, — кратко ответил Дудин. Мужичок ушел.

Вслед за ним вошел другой, помоложе, черномазый, в спецовке.

— Иван Андреич! Горючее не привезли. Что делать?

— Я, что ли, буду заботиться о твоём горючем? Возьми лошадь и съезди на нефтесклад.

— Ладно. Съезжу.

Зашла пожилая женщина.

— Андреич! Цыплят привезли. Не знаю, куда поместить-то.

— Помести пока в своей избе...

Через минуту медленно открылась дверь. Показались двое. Низенько поклонились, стоя у порога.

— Вам что, ребята?

— Не примете ли в колхоз, товарищ председатель?

— В правление приходите завтра утром. Там и поговорим. Понятно?

И так без конца.

— Пошли в огород, — предложил Иван Андреевич. — Здесь не поговоришь.

Захватив с собой туес бражки и карасиков в сиговом засоле, мы от назойливых посетителей скрылись в огороде среди густых кустов смородины.

— Я недавно колхозным председателем, — рассказывал мне Иван Андреевич. — Старый председатель за всех все сам делал, распустил колхозников, ничего не делают самостоятельно, по каждому пустяку ко мне лезут. Сам видел. Ну да я скоро наведу порядок!

— Где сейчас Яков Григорьевич? — вспомнил я первого председателя колхоза. — К слову пришлось.

— Это был настоящий председатель, — восхищенно ответил Дудин. — После него я чуть ли не пятый. Живет он в поселке Урняк Арского района Татарской республики.

Работает в леспромхозе. У них с Павлой Александровной чуть ли не семеро ребят — больше, чем у нас с Марфой. Право!

Поговорили еще.

— Спасибо, Иван Андреевич, за угощение. Я все-таки пойду.

— Не терпится? Да там ничего хорошего не увидишь. Обедать приходи к нам. И вечерок вместе проведем, старинку вспомним, когда молодые были.

Ивану Андреевичу под пятьдесят, но он мало изменился за последние годы. На голове ни волоска седого. Энергичное бритое лицо. Коротконогий, немного косолапый, руки работы просят.

Подхожу к своей деревне. Знакомая с детства широкая межа давно перепахана. Нет и старой березы.

Полянка около нашей избы заросла бурьяном, обшивка стен избы почернела от времени. Тополь, который я сам когда-то сажал, спилен на дрова. Потолок на конюшне провалился. Огород зарос жгучей крапивой.

Я знал, что никто из родных здесь не живет. Отец, вечный бурлак, в последнее время служил шкипером на нефтянке. Где-то в низовьях Камы, в жару, умер от солнечного удара. Похоронен на чужой стороне.

Скончалась старая бабушка Мария. Не стало дружка моего Якова Степановича.

Преждевременно ушел из жизни третий брат Иван. После службы в Красной Армии он работал на товарной пристани в Перми, однажды простудился...

Остальные разлетелись по разным местам. Брат Дмитрий — начальник землечерпательной машины. Младший брат Миша работал в затоне. Сестры Капа и Валя окончили авиационный техникум, трудились на моторостроительном заводе имени Я. М. Свердлова в Перми. Третьей сестре — Сюте — не удалось продолжить образование, она была занята домашним хозяйством.

Братья женились, сестры замужем, у всех свои семьи. Мать живет в Перми у Капы.

Так опустело наше родное деревенское гнездо.

ЧАСТЬ ШЕСТАЯ

1. Война началась...

Среди наших писателей было немало любителей природы. Один из самых самоотверженных — поэт Афанасий Матросов, оружейный охотник и рыболов. Мы с ним окопались все ближние прикамские озера, прошли все болота и глухаринные тока в урочище Красава.

Афанасий — остролов и остроумный рассказчик. Однажды мы с ним рыбачили с плотов на речке Мулянке. Мне ловились крупные голавли, а у Матросова не клева-ло. Он и разговорился от нечего делать. Я оказался в неудобном положении: надо строго следить за поплавком и поневоле слушать его занимательные рассказы. Я стал нервничать.

— Афоня! Перестань! Рыба клюет, а ты мешаешь.

— А ты не слушай.

Как не слушать, если интересно? Дальше — больше. А клев пропал. Я в первый и, кажется, в последний раз серьезно рассердился на приятеля.

«Выкупаю в реке, — решил я. — Может быть, остынет говорун».

Подошел к нему и приготовился двинуть плечом. А он как прыгнет в сторону! Я сам свалился в омут. Афанасий вытащил меня из воды и хохочет:

— Не рои другому яму!

Как на него обижаться? Он так умильно глядит мне в глаза, что я и сам расхохотался. Ясно, что мы ушли домой прежними друзьями.

Двадцать первого июня сорок первого года мы, группа писателей, решили открыть рыболовный сезон. На речном трамвайчике доехали до Заостровки. Вышли на бережок. Младший из нас, высокий русский паренек, поэт Саша Бычков, спохватился:

— Удилище взял, а лески дома оставил... Что делать?

— Будешь рыбу ртом ловить, — хриплым голосом ответил Афанасий Матросов. И рассказал побывальщину:

— Собирался один чужак, вроде тебя, на охоту. По порядку все складывал в суму: порох, дробь, пыжи, патроны, спички, трубку и табак. На озере перед утренним перелетом чирков снова проверил свои припасы: порох, дробь, пыжи, патроны, спички, трубку и табак. Низко над головою полетели утки. Хвать-похват! А ружье-то дома.

Обескураженный, Саша Бычков проговорил печально:

— Тот охотник ружье дома оставил, а я все-таки удилище не забыл. Только припасов нету... Домой придется ехать за лесками.

— Никуда не надо ехать, — успокоил я Сашу. — У меня есть запасные лески — хватит и для тебя. Пошли, ребята!

Нам преградил путь широкий ручей. Из озера в реку стремительно мчался поток.

— Снимай, ребята, одежду! — распорядился хитроумный Матросов. — Здесь глубоко — до горлышка.

Мы последовали примеру товарища.

— Ты, Бычков, свои пыжи-патроны не подмочи, — смеялся Матросов.

Мы по-настоящему приготовились к броду, а Матросов не успел еще ботинки расшнуровать.

— Ты что копаешься? — спрашиваем его.

— Я сейчас. А вы идите. Я догоню.

Я первым шагнул в воду, а она и до колена не доходит. Быстренько перебрали, оделись и гуськом, ругая обманщика, по раскисшей дорожке направились к озеру, которое уже блестело в окружении цветущих черемух и крушин.

Первым делом занялись заготовкой топлива на ночь. Бычкову не терпелось скорей закинуть удочку. Я дал леску, он привязал ее к удилищу и спрашивает:

— На какую насадку рыбачить?

— На жеваный навоз, — с усмешкой ответил Матросов.

— Афоня! Не хулигань, — прервал я его. — Закидывай, Саша, на ржаной хлеб.

Разожгли костер, разложили на траве пожитки, повесили чайники «жариться».

Настала воробьиная ночь. Мы пели, читали стихи, спорили о литературе. На рассвете разошлись по местам. В глубине на хлеб клевала крупная, проголодавшаяся за зиму сорога, поверху на червяков — золотистая красноперка.

Вспомнились свои деревенские озера. Казалось, что из-за кустов вдруг позовет меня Яков Степанович:

— Иди сюда, дружок. Лешш клюет... Лешш!

Взошло ласковое солнце. Под ветерком на мелкой воде озера заискрилась серебристая чешуя солнечных бликов.

Утренний клев подошел к концу. С богатым уловом собрались домой. И попали на рабочую массовку.

На берегу в конце озера — сотни отдыхающих, работников завода «Красный Октябрь»: день-то выходной, воскресенье.

Музыка, танцы, песни, развеселый хоровод. У пузатой бочки сидят кружком любители пива. Торгуют киоски, палатки. Мы приняли живейшее участие в празднике. Отдали всю свою рыбу для артельной ухи.

И вдруг, в самый разгар веселья, из города прискакал верховой:

— Немецко-фашистские захватчики перешли нашу государственную границу!

2. Василий Каменский

Советский поэт Василий Васильевич Каменский написал много патриотических стихов, прославляющих героев

русского народа, Родину, его родное Прикамье. О поэте, о его творчестве написано тоже много хорошего, справедливого.

Василий Каменский, кроме своего большого таланта, имел доброе, отзывчивое сердце.

С первых дней войны у нас в семье не стало хватать хлеба — все-таки четверо ребят, все школьники... Александра Петровна, не имевшая на руках малолетних, хлебный паек не получала. Да еще приехала из Москвы ее сестра Глафира Петровна, с нею двое ребят. Она тоже не имела хлебных карточек. Так семь хлебных пайков приходилось делить на девять человек.

Не хватало и других продуктов питания.

Пришла осень, за нею — зима. Я вместо обедов получал в столовой сухие пайки и приносил их домой — ребятшек было жаль. Питался же в издательстве кое-как, всухомятку.

Не было света, дров. Сожгли все заборы и даже дощатый пол в подвале.

Василий Васильевич жил тогда в Троице около станции Сылва. Иногда к нам заглядывал. Для ребят его приход был праздником. Они с большим вниманием слушали его интересные рассказы. В поздние вечера мы, взрослые, с трудом укладывали их спать, а сами, зачастую до утра, заслушивались его рассказами.

Однажды Василий Васильевич заметил, как наша главная хозяйка Александра Петровна в печурке жарит картофельные очистки... на воде.

Через день Василий Каменский привез нам мешок картошки.

— Ешьте, Спешилята!

От Троицы до станции Сылва пять километров, затем надо ехать на поезде до Перми I. А ведь этот добрейший человек был уже инвалидом — с трудом передвигался на больных ногах. Сказал ему:

— Зачем это, Василий Васильевич? Я бы сам мог приехать в Троицу.

— Феноменально! — гудел Каменский. — За подарками не ездят, а принимают их у себя дома.

У Каменского было немало знакомых, которые эвакуировались из Москвы и Ленинграда. Некоторые, не останавливаясь в Перми, ехали в Троицу к Каменскому. Он по доброте своей принимал их, как дорогих гостей, на свое иждивение, хотя сам вскоре оказался в нужде.

Закончилась война, все стало на свое место. Произведения Каменского стали издавать в Москве. Материальное положение поэта неизмеримо улучшилось. К сожалению, в результате тяжелой болезни он стал инвалидом — потерял обе ноги. Но и после такой беды оставался жизнерадостным.

Еще одна положительная черта в характере Каменского: отеческая забота о молодых писателях. Он никогда не отказывал в помощи любому из них. Был и моим наставником, когда я только что начинал писать.

Вспоминается такой случай. Молодой поэт Борис Ширшов уговорил меня съездить в Троицу к Василию Каменскому.

Была весна. Бурно шумели талые воды. На перроне станции Сылва столпились троицкие жители, приехавшие из города. Надо домой пробираться, а как? Потoki вешней воды, текущие с гор, перерезали проезжую дорогу прямо у самой станции.

— Придется обратно ехать. Не добраться нам до Троицы.

— Перебредем как-нибудь, — говорит Ширшов.

Из плетня я вытащил жердь, на всякий случай. И побрели мы, «яко по суху», почти по сплошной воде. За нами потянулись и другие смельчаки.

Вначале шли осторожно, чтобы ноги не промочить. Затем, когда на пути стали попадать ручьи глубиной выше колена, побрели так, что вода в сапогах захлюпала.

Перебрали. В воздухе тихо и тепло. Греет солнышко полуденное. Небо чистое-чистое. Мелодично журчат ручьи. Красиво! Но с промокшими ногами все же холодновато. Добрались до торной дороги и, чтобы не окоченеть, вплоть до сельской окраины бежали бегом.

Ворвались в дом Каменского. Остановились в прихожей. Стоим, а с нас водичка капает.

Вышла Лидия Даниловна, старая родственница поэта, и руками взмахнула:

— Александр Николаевич! Не из полыньи ли вы вылезли? Дождя нет, а вы мокрые.

Кабинет поэта в мезонине. Послышался голос хозяина:

— Кто там, Лидия Даниловна?

— Спешил, а с ним молодой товарищ.

— Пусть лезут сюда.

— Да они мокрые, как лягуши.

— Дайте что-нибудь переодеться. Я жду.

Нам принесли два теплых халата, две пары валенок.

— Идите в кухню. Скидывайте всю мокредь, переоденьтесь. И как вас угораздило в полынью попасть? Ведь утонуть можно.

— Какая полынья? Мы со станции пришли, — объяснил я.

— В такую распутицу? — удивилась Лидия Даниловна. — Уже дня два никто не ходит ни туда ни сюда.

Облачившись в сухие одежды, мы по крутой лестнице поднялись к поэту. В комнате окно в сад. У окна столик. Напротив стеклянная дверь на балкон, с видом на горную красавицу Сылву. Слева во всю стену широкие полки с книгами, рукописями. У стены справа диван и статуя рыцаря в железе во весь человеческий рост. Над диваном картины художников с дарственными надписями. Впереди, рядом с дверью на балкон, письменный стол. На столе гармошка-двухрядка. Замечательно кожаное кресло поэта. Оно непомерной ширины, а спинка вышиной метра полтора от сиденья. Когда поэт сидит на своем «троне», из-за спинки не видно его головы.

Посредине комнаты круглая, украшенная рисунками, орнаментами знаменитая печка Каменского. Она памятна многим молодым поэтам, которые бывали у Каменского. Он заставлял их буквально «танцевать от печки».

— Феноменально! — говорил Василий Васильевич, здороваясь с нами. — Не побоялись бездорожья, навестили поэта в его келье. Благодарю. Прошу к столу, любимые.

После обеда Каменский предложил:

— Становись, Боря, к печке и читай стихи, а мы слушать будем.

Борис подошел к печке и стал читать песенки-частушки из только что вышедшей книжки. Начал очень скромно, краснея, стесняясь, но постепенно разошелся:

Налетели вражьи орды
На советский наш народ.
Мы в бою ударом твердым
Расшибем фашистский сброд!

— Правильно! Расшибем! — громко проговорил Каменский. — Читай, Боря, во весь голос и не торопись.

Борис совсем осмелел и продолжал:

Гитлер думает, что он
Грозен, как Наполеон,

Пусть наполеонится,
Смерть за вором гонится.
Закручинилась свинья —
Оскорбленье все же:
— Говорят, что рылом я
С Муссолини схожа.

Хозяин попросил меня подать ему со стола гармошку.
— Обожди, Боря! Давай сыграем и споем. И начался концерт.

Встанем грозною преградой
Мы на вражеском пути.
Никуда фашистским гадам
От разгрома не уйти!

Мы двое суток провели у Василия Васильевича. Он заставлял и меня прочитать что-нибудь из своих стихотворений, а я наизусть не знал ни одного.

— Значит, ты не поэт, милый Шурочка. Пиши свои поэтические «Бурлаки». А наш Боря будет хорошим поэтом. Каждая строчка его простеньких частушек — пуля по врагу! Мы обязаны всегда писать не просто: «Луна, балкон, она и он», а отвечать на требование времени. Борис на правильном пути.

Успокоились вешние воды. До станции мы с Борисом дошли с сухими ногами. В вагоне поезда Борис делился впечатлениями о встрече с Каменским:

— Я думал, что он не станет и разговаривать со мною, такой большой поэт. Я даже речь приготовил особую. Но когда увидел его, забыл все свои страхи. Оказывается, Василий Васильевич самый простой человек, приветливый.

3. Гости Прикамья

Почти все наши писатели и многие товарищи из литературного актива ушли на фронт: Бычков, Занадворов, Баталов, Кайгородов, Караваев, Попов. Мобилизованы были директор издательства Катаев, секретарь парторганизации Титов, бухгалтер Рудометов, заведующий хозяйством Зеленин.

Ушли на фронт мои братья Дмитрий и Михаил.

Я усиленно стал добиваться отправки в действующую армию. Добился того, что в военкомате на моем военном билете тиснули по диагонали красную полосу с надписью: «Забронирован».

Стали прибывать первые партии эвакуированных, в

основном из Ленинграда. Среди них — и писатели. Приезжали с семьями, больные, истощенные.

«Прием эвакуированных тоже патриотическое дело», — говорили тогда. И мне как секретарю писательской организации пришлось заняться приемом литераторов.

Вместо Катаева, энергичного, знающего дело организатора, директором издательства назначили Макарова, бывшего хорошего преподавателя, пропагандиста, но не администратора. Стало ясно, что ему не справиться с работой. Объединение государственных издательств при СНК РСФСР (ОГИЗ) 20 февраля 1942 года предложило мне принять дела издательства.

С приездом эвакуированных товарищей Пермская писательская организация выросла до семидесяти человек. Руководить одновременно ею и издательством мне стало не под силу. В апреле 1942 года секретарские обязанности я передал Борису Михайлову.

Ежедневно гости группами и в одиночку приходили в издательство, предлагали свои рукописи, книги для перепечатки. Многие можно было принять к изданию, да у нас по-прежнему не было полиграфической базы. Из-за условий военного времени типография в Свердловске стала все чаще и чаще отказываться от наших заказов.

Но вот в Пермь эвакуировали цехи Ленинградской типографии «Печатный двор», и мы воспрянули духом. Пришлось для начала новую типографию взять на свой расчетный счет в банке, позаботиться о быте приезжих полиграфистов, о материальном их обеспечении.

Денежного прихода пока не было. Мелкие заказы (этикетки, бланки) не могли обеспечить работой более ста рабочих. Наши же крупные рукописи еще не были подготовлены для сдачи в производство.

Выход из затруднительного финансового положения, однако, нашли. У нас оказалось немало бумажных отходов: срыв, обрезь и прочее. «Нельзя ли, — подумал я, — использовать эти отходы для выпуска детских книжек-малышек?» Посоветовался с директором типографии. Он поддержал мою мысль.

И вот уже готова первая детская книжка-раскладушка. Разошлась она моментально.

Через месяц напечатали другую книжку, снова большим тиражом. И снова она разошлась.

Была ликвидирована задолженность по зарплате, укрепилось материальное положение типографии и издательства.

В издательство пришли новые кадры — из числа эвакуированных товарищей. Главным редактором стал опытный ленинградский журналист Алексей Михайлович Семенов. Ему полуживым удалось вырваться из блокадного города, где он лишился сына, погибшего от голода. Семенов очень переживал эту горькую утрату, забывался только в самоотверженной работе. Профессионально грамотный, с крепкой партийной закалкой, он был уважаемым человеком среди издателей и авторов. Семенов умел предупреждать все возможные ошибки в издательском деле. Являясь на работу, Алексей Михайлович всегда вежливо, на равных, здоровался с сотрудниками, молча садился за редакторский стол. Уходил с работы последним. Мы удивлялись, откуда у больного человека бралось столько сил и энергии.

Другим ценным работником в издательстве была Надежда Николаевна Арбенева, переводчица, член Союза писателей. Поступила к нам простым техническим секретарем. А сколько помогала молодым авторам в их творческой работе!

Надежда Николаевна после войны навсегда осталась в нашем городе.

Одним из наиболее уважаемых писателей, приехавших в Пермь из Ленинграда, был Иван Сергеевич Соколов-Микитов, моряк, путешественник, охотник, страстный любитель природы. В первую мировую войну Иван Сергеевич летал на первом русском тяжелом бомбардировщике «Илья Муромец», командиром которого был смоленский земляк Соколова-Микитова Г. В. Алехнович — один из первых знаменитых пилотов России.

После революции писатель побывал с охотничьим ружьем в самых далеких краях нашей страны. Он и в Пермь приехал с охотничьим ружьем. Пришлось только огорчить Ивана Сергеевича, сказав ему, что из-за отсутствия в прошлом должной охраны природы в лесах Прикамья осталось мало зверей.

— А как с рыбой? Неужели и рыбы не стало? — спросил Иван Сергеевич, приглаживая свою седую бородку.

— Рыбы много, — ответил я. — Даже в мелких озерах появились караси.

— Надо будет сходить, — оживился Соколов-Мики-

тов. — Завтра же. С удочками и ружьями на всякий случай... Да... Из Осы приехал в Пермь Виталий Бианки. Пригласим и его в компанию.

Утром в трамвайном вагоне с заколоченными фанерой окнами (так было в дни войны) мы втроем поехали в поселок Красный Октябрь, чтобы оттуда пройти пешком на ближайшее озеро.

Я довел своих охотников до озера со смешным названием Штаны. Мы с Соколовым-Микитовым сели рыбачить, а Бианки бродил по лугу, срывал цветочки, собирал на кочках душистую клубнику.

Погода была хорошая, а рыба не клевала. Думали уже на другое озеро перейти. Но пока думали да гадали, из-за Камы выплыла тучка, заморосил дождик и начался крепкий клев крупного карася. Я был удивлен.

— Вполне понятно. Спит карасик в илистом дне, а дождик и разбудил его от спячки, ну и кушать захотелось лежебоке, — объяснил мне Иван Сергеевич.

Подошел в промокшем плаще Виталий Бианки и предложил расходиться по домам.

— Нет! — сказал Иван Сергеевич. — Начало клевать, а вы — домой. Укройтесь от дождя в кустарнике и разводите костер. Будем уху варить.

— Согласен, — проговорил Бианки и скрылся в ближайшем кустарнике. А мы продолжали рыбачить.

Прошло больше часа, а из-за кустарника — ни дымка.

— Уснул, что ли, наш кочегар, — проговорил Соколов-Микитов. — Интересно, что там делает наш приятель?

Прошла тучка, перестало дождить. И клев прекратился. Мы с рыбой направились в кустарник, чтобы заварганить уху.

Под густым калинником над кучей хвороста колдовал наш «кочегар». Кругом обгорелые спички набросаны.

— Мы с рыбой, а где костер? — спрашивает Иван Сергеевич.

— Не разгорается. Коробок спичек истратил.

— Как же так? — рассмеялся Соколов-Микитов. — Вы пишете замечательные книги о природе для ребят, а разжечь костер на природе не умеете.

Бианки развел руками.

Старый охотник быстро запалил костер. Сварили уху. Вкус — не передашь. Кто не пробовал ухи из свежей рыбы, сваренной в той же воде, где она водится, тот, уверен, многое потерял.

На обратном пути мы так заслушались рассказами Ивана Сергеевича, что не заметили, как дошли до трамвайной остановки.

4. В колхозе

Пятый месяц на исходе, как я директор издательства. Стал постигать даже в мелочах издательское дело, научился «отбояриваться» от разных графоманов, которые пишут о дрессировке кошек, о любви Вани и Мани, о правилах игры в преферанс. Зачем выпускать такую халтуру?

Вдруг меня вызывают в вышестоящую организацию.

— Поедешь, товарищ, в Чернушинский район для оказания помощи райкому в агитационно-массовой работе в колхозах в период уборки урожая.

Помощь так помощь, и я стал собираться в дорогу.

В Чернушку можно ехать на поезде с пересадкой в Свердловске или на пароходе до Сарапула и дальше на поезде.

Я выбрал второй маршрут и 10 августа выехал на место назначения.

На третий день прибыл в Сарапул. Поспешил на станцию. У кассы длинный хвост командированных. Часа два проторчал в очереди, и зря. Потребовали справку санпропускника.

— А где санпропускник? — спрашиваю.

— У пристани.

Вот тебе и на! Потопал обратно. Заведение это помещалось в хибарке, вроде бани. Вхожу и вижу: сидит пожилая женщина в белом халате.

— Вам что, товарищ? — обратилась она ко мне.

— На вокзале билет не дают, требуют санитарную справку.

— Откуда приехали?

— Из Перми, на пароходе.

— Куда едете?

— В Чернушку.

— Давно были в бане?

— Третьего дня.

— Очень хорошо! — Она проверила мое командировочное удостоверение и написала справку.

В Чернушинском райкоме партии меня направили к второму секретарю товарищу Синицину. Не старый еще, в гимнастерке, с орденом Красной Звезды. Разговорились.

— Где думаете обосноваться? В нашем штабе иль в колхозе?

— Конечно, в колхозе, — ответил я.

— Правильно. Может быть, отдохнуть хотите? У нас гостиница неплохая.

— Я не отдыхать приехал, товарищ Сеницын.

— Тоже правильно. Тогда поедем по району. Сейчас же. — Сеницын вышел в коридор. Через полчаса вернулся.

— Карета подана, — пошутил он.

У крыльца стояла лошадка, запряженная в тележку. Сели рядышком. Сеницын взял вожжи.

— Эх! Поехали! Вначале в Рябки, там пообедаем. Дома поесть некогда, — проговорил Сеницын. — Потом в Нижний Козьяш, где и будет твоя резиденция. — Мой спутник перешел на «ты».

Красивая холмистая местность. На склонах логов оранжевые рыжики. Так бы и выскочил из тележки! Сеницын заметил мое восхищение.

— У нас в деревнях рыжики в молоке — единственное летом кушанье. Сам попробуешь.

Выехали на берег светлой речки.

— Быстрый Танып, — объяснил Сеницын. — Много рыбы.

Созрела рожь, колосятся яровые, а в полях безлюдье.

Редко-редко увидишь простейшую конную жатку, а за ней двух-трех женщин на вязке снопов.

— Кругом такая красотища, товарищ Сеницын, а поглядишь на безлюдные поля — невесело становится.

— Мало веселого, товарищ Спешиков. Машин в МТС достаточно, а тягла нет. Половина лучших лошадей мобилизована на фронт. Для тракторов не хватает горючего. Механизаторы, колхозники средних возрастов на войне. Допризывников мобилизовали на трудовой фронт. В деревнях остались старики, солдатики, ребятишки. Не знаем, как справиться с уборкой, а фронт не ждет. Да и городу есть надо...

Так ехали и разговаривали. Вдруг Сеницын замолчал и указал рукой на дальний холм.

Медленно плыл по полю комбайн. Тащили его два трактора.

— Двойная тяга! — И закрутил вожжами.

— А ну, родимая! — Мы помчались наперерез комбайну.

— Стой! — крикнул Сеницын. — Что за свадьба?

— Один трактор не берет на подъеме, — объяснил комбайнер.

— В косогорах горючее израсходуется, а на ровных местах рожь может под снег уйти. Подумали об этом?

— У нас свое начальство есть, пусть оно и думает, — нахально ответил комбайнер. — Нам директор МТС приказал.

— На бюро пропесочим вашего директора. А вы, — слушай мой команду: второй трактор отцепить. После работы его и комбайн увести на буксире!

Когда мы отъехали, я спросил Сеницына:

— Как же убирать хлеб в неудобных местах?

— Жать серпом, косить косой, товарищ дорогой. Тебе придется понаблюдать за этим.

В Нижнем Козьяше подъехали к сельскому Совету.

Председатель, по виду рабочий из эвакуированных, сидел за проверкой недельных сводок уборочных работ.

— Здорово! Как дела, товарищ Солянкин?

— Здравия желаю! Неважные дела... Ну и хитрый мужик председатель из «Советского уголка». Выполнит задание на сто двадцать процентов, пишет сто, а двадцать в запасе. В следующую неделю сделает на восемьдесят, прибавит запас, и у него получается сто процентов. Думал гнать его к чертовой матери из колхоза, а заменить некем... Приходится следить, проверять, а нас только двое — я да секретарь. Все депутаты Совета на войне.

В сельской школе разместился интернат для осиротевших детей из Ленинграда. Заведует интернатом старая учительница Москвина. Она же и секретарь сельской партийной организации.

Оставив лошадь во дворе сельсовета, мы направились в интернат. Подошли. На полянке играют ребятки. Неожиданно маленькая девчушка лет пяти с криком «Папа! Папа!» подбежала ко мне, повисла у меня на руках.

— Вы в шинели, — объяснила потом Москвина. — У многих малолеток отцы были солдатами, вот они и в каждом военном видят своих отцов...

На территории сельсовета несколько таких интернатов. Чтобы не тревожить малышей и самому не нервничать до слез от жалости к осиротевшим, я в первое время не надевал шинели или обходил интернаты по задворкам, чтобы не попадаться ребятам на глаза. Покажешься около интерната, а они бегут навстречу:

— Дяденька Саша идет! Дяденька Саша идет! — Окружают со всех сторон и долго не отпускают.

Устраивались на берегу речки Козьяшки. Рассказывал им о своем детстве, о своих ребятах.

«Как-то они живут?» — думал я, но скоро стал получать от них милые письма и несколько успокоился.

Этим летом писателям отвели огороды возле речки Мулянки. Старшая дочь Люся писала:

«Мы уже копаем картошку. Картошка вся крупная. Только варить-то ее не на чем».

А следующее письмо от Риты:

«Собираем в лесу шишки, картошку варим в самоваре. Картошка варится всего 15 минут».

В следующем письме Рита сообщала:

«Когда я пришла в школу первого сентября на перерегистрацию, то нам, тринадцатилетним, сказали: «Кто хочет ехать в колхоз добровольцами?» Мне очень хотелось, но у меня нет обуви. Нас, кто не может ехать в колхоз, используют для пилки дров и для копки картофеля на школьном огороде и для многих других дел, и мы с честью будем выполнять эти дела. Этим мы тоже поможем фронту».

В Чернушинском районе жили эвакуированные украинки. Они в некоторых колхозах, действительно, как предлагал Синицын, убирали рожь обыкновенной косой. Местные колхозники только травы умели убирать литовкой, а о косовице хлебов и слыхом не слыхали. Раньше хлеба жали серпами. На смену серпу пришла на колхозные поля машина. Дедовские серпы без дела ржавеют в пазах конюшен и амбаров.

Я жил на квартире у старушки, проводившей на войну двух сыновей. Разговорились с ней однажды.

— Осень хорошая, сухая, — говорил я, — а уборка медленно идет. Нельзя разве пустить в дело серпы?

— Как нельзя? Мне седьмой десяток доходит, а я на жатве от молодух не отстану. А мало ли старух в деревне? Все выйдут на помощь колхозу. Тошно глядеть, как плачут спелые хлеба.

Я посоветовался с товарищами, с Москвиной. Решили сделать опыт в Нижнекозьяшинском колхозе. Председатель Русинов с благодарностью принял нашу инициативу.

В течение одного дня колхозники снесли к кузнице

больше сотни серпов, требующих ремонта. Мы с кузнецом несколько суток не выходили из кузницы. Я помогал ему чистить, точить, «зубить» старые серпы. Хозяева сразу же забирали у нас исправленные и выходили в поле, так как нельзя было терять ни часа.

На страду шли все — старые и малые: эвакуированные, старшие интернатские ребята. На полях раздавались песни жниц — давно такого не бывало.

И вот на станцию Чернушка пошли первые подводы со свежим зерном.

Пример Нижнекозьмяшинского подхватили и другие колхозы. В поездках по делам в район было радостно видеть такую картину: среди уже желтеющих кустарников весело струятся голубые ручейки, на пологих холмах под ясным осенним солнышком блестит солома многочисленных суслонов — сохнут для обмолота хлебные снопы, среди местных колхозников, служащих, рабочих трудятся и приезжие товарищи.

С группой городских девчат к нам прибыл студент авиационного техникума, бывший мой ученик по школе Борис Сажин. Я был рад его приезду — видел в нем надежного помощника.

Но беда была в том, что ни он, ни его комсомольская бригада никогда в колхозной деревне не бывали, не знали, «на какой елке пшеница растет».

Девчата постепенно освоились с немудреной работой и наконец стали перегонять настоящих колхозников.

Борис Сажин и его бригада хорошо помогали мне и в агитационно-массовой работе. В часы отдыха «на стану» они читали колхозникам газеты, отвечали на всевозможные вопросы, участвовали в художественной самодеятельности.

Давно уже прошло 15 сентября — срок моей командировки, но районные организации не отпускали меня домой, да и сам я не особенно настаивал на этом: меня захватил коллективный ударный труд. Вместе с колхозниками от зари до зари находился я в поле. Иногда и спать приходилось под суслонами. Беседы о положении на фронтах, о соревновании часто проводил во время перерывов на месте работ.

Иногда приходилось улаживать неожиданные конфликты.

Зашел как-то в свободную минуту в сельсовет. Солянкин выговаривал председателю колхоза:

— Что ты накорябал в сводке? Как курица лапой. Сам черт не разберет.

— Малограмотный я, — оправдывался Русинов.

— Некому, что ли, у тебя заниматься канцелярией?

— Некому. Счетовод в армию ушел... Ты, Никола, сидишь тут, как сыч, — тебя в поле не увидишь. Ну и сиди! Разговор принимал крутой оборот.

— Товарищ уполномоченный, — вдруг обратился ко мне председатель колхоза. — Что хочешь со мной делай, а председателем робить не буду. Пусть грамотного выберут.

С трудом я успокоил расходившихся Солянкина и Русинова.

— Среди эвакуированных есть ведь грамотные. Надо быстренько подыскать счетовода, и все устроится, — посоветовал я в заключение.

Председатели мирно разошлись.

И чем только, кроме прямых обязанностей, не приходилось мне заниматься в колхозе!..

Девушки иногда по вечерам играли, танцевали на берегу колхозного пруда. А музыка испортилась — в патефоне лопнула пружина. Исправил патефон.

В сельсовете починил часы-ходики.

Учил интернатских ребят плести корзины. Помогал им в ремонте мебели, а кузнецу — в изготовлении дефицитных подковных гвоздей.

Но вот потянули на юг журавли, подули холодные ветры с надоедливим дождем, выпал первый снежок. Колхоз заканчивал хлебозаготовки. Мне наконец разрешили выехать в Пермь.

Пришел в сельсовет к Солянкину договориться о подводе.

— Что придумал? Обожди недельку — дожди перестанут. Я сам тебя до Чернушки довезу.

— Спасибо. Надо ехать.

— Понимаю — домой потянуло. Я завидую тебе. Когда-то я увижу свой родной Ленинград? Приехал с ребятами сюда да и осел до поры до времени... На чем же ты поедешь?

— Нельзя на лошади — пешком пойду.

— Подожди. Должна срочно ехать в район заведующая магазином. Лошадь у нее мировая, да никто быть кучером не соглашается.

Председатель взял трубку телефона и долго переговаривался с заведующей.

— Все в порядке, товарищ Спешиллов. Я сказал, что ты отчаянный кучер, и рекомендовал тебя за такового.

На свету мы выехали из Нижнего Козьяша. Моя пассажирка, закутанная в платки, сидела в плетенке. Я, как полагается кучеру, — на козлах, в шинели. Вороной жеребчик, откормленный на сельповских харчах, шел резво. Мотнет головой в мою сторону — огонь в глазу.

Подъехали к глубокому логу. Внизу бурлит мутная речка. На дороге было пусто, а здесь скопилось до десятка подвод. Они осторожно, одна за другой, спускались в лог и по очереди переезжали речку. А наш конь как рванется вперед! Все телеги обогнал и мигом перемахнул брод. Я едва удержался на козлах.

Это препятствие мы одолели сравнительно благополучно, а впереди ожидало другое, более серьезное испытание — деревенский пруд.

Вода сплошным потоком переливала через его плотину, по которой проложена дорога. Свернешь вправо — окажешься в пруду, свернешь влево — попадешь в водопад.

Что делать? Пытался остановить коня, а он не слушается, вырывает вожжи из рук, несется прямо в воду.

Я принял правильное решение. Ослабил вожжи. Ведь конь — умное животное и без меня найдет правильную дорогу. Так оно и вышло.

Дальше ехали благополучно. Конь сам остановился у районного кооператива.

Моя пассажирка слезла ни жива ни мертва. Вместо того чтобы сказать мне спасибо, она пробурчала сердито:

— Ну и кучер! И глаза бы не видели такого отчаянного.

Не простившись со мною, ушла на базу. А я направился в райком, чтобы обсушиться и до поезда привести себя в порядок.

5. Соловушка-исцелитель

Приехал домой с прекрасным настроением, с чувством выполненного долга. Однако здоровье мое было подорвано. 1 января 1944 года меня сменила Людмила Сергеевна Римская. Я остался главным редактором.

Вскоре я заболел дистрофией, попал под опеку медицины.

Секретарь облисполкома Борис Никандрович Назаровский, ученик Зои Александровны Будриной и мой друг молодости, не спрашивая моего согласия, вручил мне путевку в дом отдыха «Красный Яр».

Простился с семьей, с товарищами и отправился на принудительное, как мне казалось, лечение. Плохо помню, как доехал на поезде до станции Шумково, где на вокзале набралось до десятка таких же «доходяг».

Погрузили нас в кузов машины и повезли в дом отдыха, километров за тридцать от станции.

Приехали — надо вылезать, а я не могу. Подхватили меня девушки в белых халатиках и помогли спуститься на землю...

В первые дни я не мог ходить даже в столовую. Диетическое питание приносили в палату.

Однажды рано-рано утром я через открытую форточку услышал пение соловья. Слез с кровати, подошел к окну, раскрыл его настежь. Соловей пел, трещал где-то совсем рядом. И так мне захотелось увидеть его, что я, как во сне, вылез из окна на волю. Соловей отлетел дальше и снова запел. Я шагнул ему вдогонку, а он снова отлетел от меня и продолжал свою азартную песню. Соловей увел меня далеко от дома отдыха в кустарники на берегу Сылвы...

С того утра стал быстро поправляться.

Соловушка-исцелителю — спасибо!

Как оказался на ногах, я в первую очередь пришел в библиотеку. Было приятно заметить на полке своих «Бурлаков».

Постепенно набирался сил. Стал купаться в Сылве, удить голавлей, собирал грибы, ягоды.

Когда окончился срок отдыха, с группой товарищей пешком ушел на станцию Шумково — болезней будто не бывало.

Возвратившись домой, навестил мать и сестренку. Зашел к старшей сестре Сюте. Навстречу выбежала ее дочурка:

— Сироткой она осталась у меня, — с горечью в голосе проговорила сестра. — Похоронку получили: мой Иван Данилович пал смертью храбрых.

— Как остальные наши? — спросил я.

— Плохо. Митя убит на Курской дуге. Давно нет писем от брата Миши.

— А как мама?

— Плачет, ждет писем от Мити. Придешь к ним — о Мите ничего не говори. Она не знает.

— Понимаю. Ты что думаешь делать?

— Пойду работать на завод.

Мама жила в семье Капы. Поехал к ней.

Постарела мать, поседела. Обняла меня со слезами.

— Было у меня четверо милых сыновей. Неужели ты один остался?

— Почему, мама, один? Скоро кончится война и приедут домой ребята.

— Дай-то бог. Зятя Ивана Даниловича жаль. Добровольно пошел на войну и сложил буйную головушку. А что с Митей станется, кто знает.

«Я знаю», — чуть не вырвалось у меня.

— Хоть ты, Саня, не уходи на эту проклятую войну. Сколько слез я пролила, когда ты воевал в гражданскую, чуть сама не умерла, когда сказали, что лежишь убитый на чужой стороне...

6. На «колесах»

Ленинградцы, нашедшие приют в нашем крае, стали возвращаться в родной город. Первым выехал из Перми коллектив театра оперы и балета имени С. М. Кирова. Стали прощаться с пермяками ленинградские писатели.

После осенней сессии 1943/44 учебного года собрался в дорогу и Ленинградский сельскохозяйственный институт, где на втором курсе училась наша старшая дочь Люся. Она первой должна была улететь из родного гнезда.

Пермяки — двести девушек и трое парней — погрузились в товарные вагоны. Многие из них впервые покидали Пермь и своих родных, и почти никто из них не бывал в Ленинграде. Было немножко грустно при расставании. Ведь война еще не окончилась. Неизвестно, что их ждет впереди.

Зашел я как-то по пути к друзьям в редакцию областной газеты «Звезда». Они меня и сагитировали поступить к ним литературным сотрудником. Газета с двухполоски переходила на четыре полосы (страницы), требовались дополнительные кадры журналистов.

Директор издательства Людмила Сергеевна Римская, женщина сердечная, понимала, что я жаждал живой га-

зетной работы, и не упрекала меня за переход в редакцию.

И вот я представился редактору Николаю Прокопьевичу Анисимову.

— Тебя ждет интересная работа в партийном отделе, — сказал он. — Только придется ездить в командировки, быть всегда на колесах.

— Мне не привыкать...

— Ну и ладно. Пошли в партотдел. Познакомлю с Мухиным. Парень хмурый, а товарищ хороший.

В большой комнате — два стола. Один у двери, другой в углу. За столом — худощавый, с рыжими кудрями заведующий отделом. Лицо крупное, брови черные, а глаза голубые.

— Дмитрий Петрович! Принимай пополнение. Спешиллов Александр Николаевич.

— Я его знаю, — сказал Мухин. И тотчас же дал мне задание: — Знаешь на берегу здание управления пароходства?

— Знаю.

— Сходи туда, приглядишься, что там делается, и утром сдай статью.

— Вроде пробы, что ли?

— Как хочешь понимай. Желаю успеха.

И я ушел на задание.

Оглядел здание с фасада. Зашел во двор. Ну и неказистый вид! Штукатурка обвалилась, колонны в трещинах, золоченые капители в саже. Во дворе обшарпанная стена похожа на стену заброшенного склада.

Мы когда-то, после национализации флота, отремонтировали это здание, отобранное у пароходчика Мешкова. Оно стало лучшим в Перми. А теперь?

Зашел в помещение. Давным-давно не белено и не крашено. На верхнем этаже на стенах подтеки — крыша протекает. На лестничной площадке в пыли большая груда библиотечных книг.

Возвратясь в редакцию, сел за свободную машинку (машинисток удивил) и напечатал свою первую статью в газету. Назвал ее «Квартиранты». Описал, во что превратили руководители пароходства одно из лучших зданий в городе.

— Уже написал? — удивился заведующий, когда я передал ему статью.

— Готово. Даже сам перепечатал.

Мухин прочитал рукопись.

— Здорово и правильно. Покажу редактору.

Статья была опубликована.

В следующие дни вокруг здания управления поднялись леса. Начался ремонт — побелка, покраска стен. На крыше застучали молотки кровельщиков.

Да, велика сила печатного слова!

Первая командировка — в Карагай. От станции Менделеево в Карагай отправился пешком.

В Карагае надо было сделать очерк «О культуре районного центра». Сбором материала я занялся немедленно, как только устроился с жильем.

Вышел на торговую площадь. На новеньком доме с большими окнами — вывеска: «Парикмахерская». У конюязи несколько подвод. Открыл дверь в парикмахерскую и вижу: колхозники перед дорогой домой приводят себя в культурный вид — подстригаются, бреются, освежаются одеколоном...

В селе много предприятий, обслуживающих население: хлебопекарня, лесопилка, бондарная, гончарная, трикотажная, портновская, сапожная мастерские, заводик безалкогольных напитков и даже спичечная фабрика. Показательно, что почти все предприятия быта здесь были созданы в военное время.

В колхозном селе появился и рабочий класс. Только в мастерских МТС, на радиоузле, в типографии больше ста кадровых рабочих.

В школе, дошкольных учреждениях, ДOME культуры, больнице, в партийных, советских, комсомольских организациях и учреждениях трудились десятки высокообразованных специалистов.

Карагайцы, как и вся наша страна, самоотверженно работали в тылу, помогая Советской Армии громить врага. Но они же находили время и учиться, и культурно отдыхать, чтобы еще лучше работать.

Встретился с заведующей отделом пропаганды и агитации районного комитета партии Анастасией Яковлевной Ощепковой — активной участницей и руководителем культурно-массовой работы на селе. Ее после многотрудного дня всегда можно встретить в районном ДOME культуры. Здесь, кроме драматического кружка, организован хор русской песни, созданы агитбригады. В 1944 году, сказала Ощепкова, они уже обслужили двадцать три колхоза.

Очень много положительного я узнал в Карагае, познакомился с интереснейшими людьми, отдающими все свои

силы развитию культуры на селе в условиях военного времени. Написал очерк, который был принят благосклонно читателями газеты.

С Карагая и началась моя жизнь «на колесах». Побывал почти во всех районах области. Дома, в городе, жил мало. Оперативный материал передавал дежурной стенографистке по телефону.

Накануне Великой Победы мне довелось побывать в гостях у заведующего молочнотоварной фермой колхоза «Новый путь» Ильинского района Василия Шохирева. Молодой животновод написал книгу о пастбищном содержании скота, она получила положительный отзыв профессора Никольского и других специалистов и хорошо была принята колхозниками. Я и направился к нему, чтобы написать очерк для нашей газеты, тем более, что Василий Шохирев — слудский житель и приятно было познакомиться со знаменитым земляком.

В Слудке остановился у старого товарища своего, председателя колхоза Ивана Андреевича Дудина. Он и свел меня с Шохиревым. Знакомясь с его жизнью, я узнал много любопытного.

...Когда речники Камы и Волги повели свои мирные суда на защиту Сталинграда, курсант-отличник офицерских пехотных курсов Василий Николаевич Шохирев подал заявление о вступлении в ряды Ленинского комсомола. Он писал в заявлении о своем горячем желании пойти на фронт оборонять Сталинград, Волгу. Вскоре желание комсомольца Шохирева сбылось: все курсанты еще до окончания школы были направлены на защиту Сталинграда.

В темную осеннюю ночь поезд подходил к последней остановке. Молодые бойцы, прильнув к окнам вагона, с болью в сердце наблюдали огромное зарево, охватившее полнеба, — это горел Сталинград. От разрывов снарядов и бомб стонала Волга.

С огромной жадной мести вступили курсанты в первую схватку с противником.

В октябре 1943 года гвардейская часть, в которой служил Василий Шохирев, преследуя отступающего врага, подошла к Днепру. На другой его стороне горел древнерусский город Киев. Бойцы рвались на тот берег. Шохиреву посчастливилось одному из первых с отделением бойцов форсировать реку и закрепиться под высоким глинистым яром.

В сражении Василий Шохирев был тяжело ранен и по-

пал в тыловой госпиталь. Всею душой рвался он в часть, к своим боевым друзьям.

Но не сбылись его желания. Через шесть месяцев лечения ему выдали удостоверение инвалида.

«Калека, никому ненужный, бесполезный человек», — такие тяжелые думы не давали покоя Василию. Было очень обидно выйти так рано из строя и в такое время, когда уже ясно намечался победоносный конец войны. Что может ему, инвалиду, заменить боевую жизнь фронтовика?..

Мрачный, в подавленном настроении вернулся Василий Шохирев домой.

В колхозе была горячая пора уборочных работ. С рассвета до темноты люди трудились в поле. Все колхозники, даже старики и дети, были заняты делом.

Несмотря на ноющие раны, Шохирев не усидел дома, его тянуло к труду. Он видел, с каким энтузиазмом люди здесь выполняли долг перед Родиной. И Василий Николаевич пошел в колхоз просить работу.

— Полеводческие бригады у нас работают хорошо, — сказал председатель Иван Андреевич Дудин, — а с животноводством плохо: не было людей, да и сами мы в заботах о зерне забыли наши фермы. Ты, комсомолец, наведи на ферме порядок. Когда нужно будет — поможем.

Трудно было работать в первое время молодому, неопытному заведующему. Но Шохирев поступил на районные курсы животноводов, окончил их на отлично и по приезде домой стал на ферме наводить порядок так, как его учили на курсах.

Недостатков на ферме было немало, за скотом ухаживали по старинке, не следили за правильной раздачей кормов. Ежегодно третья часть молодняка погибала из-за неправильного содержания, дойные коровы по полгода не давали молока. Помещение фермы, построенное еще задолго до войны, разрушалось.

Горячо взялся Василий Шохирев за мирную работу, которая заменила ему боевую жизнь. Прежде всего он приступил к капитальному ремонту помещений. Наладил учет, установил твердый рацион для животных. Четко распределил между работниками фермы обязанности, ввел строгую дисциплину. Результаты сказались в первый же год. Увеличились удои. Зимой 1944/45 года не было ни одного случая падежа телят. К весне 1945 года молочнотоварная ферма перевыполнила все планы и стала гордостью колхоза «Новый путь».

С большим уважением относились колхозники к комсомольцу Шохиреву. Уважали его за раны, полученные в боях, и за самоотверженную работу в колхозе.

Не терял Шохирев связи со своими боевыми друзьями. «Мы сейчас находимся в германском городе Берлине», — писали они ему.

— Подумать только, наши ребята в самом логове фашистского зверя! — с восхищением сказал в конце нашей беседы Василий Шохирев.

7. Победа

Восьмого мая я дежурил в типографии. Ожидал материал об окончательной капитуляции фашистов. Сообщение было получено ночью. Утром был получен Указ Президиума Верховного Совета: день 9 мая был объявлен праздником Победы.

Со свертком свежих газет я поспешил в редакцию.

У городского сада имени А. М. Горького и в самом саду — тысячи восторженных людей. Гремят оркестры, люди плачут, обнимаются. У меня разобрали все газеты. Удалось сохранить единственный экземпляр во внутреннем кармане пиджака.

На улице Карла Маркса — сплошной поток празднично настроенных людей. С трудом добрался до своей редакции.

И здесь торжество: шум, песни, смех.

Стали возвращаться домой герои-фронтовики. Один наш знакомый солдат зашел на квартиру к Капе, где жила наша мать, и неосторожно рассказал о гибели на Курской дуге брата Дмитрия. Невозможно описать горе матери.

Через неделю получили сообщение, что Спешиллов Михаил Николаевич в списках убитых, раненых, пропавших без вести не числится.

— Никто не хочет правду сказать, — заплакала мать. — Убили Мишеньку.

А через некоторое время приехал домой Миша, живой и здоровый.

Выдержала испытание в Ленинграде и наша Люся. О встрече Дня Победы в городе-герое она писала так:

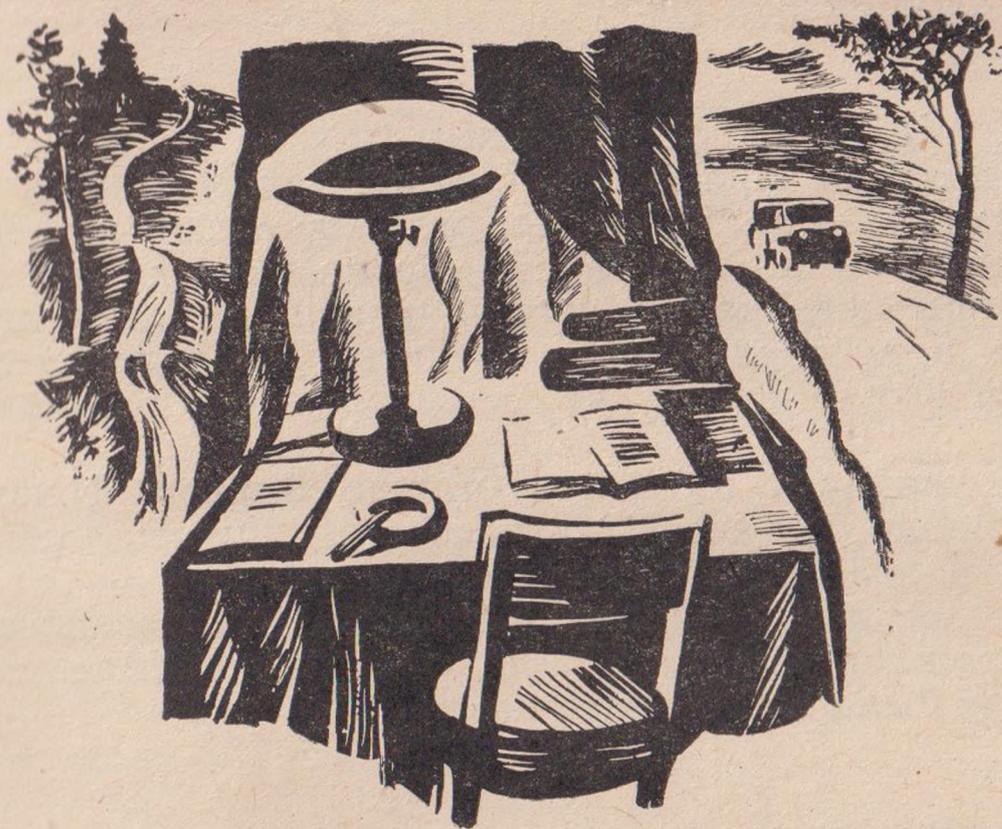
«...Пятнадцать минут третьего ночи заговорило радио — торжественный голос Левитана сообщал о нашей

победе. Я закричала на всю комнату: «Вставайте, сони! Победа! Победа!» Выбежала в коридор, всех подняла на ноги. Студенты собрались на нашем этаже. Кричали «ура!», танцевали, целовались.

Потом все мы выбежали на улицу и сразу попали в объятия совсем не знакомых людей. Все обнимались и... плакали. Это были первые минуты радости, но и печали: в редкой советской семье остались все живыми. В Ленинграде — особенно. Не только пули и бомбы, но и голод унес многих из жизни.

Девятое мая было первым нерабочим днем. На всех площадях — трибуны, подмости. Выступали артисты театров, самодеятельные артисты. Всё, что могло играть, играло, всё, что могло петь, пело.

Наступил первый мирный вечер. Не надо занавешивать окна. Прожектора освещали все небо — было светло как днем. К двенадцати часам ночи все устремились на берега Невы смотреть победный салют. На Неве стояли военные корабли, над каждым взлетали снопы ракет и рассыпались разноцветными звездами: над «Авророй» — красного цвета, над кораблями подальше — зеленого, над другими — смешанных цветов. И в полной тишине раздались оружейные залпы. Залпы победного салюта, которых не надо бояться».

ЧАСТЬ СЕДЬМАЯ

1. Борис Ширшов

Отгремели победные салюты. Мы стали ждать возвращения в родные места своих братьев по перу — писателей, журналистов, героически защищавших Родину от немецко-фашистских захватчиков.

Вернулись немногие. Среди приехавших — гвардии лейтенант, молодой поэт Борис Валентинович Ширшов. Он с первых же дней стал в нашей семье родным человеком.

Известно, что Борис писал хорошие стихи, но немногие знают, что он был и способным музыкантом. Играл на аккордеоне и — виртуозно — на всех струнных инструментах. Он вместе с Александрой Петровной часто устраивал для нас на квартире интересные домашние концерты. Александра Петровна хорошо играла на мандолине, Борис аккомпанировал на гитаре, а еще он с таким чувством ис-

полнял русские народные песни, что слезы вызывала его мастерская образная игра.

Борис Ширшов был надежным другом в наших с ним путешествиях по Прикамью. Приходится сознаться в порядке самокритики, что я не отличаюсь хозяйственными талантами. Обычно все заботы Борис брал на себя. Например, при поездках в командировки он становился и кассиром, и распорядителем кредитов. Расходовал деньги толково и экономно, так что мы с ним не знали никакой нужды.

Я на двадцать пять лет старше Бориса. Некоторые остряки, вроде Афанасия Матросова, подшучивали:

— Связался старый хрыч с младенцем.

Но какой же младенец Ширшов, когда испытал все ужасы прошлой войны? Да и я не старик. Мне в сорок пятом году было всего сорок шесть.

Вспоминаю одну командировку на север области, в Коми-Пермяцкий автономный округ. Летим в Кудымкар. Под крылом самолета — тайга, сплошной лес от горизонта до горизонта. Сверху кажется, что под нами сказочный темно-зеленый бархатный ковер. Он так тянет к себе, так бы и выпрыгнул из самолета!..

Через час мы были в Кудымкаре. Зашли в контору лесокombината. И снова — в воздух. Маршрут: Кудымкар — Гайны, село, знакомое мне еще по бурлачеству.

Летели долго. Мне уже надоело однообразие тайги, я уже не любовался ею. Наконец самолет стал снижаться и приземлился на посадочной площадке около Гайн. Летчик выпустил нас, у меня дыхание захватило: стоял жгучий мороз. К нам подбежала черная собака, вся в куржеvine, и приветливо завилыла хвостиком.

Подгоняемые морозом, мы быстро зашагали к «аэровокзалу» — деревянному домику, чуть не до крыши занесенному снегом: впереди — собачка, за ней — мы, следом — летчик.

В помещении жаром пышет печь. Летчик выкурил папироску и простился с нами. Было слышно, как северный трудяга — маленький самолет — поднялся в воздух и полетел дальше на север.

Заведующая площадкой, пожилая женщина, позвонила

по телефону в Гайнский леспромхоз, сообщила о нашем прибытии. За нами на косматой лошадке приехал возчик и привез два тулупа.

Мы с Борисом с ног одеты тепло: у него — меховые брюки и унты, у меня — валенки и широченные ватные штаны. Но верхняя одежда — городские пальтишки на «рыбьем меху» — совсем не по сезону. Предусмотрительность хозяев не могла не порадовать нас.

Поместили нас в поселочке, километра за два от центра села. Между поселком и селом открытое место.

Договорились с хозяйкой о питании и прочем и решили сходить в контору. Приехали мы сюда по направлению треста для проведения лекций, бесед о литературе среди лесорубов. Вместе с профсоюзной организацией леспромхоза надо было спланировать эту работу.

Только вышли за околицу поселка, как нас догнала и окружила стая собак.

«Ну, — думаю, — пропал во цвете лет. Загрызут!» У меня даже ноги подкосились. Спасибо, поддержал за локоть Борис, не то бы сел на дорогу. Собаки улеглись вокруг нас и так умильно глядели прямо в глаза, скуля! Мы шагнули вперед. Собаки с лаем бросились по дороге.

— Ничего, Боря. Наши штаны никакой зверь не прокусит. Давай закурим.

— За себя не беспокоюсь, — сказал Борис. — За вас страшно... Курить так курить.

Остановились для закурки и снова оказались в засаде. Собаки расположились кружком. И чудно: со стороны собак никакой агрессивности — сидели и скулили по-прежнему. Мы двинулись вперед, и — снова лай и беготня. Когда подошли к первому сельскому двору, собаки прыснули во все стороны и скрылись.

Навстречу нам показался старик. Нес какую-то железяку.

— Здравствуйте, товарищи. Шибко собак перепугались? Давно гляжу. А вы не бойтесь.

— Друг мой не испугался, а я здорово, — сознался я.

— Одичали ваши собаки, — проговорил Ширшов. — Живому человеку проходу не дают.

— Нет! Наши собаки в парме живут. Умные оне. Волки у нас появились. Скопом бегают. Собаки тоже стаями стали бегать. Как завидят человека-то — и все к нему. Человек-от сильнее волков. Собаки понимают это. И бегут к нему, защиты просят...

— Что это у тебя за машинка, дед?

— Капкан на волков. Я ноне в «Заготпушнину» пять шкур сдал...

Гайнский район по площади занимал половину округа, а по числу жителей — последнее место. В недавние времена это был безлюдный лесной край без дорог.

В советское время здесь появился человек, началась заготовка древесины.

Нам довелось побывать во многих отдаленных лесных пунктах. Это было невиданным событием для лесорубов — впервые к ним приехали живые писатели. Особенно тепло встречали слушатели Бориса. Ширшов читал свои стихи с большим подъемом.

На одном лесном участке в большом бараке-временке жили сезонники из Бардымского района нашей области. Они особенно радостно встретили нас. Мы поняли, как простые рабочие любят литературу, как уважают нашего брата-писателя и в каком долгу мы перед ними, своими читателями.

В последние дни погода была терпимой, и вдруг завихрилась метелица, ударили пятидесятиградусные морозы. А нам надо было возвращаться из поселка Племен-Бор, что в верховьях Весляны.

Лесовозная дорога представляла собою узкий коридор среди плотного лесного массива, куда не проникают лучи тусклого зимнего солнца. Деревья, дорогу окутала густейшая морозная мгла — за пять шагов ничего не видно.

Чтобы не застыть, я часто вылезал из саней и бежал за подводой. Борис каждый раз помогал мне забираться в сани, иногда просто хватал меня за шиворот и втаскивал на место, тщательно закутывал меня в тулуп, ноги забрасывал снегом. На бегу я обмораживал нос, щеки. Борис оттирал обмороженные места снегом до красноты. Мне на время становилось тепло. А когда начинала пробираться дрожь, я сбрасывал тулуп и снова согревался в беге за санями. Несколько раз со мною вперегонки бежал и наш возчик, молоденький паренек, передав вожжи Борису. Он ни разу не слезал с саней.

Километров тридцать проехали, уже не вмоготу стало, хоть костер на дороге разжигай.

Наконец судьба смилостивилась над нами. В тумане показалось тусклое пятно света. Подъехали к домику лес-

ного участка. Вошли в теплое помещение. Борис стал снимать рукавицы, а они не снимаются. Трое здоровенных парней грубо потащили Бориса на улицу. Я вступился за него:

— Чего безобразничаете? Оставьте парня в покое!

— Не видите, что ли? — ответили мне. — Он руки поморозил. Оттирать надо.

К счастью, все обошлось благополучно, обмороженный своевременно попал к опытным людям, оказавшим ему первую помощь.

Так, не считаясь с собственным здоровьем, товарищ мой оберегал меня от беды.

Для проведения литературных вечеров мы с Борисом Ширшовым были направлены в Еловский район. Остановились в центре колхоза «Заветы Ленина», что на берегу извилистой, с крутыми берегами речки Барды. Ежедневно выступали в бригадах, в библиотеках, в школах, на токах и даже в конюховках.

Нас «брали» нарасхват. Приехал бригадир из дальней бригады с приглашением выступить в их библиотеке. Конечно, согласились.

На место попали под вечер. Бригадир высадил нас у библиотеки и увел коня на конный двор.

Мы без приглашения и рекомендации зашли в библиотеку. В ней две комнаты: читальный зал и абонемент. В абонементе за столиком под книжными полками сидит молоденькая девушка.

Мы представились.

— Приехали к вам на литературную встречу.

Библиотекарша оживилась:

— Ах, как хорошо! Так хорошо! Мы ждали вас. Я объявление написала. Не видели у ворот?.. Побегу к бригадиру, чтобы колхозников собирал.

Стали приходить слушатели.

Библиотекарша успела соорудить витринку с нашими книжками.

В семь вечера колхозники — старые и малые — заполнили зал. Мест не хватило. Многие сгрудились у стен, ребята уселись на полу.

Я коротенько рассказал, что за люди писатели и как они пишут свои книги, посоветовал, как организовать в библиотеке литературный кружок. По просьбе слуша-

телей мы рассказали о себе. Затем читали свои сочинения. Вечер затянулся до одиннадцати часов.

Колхозники разошлись по домам. Библиотекарша предложила:

— Ужинать не хотите? Здесь близко. У нас и заночуете — места хватит.

Мы поблагодарили ее и отказались от приглашения, так как рано утром надо было ехать в другой колхоз. Простились с девушкой и пошли обратно.

Ночь темная, безлунная. Небо в облаках, ни единой звездочки не видно, не видно и дороги под ногами.

Обычно при поездках я всегда наблюдаю за дорогой, чтобы, возвращаясь, не заблудиться, а сегодня забыл свою привычку. Думал, что нас на лошадке обратно привезут. Увы! Бригадир куда-то срочно выехал. Мы в темноте быстро потеряли торную дорогу. Я чиркнул спичку. Оказалось, что стою над омутом, на краю крутого обрыва. Борис меня отдернул от опасного места.

— Я впереди пойду, — предложил он. — А то вы со своей близорукостью вдруг да и нырнете в речку. Не отклоняйтесь ни вправо, ни влево. Идите за мною шаг в шаг.

И он осторожненько пошел, я побрел за ним и о чем-то задумался, забыл про осторожность, хотел обойти товарища и... свалился в яр. На счастье, попал не в омут, а на перекат — воды только по лодыжки. Борис подал мне руку и вытянул наверх, сделав справедливый выговор:

— Говорил я вам, что осторожно надо. Шаг в шаг, а вы?

— Иди, Боря, один. Я здесь останусь.

— Что?! Если надо будет, на руках понесу...

Вскоре стало светать. Удалось выйти на торную дорогу и без труда дойти до квартиры.

За общественную работу на речном транспорте меня премировали охотничьим ружьем со всеми припасами. Если висит на стене ружье, значит, оно и стрелять должно. И меня потянуло на охоту.

Несколько раз мне сопутствовал Борис Ширшов. Я ходил с ружьем, а он — с удочками. С охотником ему было не интересно. Только сядет с удочкой на озере, только утренний клев начнется, а тут — выстрелы по уткам. Попаду или нет, а клев на весь день испорчен. Рыба-то ведь не глухая.

Тогда Ширшов тоже завел себе ружье. Стали вместе бродить по лесам да по озерам, как настоящие охотники.

Моя наука плохо давалась начинающему охотнику. В самый подходящий момент, вместо того чтобы дичь брать, он опускал ружье вниз стволами и любовался, «как уточки плавают». Конечно, с таким охотником — не охота. Я по примеру Бориса стал брать с собой, на всякий случай, рыболовные принадлежности.

Однажды мы возвращались с речки Сокольи, хотя без дичи, зато с богатым уловом серебристых хариусов. На переезде через Сылву надо было разрядить ружья — с заряженными ходить в населенных пунктах не полагается.

Я вытащил патроны из обоих стволов своей «бельгийки», а Борис залюбовался воробьями, которые обсыпали ближнюю ольху. Прыгают по веткам и весело чирикают. И случилось невероятное. Ширшов поднял ружье и разрядил его по воробьям. С пяток невинных воробышков упало натраву.

Борис опустил ружье, с побелевшим лицом наклонился над ними, сам, как убитый.

— Зачем я сделал это? Зачем?

С той поры Ширшов больше никогда не ходил на ружейную охоту...

В одном из своих последних стихотворений Борис Ширшов писал:

А вообще-то это надо ли,
Чтоб все сказал и все успел?
Ведь вечно с неба звезды падали,
А небосвод — не поредел.

Звезды с неба падают и навечно исчезают. А твои, поэт, звездочки-стихи еще долго не исчезнут.

2. Встречи на Каме

В редакцию «Звезды» пришли новые квалифицированные журналисты. Почти полностью произошла смена состава. Заведующего отделом партийной жизни Дмитрия Мухина перевели на работу в городской комитет партии. Его заменил бывший редактор фронтовой газеты Сергей Сергеевич Пуцилло. Отдел промышленности возглавил оставшийся в Перми после эвакуации Константин Василь-

евич Латохин. Редактор Николай Прокопьевич Анисимов уехал в Молдавию руководить республиканской газетой. Ему на смену пришел Борис Никандрович Назаровский.

Я получил наконец возможность заняться исключительно писательским делом, о чем мечтал многие годы. У меня было много материала для повестей и рассказов, нужно было заканчивать книги «В колхозе «Зарево», «В лесах Прикамья».

Я часто бывал в гостях у главных читателей моего романа «Бурлаки» — матросов, портовых рабочих.

Однажды меня пригласили рабочие порта Левшино, как бывшего бурлака, своего человека.

Собрались в столовой. Среди портовиков много женщин. Спросил девушку-культработницу:

— Кто эти женщины? Неужели грузчицы?

— Конечно. В войну заменили мужей-фронтовиков, так и остались в порту. Работать было очень тяжело. Теперь кругом вводится механизация...

Началась беседа. Рассказал я о прошлой жизни своей, как стал писателем. Прочитал свои «прохожие», вызвав веселый смех и воспоминания стариков.

Вот вошел один опоздавший рабочий. Седоусый, в спецовке, в руке большая папка. И ворвался в нашу беседу:

— У меня племянник в Слудке. Он одну книжку выслал мне. Читай, пишет, сочинение. Про тебя, дядюшка, написано... Послушайте, ребята. — Он развернул папку, взял первый лист и начал: — «Сегодня приехал отец с Печоры. Наша избашка стояла на краю бурлацкого поселка... Приходили старые товарищи, грыжные от купеческих штурвалов...»

Слушатели зашумели:

— Правда, ядрена корень!

— Так и дает! Так и дает!

— Читай, Павлович, дальше.

Ведущая с трудом успокоила народ.

— Тише, товарищи! Наш гость Александр Николаевич — автор этой книги...

— Почему раньше не сказала?

— А почему я знала, что у Павловича «Бурлаки» окажутся?..

Беседа подошла к концу. Стал прощаться с товарищами.

— Нет! — заявил мой земляк Иван Павлович. — Мы тебя без угощения не отпустим. Эй, кокша! Что в печи, все на стол мечи!

Портовики меня гурьбой проводили на станцию. Когда я стоял на подножке вагона тронувшегося поезда, провожающие махали рукавицами, кричали:

— Еще приезжай, товарищ писатель!

Я никогда не терял связь с речниками, особенно с молодежью. Расскажешь им, как мы мучились в старые времена. Их послушаешь, посмотришь, как они работают на свободной реке.

Сравнишь теперь старое с новым — и жить становится веселее.

Вот одна из таких встреч. На теплоходе культбазы меня подвезли на рейд к огромному «Волго-Дону». В каюткомпании собралась молодежь. Здесь телевизор, радиола, на столах — свежие газеты, цветы.

Собравшиеся раньше читали мои книги, в том числе и роман «Бурлаки». Я рассказал молодым, как жили речники раньше, о мучениях рабочих на транспорте.

— Не может быть, — говорили слушатели, — чтобы матросы жили в темном кубрике, спали вповалку на нарах. Теперь у нас каюты с кроватями.

А один паренек сказал:

— Ваш родственник Александр Филиппович Ховрин в свое время двадцать пять лет прослужил на «Неве» капитаном, был малограмотный. У нас на «Волго-Донах» даже многие матросы закончили речные училища. Все остальные учатся. Капитан с высшим образованием.

— У нас на пароходах штурвальное колесо втроем ворочали. У вас на корабле «баранка», как на автомобиле, — рассказывал я. — Вахтили не по часам, а по расстояниям. Например, от Перми до Осы одна вахта, от Осы до Сарапула — другая.

Молодые матросы не знают, как возить груз на тачке, а заплечную «подушку», железный крюк и видом не видели.

Всю работу по погрузке и выгрузке выполняют теперь механизмы.

Мне даже завидно стало.

С удовольствием бы поступил в матросы на такое судно, если бы был помоложе.

3. По тайге и просторам степным

Дочь Рита окончила геологический факультет Пермского государственного университета имени А. М. Горького. Вышла замуж за своего соученика. Олег — спортсмен, не пьет, не курит. Сразу понравился мне и Александре Петровне. Внимательный и добрый. До учебы был слесарем на заводе: свой парень, из рабочих.

Молодых геологов по окончании университета направили в Томск.

В 1955 году Сибирский геологический институт организовал экспедицию в горы и тайгу Восточных Саян. Начальником отряда назначили Риту.

Я давно мечтал побывать в сибирских краях и с благодарностью принял приглашение участвовать в экспедиции. Пока шла переписка и мои сборы, отряд уже был на реке Чулым, около города Боготол Красноярского края.

Сколотил деревянный ящик-чемодан — с фабричным в тайге не разгуляешься, — сложил рыбацкие принадлежности, припасы к ружью, табачок — словом, все, что полагается. Приехал на поезде в Боготол.

Вышел на привокзальную площадь, сел на скамейку. Вижу — подъехала машина с брезентовым кузовом. Ко мне подходит молодой человек в форменной фуражке.

— Здравствуйте! Вы Спешиллов Александр Николаевич?

— Верно. Но как вы меня узнали?

— Маргарита Александровна объяснила. Пожилой, говорит, в очках, в серой шляпе, с ружьем... А я Эмиль Воронов, геолог-практикант.

Эмиль подал знак шоферу, машина подрулила к нам. Выглянул водитель:

— Шелепенко, шофер первого класса.

Это был молодой украинский парень. «Вероятно, война забросила парня из теплой Украины в хмурую сибирскую тайгу», — подумал я. И, оказалось, не ошибся.

Ребята погрузили мои пожитки, меня усадили в кабину рядом с шофером. Поехали на перевоз. На берегу сплошной березняк, ни единой родной пихты или елочки. Когда на пароме переплывали на правый берег Чулыма, я заметил в глубине реки какие-то мелькающие тени.

— Таймень гуляет, — объяснил Шелепенко.

«Вот, — думаю, — благодать! Порыбачим, значит».

Заморосил дождик. Шоферу пришлось включить «дворника».

Выехали из зарослей на полянку. Показалась большая палатка. Я думал встретить солидных бородачей, а вокруг палатки бегают трое парней и две девчонки в купальниках, а за ними — белая собачонка.

— Что за кросс? — спрашиваю шофера.

— Утренняя пробежка.

Когда подъехали — и дождик прошел. Ко мне подбежала Рита.

— Здравствуй, папа! А я думала, что не приедешь...

Она шутливо стала меня знакомить с товарищами:

— Этот, серьезный дядя, даже по песку не ходит босиком — боится ножку уколоть, — старший геолог Саша Абрамов. Длинный в кепке солнечного удара боится, рабочий Самсонов, он студент, решил подзаработать за лето. А вот маленький, да удаленький, русский, безусый, геолог Боря Холин. А кто эта девчонка — не догадаешься. Это главная наша хозяйка, синеглазая сибирячка, коллектор Светлана Молчанова. Воронова и начальника гаража Шелепенко уже знаешь... Белка, куси! — Ко мне с веселым лаем подкатилась собачка.

— Это младший член отряда, охранник, собачья Белочка. Ну, кажется, и все.

Молодые геологи по мере рекомендации подходили и церемонно пожимали мне руку.

— А теперь, ребята, разводите костер, — приказала Рита. — Будем уху варить.

— Значит, у вас рыба есть?

— Много рыбы. Консервная.

— Почему свежей не наловите? Смотрите, как она после дождика играет в реке, сама в котел просится.

— Удочек нету, — проговорил Борис Холин. — Были у меня, да этот долговязый Эмилий в три дня все удочки проудил.

— Разве я виноват, что в реке коряги?

— Не надо ссориться, товарищи, — прекратил я начавшуюся перепалку. — У меня много лесок, на всех и на все лето хватит. Видите ивняк? Марш за удилищами!

Через полчаса ребята притащили целый пук ивовых прутьев.

— Пока привязываю лески, ищите червячков, гусениц, кузнечиков для насадки.

Ребята рассыпались по поляне. Среди них бегала, прыгала Белка. Наловили разных кузнечиков, козявок. Разошлись все по берегу — и давай хлестать воду. Светлана

обходила нас с ведром и собирала выловленную рыбу. Рита у костра чистила картошку и лук для заправки.

На славу получилась наша первая уха.

Вечером стали устраиваться на ночлег. Мне дали большой спальный мешок. Молодежь уже спала, а я по неопытности запутался в белом вкладыше и долго не мог застегнуть мешок. В довершение всего возле меня крутилась собачонка и спать не давала.

Все-таки я встал раньше всех, взял ружье и недалеко от лагеря подстрелил двух рябчиков.

Из-за полного отсутствия дорог приходилось до назначенных пунктов добираться на машинах по горным речкам. Едешь как в зеленом коридоре — верхушки берез сливаются над головой. Перед машиной играют крупные хариусы. Как во сне, как в сказке!

Пробирались, пока возможно, а затем ставили палатку.

Геологи уходили в маршруты, а мы с Белкой охраняли лагерь.

Ребята сильно уставали в походах, иногда забирались в спальные мешки без ужина, а утром — снова в маршрут.

Эмиль Воронов писал стихи. Правильно подметил он как-то:

Есть дорога на планшете,
А в тайге дороги нет.

Да! Нет дорог в необъятных горах Саян. В низинах непроходимые заросли древнего папоротника в человеческий рост. Выйдешь на высокое место, а отдохнуть под лиственницей нельзя — вверху прячется кровожадная рысь. По звериным тропам ходить опасно — попадешь в лапы хищника.

В горах приходилось быть скалолазом, завидуя диким козочкам, которые бегают по таким кручам, что, глядя на них, голова кружится.

Страшны грозы в Саянах. Бесперывно сверкают молнии, раскаты грома сливаются в один сплошной грохот. Дождь льет такими потоками, что кажется, вода вытесняет воздух, и становится нечем дышать.

Однажды разразилась такая гроза ночью. Товарищи были в далеком маршруте, а мы с Белкой вдвоем в палатке сидели. Вдруг к нам вбежал перепуганный зверек и схоронился на ящике с продуктами. Собака дрожала у ме-

ня в ногах и даже на него не взглянула. Подул сильный ветер. Угол палатки опустился мне на голову. По спине захлестала вода.

Взяв веревку и топор, я выбрался из-под мокрого тяжелого брезента, увидел вырванный из земли кол с угловой растяжкой. Исправив повреждение, зажег свечку. Подмоченные продукты перенес на сухое место. Устал, прилег на сырой мешок и уснул как убитый. Меня растормошила собака.

— Что такое, Белка?

Она схватила меня зубами за штаны и потянула из палатки. По крыше, по деревьям все еще барабанил дождь, но ветра уже не было и гремело где-то далеко. Белка бросилась в кусты и призывно залаяла. Я — за ней. Совсем близко от лагеря под укрытием густых прутьев лиственницы лежал человек. Это был наш шофер Шелепенко.

В палатке при свече я увидел, что по лицу парня струится кровь. Обмыл я его, и легли спать. Шелепенко уснуть по-настоящему не мог. Засыпал, кричал во сне и просыпался.

Солнце взошло на ясном безоблачном небе, как будто никакой грозы и не бывало. Я приготовил завтрак. Выполз на свет Шелепенко и спрашивает:

— Как, по-вашему, на лице шрамы останутся?

— Чудак, — ответил я. — Берегись, чтобы у тебя столбняка не случилось, а шрамы — ерунда.

У него оказалась разбитой щека, выбит зуб, на плече ссадины.

— Геологи, как козы, карабкаются по скалам, — рассказывал Шелепенко. — Полезли на скалу, я тоже за ними попер. И упал. Сперва не было больно, а потом... Хотели провожатого дать Вовку Самсонова — отказался. Не мог же я сорвать маршрут. Пошел, а тут гроза. Пришлось под деревом схорониться. А как домой попал, не помню.

— Скажи спасибо Белке. Она тебя почуяла. Мы с ней и приволокли тебя до палатки.

У нас в Прикамье, особенно в весеннее время, в лесу на все лады заливаются птичьи хоры, на полянах токуют глухари, высоко в небе «сеют золотое зерно» неутомимые жаворонки. Здесь — тишина, навевающая скуку. В дебрях прячется зверь, ни единым звуком не выдавая свое присутствие.

Но я нигде не видывал столько грибов в лесу, клубники на зеленых полянках. И Белка не отставала от нас —

живот покраснел у сладкоежки. При переездах мы делали остановки, чтобы пополнить наши грибные запасы.

Однажды пошли за грибами, а Шелепенко набрал букет лесных цветов. Для Светланы Молчановой. Девушка поставила цветы в консервную банку, ласково взглянула на парня, поблагодарила:

— Спасибо, милый!

Он покраснел и убежал.

Дня через два Светлана прибирала в палатке и выбросила засохшие цветы. Был поздний вечер. Шелепенко мигом заправил машину и умчался в тайгу.

— Куда его понесло? — возмутился Саша Абрамов. — Спать пора. Завтра на работу.

Когда мы закупились в мешки, подъехал Шелепенко. Осторожно открыл полог палатки и в изголовье девушки положил большой букет ярких цветов.

У нас не было повара. Приходилось всем по очереди готовить еду. Шелепенко во всем помогал Светлане. За нее и картошку почистит, и посуду вымоет, и проследит, чтобы уха не перекипела. Часто сопровождал ее в маршрутах, не давал шурфы рыть — сам брался за лопату. После поездок переодевался в чистый костюм, ежедневно брился, ворчал на нас, бородачей. Когда девушка вызывала его на разговоры, робел, краснел, брал старую газету и закрывался в кабине. Ребята заметили, что газета у него с дыркой. Читает и любуется Светланой, которая у палатки разбирает камешки — образцы пород.

Однажды, маскируясь кустарником, я на безымянной речке удил рыбу. Увлекся и не заметил, как ко мне подошел Шелепенко.

— Можно с вами поговорить? — Я вздрогнул от неожиданности.

— Можно-то можно, только мешаешь рыбачить. Пройдет клев, тогда и поговорим.

— Ладно. Посижу тут, подожду. Хотя дело-то у меня срочное. Выслушайте, пожалуйста.

Вижу — парень не в себе. Снял с крючка очередную рыбу и смотал леску.

— Поговорим, товарищ Шелепенко. Пойдем к лагерю.

— Нет. Здесь надо. По секрету. Чтобы другие не слышали.

— Хорошо. Слушаю.

— Не знаю, как и начать? — замялся Шелепенко. — Разрешается женатым работать в геологах?

— Не только разрешается, но и рекомендуется. Маргарита Александровна, например, замужем, а начальник отряда.

— Но ведь она без мужа. А обоим можно?

— Можно, если не ревнивые, — пошутил я. — Да к чему ты завел этот разговор?

Он не ответил, поблагодарил меня и зашагал к лагерю.

Пришлось поговорить с Ритой:

— Побеседуй, пожалуйста, со Светланой. Парень с ума сходит. Любит, а сказать боится.

— Я все знаю. И со Светланой говорила. Он ей очень нравится. Но у нее жених в Томске. Чтобы не нарушать покой в коллективе, я посоветовала Светлане не отталкивать его резко от себя. Он, конечно, не осмелится высказать ей свои чувства. Скоро конец сезона. Они разъедутся в разные стороны, и все станет на свое место.

«Эх, и неудачлив ты, товарищ Шелепенко! — думал я. — Но, может быть, ты и не одинок у нас в отряде? И дружим на нее «заглядеться не диво».

Пришла пора выехать отряду из тайги. В Красноярске мы временно остановились на городском пляже. Место крайне беспокойное. Весь день народ. Приходилось сторожить лагерь, что было моей обязанностью. Геологи с утра уезжали в центр, я оставался в лагере, к сожалению, в одиночестве. Наша Белка, когда мы выехали из тайги, заболела. Пришлось ее оставить в поселке Стекольный Завод у знакомого кузнеца.

Через два дня наш отряд направился в последний маршрут по левому берегу Енисея. Нет, по-моему, чудесней этой реки. Широченная, вода изумрудная, прозрачная — на дне каждый камешек виден. Быстрина такая, что на весельной лодке через реку не переплывешь.

По берегу — неплохая грунтовая дорога. Туда и обратно мчатся десятки машин. Поселки редкие, но благоустроенные.

На одной остановке ребята мне сказали, что видели, как ходит крупная рыбина. Заколотилось рыбацкое сердце! Крепких шнуров у меня в запасе не было. Нашел под сиденьем шофера проволоку. Привязал к этой надежной лесе большую блесну с якорьком. Вырубил удилище — бе-

резовый шест. Готовую снасть закинул в реку. Комель удилица закрепил в расщелине камня. На быстрой струе бойко заиграла моя блесенка. Не успел дойти до палатки, как услышал хлопанье вершины удилица по воде. Побежал к нему и вытянул полуметрового тайменя...

Хотелось мне дальше ехать на север, побывать на Диксоне, но не удалось. Не доезжали мы до Енисейска, как отряд неожиданно захватила зима. На березах зеленели листья — никаких признаков листопада. С вечера было тепло и ясно. Ночью над Енисеем появились кучевые облака. Утром мы с трудом выползли из палатки. Кругом белым-бело. На деревьях огромные шапки снега, прижимающие их к сырой земле.

Пришлось спешно свертывать лагерь и ехать на юг, в теплые места.

В мае следующего года отряд геологов, уже в другом составе, был направлен в степи Казахстана. Командовал отрядом зять Олег Жеро. Старшим геологом была Рита, геологами — Лиля и Лев Смирновы, рабочей (поварихой) — пятнадцатилетняя школьница из Кустаная Римма Жалилова (прототип главной героини моей повести «Первый маршрут Иры Сулимовой»), сторожем, рабочим и прочим — ваш покорный слуга.

Еще был шофер, изобретательный, смешливый Иван Майстренко. Вот и вся наша команда.

«Голое место — ни единого кустика. От горизонта до горизонта горькая полынь и колючий бурьян. Нет ни рек, ни озер и никакой живности. В степи человеку жить невозможно», — так объясняли мне теоретики, знакомые со степями Казахстана только по старым картинкам. А на самом деле?

От Петропавловска ехали мы ночью. Над головой низкое небо, усеянное мириадами ярких звезд. Впереди показался свет фар встречной машины. А встретили ее только через... полчаса. Значит, дальше, чем за тридцать километров, увидели машину, подсчитал я. Местность идеально ровная, как поле стадиона, дорога прямая, как стрела.

Мы не привыкли к такому однообразию. То ли дело наш родной Урал! Холмы и горы, леса и перелески, заводы и города, могучие реки. Нет на свете мест прекрасней нашего Урала!

Скорей бы до поселка какого-нибудь доехать! Я только

подумал об этом, как впереди слышались домашние шумы: кряканье уток, перекличка гусей. Показалось, что петухи поют. Значит, скоро отдохнем от утомительной ночной дороги.

Но не сбылись мои мечты. Мы выехали на совершенно безлюдный берег Ишима. Утки, гуси дикие, а петухи просто померещились. Пришлось на пустынном берегу раскинуть свой первый лагерь в Казахстане.

Взошло солнце, и степь ожила. Свистит суслик, играет угод. Из травы выскочил любопытный русак, уставился на неожиданных гостей и скрылся. Над рекой пролетела кукушка, совсем такая же, как у нас на Каме. Перелетают с места на место стаи уток и гусей.

«Что же, — думаю, — Урал хорош, но и в степи не так плохо».

После завтрака геологи ушли в маршрут. Я остался сторожить лагерь. Лег отдохнуть на раскладушке в тени палатки. Вдруг мимо меня бежит зверек с большую кошку и скрывается в палатке. Слышался топот копыт, свист, крики. Подъезжают трое верховых.

— Сурок гонял! Не видел сурок?

— Видел, — ответил я. — Туда убежал, — и показал рукой вдоль реки.

Казахи быстро ускакали. Заглянул в палатку, а сурка там не оказалось. Куда же он провалился. Чудеса да и только.

Не предполагал я, что в степи придется наблюдать множество чудес. И вот — другое чудо. В палатке на столбике под потолком увидел гигантского паука, чуть не с воробья величиною (у страха глаза велики). Пауцище вцепился мохнатыми лапами в столбик и, казалось, следит за мною. Сбил его ручкой геологического молотка на землю. Он сидит и убежать не собирается. Хотел мизгиря молотком прихлопнуть, а он опередил меня, напал первым — вцепился в молоток. Вместе с молотком я выбросил его в воду. Из-за охотников за сурками и из-за проклятого паука отдохнуть не удалось.

Вскоре мы переехали в поселок Новонежинка. Остановились на озере. Шофер Иван вечером поставил сети. Утром отвез геологов в кернохранилище и на резиновой лодке выехал на озеро, чтобы вытащить сеть.

Кричит — было недалеко от берега:

— Александр Николаевич! Мережа утонула. Поплавков не видно. Что делать?

— Шарь веслом, — ответил я ему. — Куда денется твоя мережа в тихом омуте?

Иван веслом поднял веревку от среднего поплавка, и снова паника:

— Вытащить не могу! За корягу, должно быть, зацепилась.

— А глубина какая?

Иван смерил веслом глубину.

— Мелко. Одного метра нет.

— Раздевайся, Ваня! И полезай в воду. Я сейчас к тебе. Помогу.

Я снял одежду и побрел к Ивану. Вода теплая, но мутная, как брага. И совсем мелко.

Я с одного конца, Иван с другого ухватили мережу и бродом вытянули ее на берег, полную рыбы.

До полдня выбирали запутавшихся в ячейках карасей. Наполнили ими ведра, корзину, что я наскоро сплел из камыша, но тары не хватало. Геологи привыкли рыть шурфы — выкопали на берегу яму. Этот садок быстро наполнился водой, и в ней затрепыхалась рыба.

Так много карасей, сразу не съешь. Солить впрок — соли жаль. Иван нашел выход. Из Новонежинки он привел старого казаха с пузатым бурдюком кумыса, выменял его на карасей. И оба были довольны.

Мы несколько дней утоляли жажду целебным молоком. Бурдюк хранили в воде среди зарослей камыша.

В степи дров нет. Мы пищу варили на паяльной лампе. При ее же помощи перед сном выжаривали гнуса из палаток. Иначе не уснешь. Иван по дорогам подбирал негодную, брошенную резину — покрышки, камеры. Резина хорошо горит, но стряпать на резиновом огне нельзя. Пища так пропитывается противным запахом, что и в рот не возьмешь. Только на простые костры годились Ивановы покрышки.

Обычно перед сном геологи садились кружком вокруг костра. Иван выносил гармошку, раскладывал перед собою ноты и играл. Однажды Римма поймала нотного обманщика.

— Он играет «Степь да степь кругом», а ноты из «Князя Игоря»!

— Все-таки я не на слух играю, а по нотам. Не все ли вам равно, по каким нотам?

Шутки, веселые разговоры. Главным рассказчиком был Иван. Однажды он вот что поведал:

— У меня бабушка была. Всех больше в семье меня любила. Потому что я, как и сейчас, самый хороший.

— Не врите, дядя Ваня, — вмешалась Римма. — У вас и бабушки не было.

— Честное слово, правду говорю... А ты помолчи, детский сад... Так вот, — продолжал Иван, — я бабушку тоже любил. Украл как-то у нее пятак на орехи, а она узнала. Как схватит ремень да на меня! Я бежать, она за мной. У нас в огороде большая черемуха росла. Я залез на нее от любимой бабушки. Она подбежала с ремнем и кричит: «Слезай, Ванька, сукин сын!» Я снял поясок и стал привязывать его к ветке. «Повешусь, бабушка, а не слезу». — «Что ты, — говорит, — дитяtko? Слезай, — говорит, — с черемухи». — «А стегать ремнем не будешь, бабушка?» — «Не буду, Ванюшенька. Неужели я зверь какой, что за пятак любимого внука стану тиранить?» И даже заплакала. Вижу, что бабушка правду говорит. И слез с черемухи.

— Ну и что? — спрашивает Римма. — Простила вас бабушка?

— Выпорола!

И — общий хохот.

Мне посчастливилось несколько раз побывать в степях Северного Казахстана. В первую нашу экспедицию (1956 год) приходилось ездить прямо по целине — дорог не было. Вместо построек — землянки, палатки. Встречались канавы, столбики, определяющие владения рождавшихся совхозов.

Прошло немного лет. В степи выросли благоустроенные поселки, протянулись шоссейные дороги. Поднятая целина дает миллионы пудов хлеба Советской стране.

4. На заслуженном отдыхе

Шестьдесят лет! Много было пережито за это время, что-то сделано полезного. Тираж моих книжек перевалил за миллион. Все дети получили высшее образование, о чем я сам даже и мечтать не смел. Появились внуки — четвертое поколение Спешиловых.

Ушли в даль молодые годы. Мне было не особенно весело, когда друзья торжественно провожали меня в «старики». Это было 5 октября 1959 года.

А вскоре дали нам квартиру со всеми удобствами в

новом доме на Городских горках. На старой квартире прошли лучшие в моей жизни творческие годы. Здесь мы с Александрой Петровной прожили немало лет. Здесь начали семейную жизнь. Здесь родились наши четверо детей.

Мы были рады и не рады улучшению жилищных условий. Накануне переезда, чтобы не видеть, как разоряют старое гнездо, я ушел ночевать в пустую квартиру. Спал на стульях у батареи центрального отопления.

Утром привезли наши вещи. Александра Петровна вошла первой, на глазах у нее слезы навернулись. Успокаиваю:

— Надо быть довольной, а ты...

— Потолок низкий и света мало, — ответила она, но я понял истинную причину ее слез: тяжело менять старое, обжитое место.

Я долго не мог освоиться с новыми условиями. Проснешься утром — и кажется, что не дома, а в командировке, не в своей обжитой комнате, а в номере далекой гостиницы.

Старая квартира на улице Ленина была в центре. Меня ежедневно навещали братья-писатели. Сколько было споров, разговоров о литературе! Устраивали литературные вечера, обсуждали творческие планы на будущее. Все знали, чем каждый из нас занимается, кто что пишет.

Коллективно помогали друг другу. Все начинающие поэты, прозаики перебивали в нашей квартире. С первыми стихами приходили к нам Владимир Радкевич, Борис Широков. Коми-пермьяцкий поэт Степан Караваев чувствовал себя у нас как в родном доме. Приезжали и писатели из Свердловска Константин Боголюбов, Николай Куштум, магнитогорец Борис Ручьев. Не забывали нашу квартиру москвичи Иван Арамилев, Артем Веселый, Иван Молчанов и многие писатели, которые жили в Перми во время эвакуации.

Грустно сознавать, что многих пермских писателей из старшего и среднего поколения уже нет среди нас. Но продолжают их дело Николай Вагнер, Лев Давыдычев, Алексей Домнин, Владимир Воробьев, Авенир Крашенинников, Алексей Решетов, Олег Селянкин, Владимир Черненко. Готовится молодая талантливая смена.

Художественная литература Прикамья, как и всей страны, находится на новом подъеме.

Чтобы не заплесневеть на заслуженном отдыхе, я включился в живую общественную работу в совете ветеранов комсомола, гражданской и Великой Отечественной войн.

Однажды с группой комсомольцев пермского завода имени Ф. Э. Дзержинского я решил съездить на братскую могилу в Ильинское, где захоронены останки восьмисот моих товарищей, павших от кровавых рук предателей из 10-го кавалерийского полка в конце декабря 1918 года.

Выехали мы накануне выходного дня вечером, в дождливую погоду. Водитель дорогу не знал. За Краснокамском увязли в болоте. Несмотря на дождь, комсомольцы горохом высыпали из кузова прямо в грязь и почти на руках вытащили машину на торное место.

Ехали всю ненастную ночь. Мне и в закрытой кабине было холодно, а им какво в открытом кузове? Но комсомол не унывал! Встретили утро веселой песней.

На берегу Обвинского залива раскинулся поселок — бывшее село Ильинское. Остановились на площади у райкома комсомола. Здесь нас уже ожидал мой друг — однополчанин Иван Петрович Старков. Мы с ним несколько лет не виделись и были рады встрече.

Ребята прислушались к нашему разговору, и когда Иван Петрович пригласил их на открытую веранду позавтракать, они запротестовали:

— Нет! Нет! Прежде всего экскурсия, а поесть успеем.

Вначале братская могила была на берегу реки Обвы. Перед наполнением Камского водохранилища ее перенесли в центр поселка. Среди пышной зелени сада воздвигли обелиск.

Внимательно слушали молодые люди наши рассказы о героической борьбе их дедов за власть народную в далекие годы гражданской войны. Мне было очень трудно говорить. Я до слез волновался. Здесь ведь лежали мои близкие друзья: Григорий Меркурьев, Василий Завьялов, Алексей Самохин, Василий Краузе и другие товарищи мои, отдавшие жизнь свою за правое дело. Как живых видел их перед собою.

Недавно пришел ко мне старший внук Борис и говорит:

— Я решил тебе сделать подарок.

— Спасибо! Какой подарок? Хотя об этом не спрашивают?

— Приезжай завтра на сорок восьмой километр. Встречу на мотолодке. Увезу в Кривое на Чусовую. Рыбачить будем. Вот тебе и подарок.

Давненько мне не приходилось сидеть с удочкой на реке — даже рыбачьи снасти заржавели. Привел их в относительный порядок, починил старый спальный мешок и отправился на любимую охоту.

Ширина Чусовского залива Камского водохранилища несколько километров — вот тебе и Енисей. Штормит, а суденышко у Бориса крохотное. Как, думаю, плыть? Ведь «в такую шальную погоду нельзя доверяться волнам».

Борис дал мне клеенчатый плащ. Посадил рядом с собой к ветровому стеклу. Как отвалили от берега, начались отчаянные прыжки по крутым волнам. Нас обдавало водою. Чтобы не вылететь за борт, я обеими руками вцепился в борт. Борис иногда ободрял меня улыбкой — говорить было невозможно. Я удивлялся, как в такой кутерьме он управляет лодкой.

Через час болтанки у левого берега показалась рыбацкая избушка. Встретила нас умная Борисова собака Юкон. Она радостно бросилась на грудь хозяина, а меня лизнула в щеку.

Вечером стихло. Только пена у берега напоминала о прошедшем шторме. В зеркальной поверхности воды ярко отражались прибрежные липы. Втроем поехали рыбачить — мы и Юкон.

Отъехали за километр на середину водохранилища, привязались к кольям, установленным на камнях-якорях на глубине пяти метров. Размотали удочки-«подергушки». Едва моя леска коснулась дна, как окунь схватил блесенку.

Забыл я про все на свете! Вновь проснулся охотничий азарт, как в былые годы.

На закате с богатым уловом мы возвратились домой. Сварили на костре уху окуневую.

В липняке шныряли и пели птицы. По бревнам, прибитым штормом к берегу, как заводные игрушки, бегали голубые полевки.

Утром Борис уехал в город продлить отпуск. Мы остались вдвоем с Юконом.

Днем я занимался хозяйством: вымел мусор в избушке, заготовил сухих дров, починил мостки, сплел корзину под грибы. Так и день прошел.

Вечером приехал Борис с семьей — женой Наташей и дочкой Леночкой, четырехлетней правнучкой моей.

Начались игры с Юконом. И что только Леночка не делала с ним? Тербила за уши, садилась верхом, а собака терпела и во всем ей подчинялась.

Потом Леночка побежала за цветочками. Рвала их и напевала:

Летит, летит ракета
Зеленького цвета.
На ней сидит Гагарин —
Простой советский парень.

— Где ты научилась петь, Леночка? — спрашиваю ее.

— В детском садике. У нас все ребята играют и поют.

Играй, Леночка! Веселитесь, счастливые ребята! Вам никогда не придется испытать того, что пережили ваши прадеды в своем тяжелом детстве. Ради вашего счастья мы жили, боролись, работали. И сегодня это радостно нам сознавать.

ОГЛАВЛЕНИЕ

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ	5
ЧАСТЬ ВТОРАЯ	26
ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ	52
ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ	86
ЧАСТЬ ПЯТАЯ	123
ЧАСТЬ ШЕСТАЯ	150
ЧАСТЬ СЕДЬМАЯ	175

Александр Николаевич Спешилов

СТРАНИЦЫ ПРОЖИТОГО

Автобиографическая повесть

Редактор И. Лепин

Художник М. Данилов

Художественный редактор

Н. Горбунов

Технический редактор Л. Тренева

Корректоры Е. Соколова, Г. Борсук

ИБ № 410

Сдано в набор 08.12.78 г. Подписано в печать 20.03.79 г. ЛБ02025. Формат бумаги 84×108¹/₃₂. Бум. тип. № 3. Гарнитура «Литературная». Печать высокая. Усл.-печ. л. 10,5. Уч.-изд. л. 11,005. Тираж 30 000 экз. 1-й завод 5000 экз. Заказ № 1313. Цена в ледерине — 1 р., в колленкоре — 95 к. Пермское книжное издательство. 614000, г. Пермь, ул. К. Маркса, 30. Книжная типография № 2 управления издательств, полиграфии и книжной торговли. 614001, г. Пермь, ул. Коммунистическая, 57.

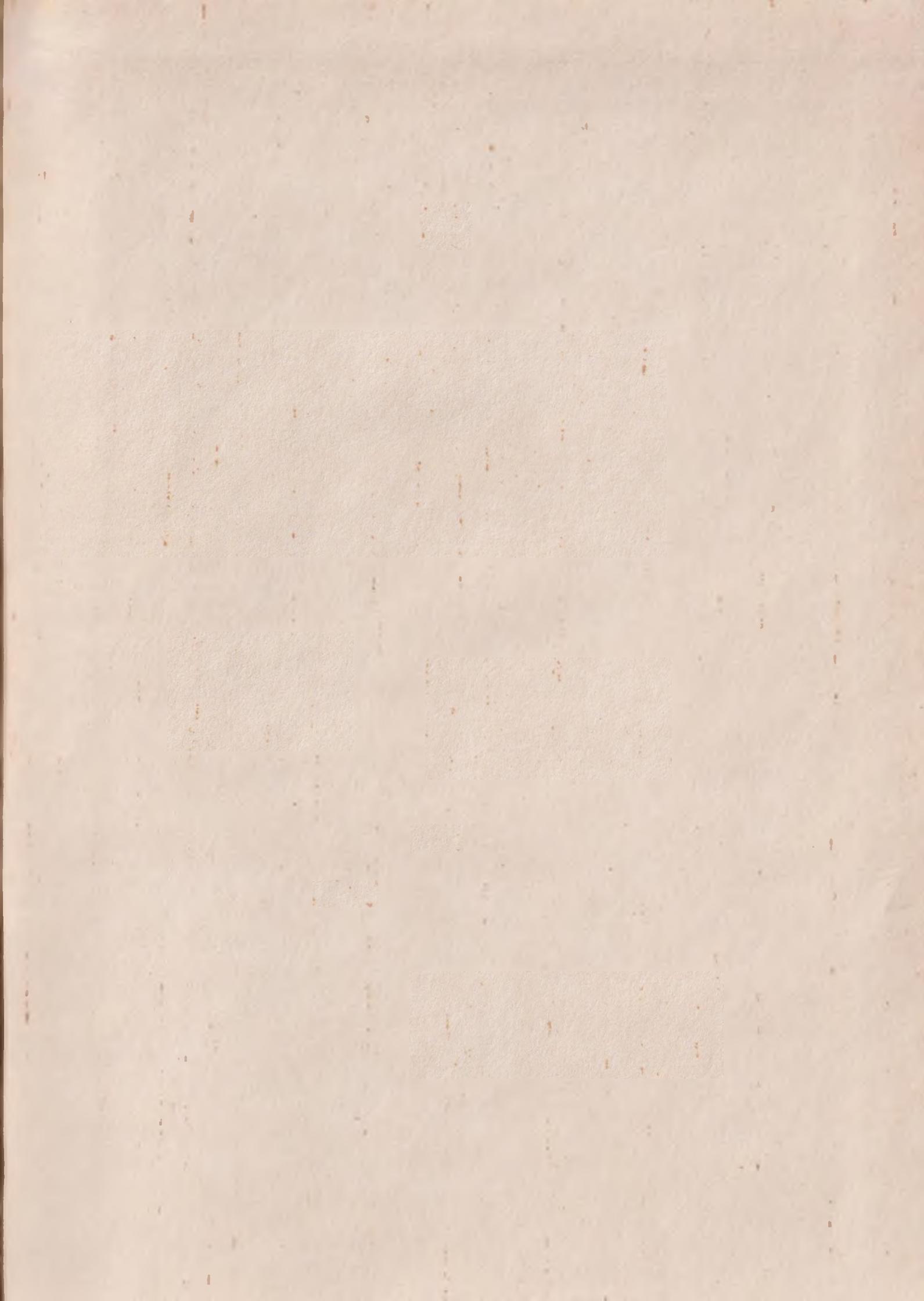
Спешилов А. Н.

С71 Страницы прожитого. Автобиографическая повесть. Пермь,
Кн. изд-во, 1979. — 197 с.

Автобиографическая повесть старейшего уральского писателя.

С $\frac{70302-27}{M152(03)-79} 25-79$

P2

95 коп.